D 290
R 290/135
б. 5 сер 2

75 к.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
СЕРІЯ А. Н. ЧУДИНОВА. ВТОРАЯ.
КЛАССИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ
ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.
ВЫПУСКЪ V-й.

R 290/135

ПОЭМА
И
ИЗБРАННЫЕ РОМАНСЫ О СИДѢ

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ИСПАНСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романсы о Сидѣ.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА 1-го М. П. З. Ленинград

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1897.

Изданія И. Глазунова въ С.-Петербургѣ.
Невскій пр. 27.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы.

Вып. I. **Слово о полку Игоря.** Текстъ памятника съ примѣчаніями, прозаическій и поэтическій, его переводы, матеріалы для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Изд. 7-е. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Вып. II. **Домострой** Сильвестровскаго извода. Текстъ памятника съ примѣчаніями, матеріалы для сравнительнаго изученія [образцы Домостроевъ: Ксенофонта и 3-хъ западноевропейскихъ], объяснительныя статьи и словарь. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 45 к.

Вып. III. **Басни русскихъ писателей** въ сравнительномъ изученіи. Текстъ басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, Измайлова, Сумарокова, В. Майкова, Тредьяковскаго и др., въ пяти группахъ, сравнительно съ русскими народными сказками и пословицами, баснями Эзопа, Лафонтена и др., примѣчанія, объяснительныя статьи. Спб. 1891. Ц. 40 к.

Вып. IV. **Григорій Котошихинъ.** Текстъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", гл. I, II и XIII, съ примѣчаніями, исторія памятника, біографія автора. Спб. 1891. Ц. 30 к.

Вып. V. **Баллады В. А. Жуковскаго.** Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Спб. 1907. Ц. 65 к.

Вып. VI. **А. С. Грибоѣдовъ.** Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критич. отзывы Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго. „Мильонъ терзаній", крит. этюдъ И. А. Гончарова. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 45 к.

Вып. VII. **Д. И. Фонъ-Визинъ.** Избранныя сочиненія. Недоросль. — Бригадиръ. — Чистосердечныя признанія.—Объяснительныя статьи. Спб. Изд. 2-е. 1909. Ц. 50 к.

Вып. VIII. **Н. М. Карамзинъ.** Ч. I. Повѣсти. — Разсужденія. — Стихотворенія. Спб. 1892. Ц. 55 к.

Вып. IX. **Н. М. Карамзинъ.** Избранныя сочиненія. Часть II. Письма русскаго путешественника, съ примѣчаніями. Спб. 1892. Ц. 60 к.

Вып. X. **М. В. Ломоносовъ.** Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія. — Прозаическія статьи. Матеріалы для изученія его сочиненій. Спб. 1892. Ц. 35 к.

Вып. XI. **Г. Р. Державинъ.** Избранныя сочиненія. Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 40 к..

Вып. XII. **Кн. А. Д. Кантеміръ.** Избранныя сатиры. Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1893. Ц. 40 к.

Вып. XIII. **Былины.** Былины про старшихъ богатырей.—Былины кіевскаго и новгородскаго цикловъ.—Духовные стихи.—Историческія пѣсни.—Восемь объяснительныхъ статей. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Вып. XIV. **А. П. Сумароковъ.** Избранныя драматическія произведенія. Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Опекунъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній. Спб. 1893. Ц. 50 к.

Вып. XV. **Типы скупого** въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ.—Кубышка, ком. Плавта.—Скупой, ком. Мольера.—Плюшкинъ Гоголя.—Скупой рыцарь, Пушкина.—Три характеристики Ѳеофраста.—Русскія пословицы о скупости. Спб. 1893. Ц. 40 к.

Вып. XVI. **Лѣтопись Нестора** со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями. — Поученія Владиміра Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Вып. XVII. **Императрица Екатерина II.** Избранныя сочиненія. Начальное ученіе.—Пословицы.—Сказки. — Были и небылицы.—О время! ком.—Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 45 к.

Вып. XVIII. **Русская народная лирика.** Пѣсни обрядовыя.—Пѣсни семейныя.—Пѣсни бытовыя.—Пѣсни удалыя.—Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 40 к.

Вып. XIX. **Древне-русскія повѣсти и романы.** — Слово о Бовѣ. — Троянскія сказанія. — Девгеніево дѣяніе. — Соломонъ и Китоврасъ.—Повѣсть о Басаргѣ.—Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ.—Судное дѣло у Леща съ Ершомъ.—Объяснит. статьи. Спб. 1895. Ц. 40 к.

Вып. XX. **М. М. Хераскова.** (1733 — 1807). Россіада; поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1895. Ц. 60 к.

Вып. XXI. **И. И. Дмитріевъ.** Избранныя стихотворенія. Лирическія стихотворенія.—Пѣсни.—Сатиры.—Сказки.—Басни.—Апологи.—Объяснит. статьи. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Вып. XXII. **В. Н. Татищевъ.** (1685 — 1750). Духовная моему сыну. Тексты Духовной и Увѣщанія. — Содержаніе Разговора о пользѣ наукъ и др. сочиненій. Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 30 к.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
1-го М. П. З. Техникума

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 5 АПРѢЛЯ 1897 Г. ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

45/180 R 290/135

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
СЕРІЯ А. Н. Чудинова. ВТОРАЯ.
КЛАССИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ
ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.
ВЫПУСКЪ V-й.

483/54

ПОЭМА
И
ИЗБРАННЫЕ РОМАНСЫ О СИДѢ

800 П.67

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ИСПАНСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

Полный текстъ Поэмы о Сидѣ. — Избранные романсы о Сидѣ. — Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
1-го М. П. З. Тех.
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Апрѣля 1897 г.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
103828-48

RFID 2018554563

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1948 г.
10					1	15	5 715	

96.

Предисловіе.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается серія большихъ средневѣковыхъ народныхъ произведеній, избранныхъ для помѣщенія въ Рус. Клас. Библіотекѣ. Пятый выпускъ посвященъ знаменитой Поэмѣ о Сидѣ и избраннымъ романсамъ, въ которыхъ воспѣваются подвиги этого любимѣйшаго героя испанскаго эпоса. Въ единственной уцѣлѣвшей рукописи Poema del Cid, впервые изданной Санчесомъ въ 1779 г., заключается 3744 стиха, причемъ въ ней не достаетъ еще до 250 стиховъ, безвозвратно погибшихъ. Рукопись списана, какъ это видно изъ окончанія ея, какимъ-то аббатомъ Перо въ 1245 году. Самый языкъ поэмы—тотъ именно, на которомъ говорилъ Сидъ—языкъ, вполовину лишь еще развившійся, съ неустановившимся словосочиненіемъ и не вполнѣ опредѣлившимися грамматическими формами; въ немъ мало тѣхъ соединительныхъ частицъ, которыя придаютъ особую прелесть и выразительность всякому языку. Внѣшняя форма поэмы, размѣръ стиха, отличаются грубостью и неуклюжестью; стихъ, первоначально разсчитанный на 14 слоговъ, раздѣленныхъ цезурой на восьмомъ слогѣ, нерѣдко достигаетъ 16-ти и даже 20-ти слоговъ, а иногда суживается до 12-ти.

Главное содержаніе поэмы—приключенія Сида, великаго народнаго героя рыцарскихъ временъ Испаніи. Ха-

рактеръ поэмы и господствующее въ ней настроеніе носятъ яркій отпечатокъ тогдашней борьбы мавровъ и христіанъ, въ которой Сидъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе. Вся поэма проникнута національнымъ колоритомъ и характеромъ. Съ чисто гомеровской простотою неизвѣстный авторъ изображаетъ намъ живую картину рыцарскихъ временъ Испаніи, массу бытовыхъ и личныхъ подробностей, запечатлѣнныхъ смѣлымъ, искреннимъ и своеобразнымъ духомъ эпохи. „Нужно прочесть эту поэму всю отъ начала до конца, говоритъ Тикноръ [1])— тогда только возстанетъ въ нашемъ воображеніи во всей своей свѣжести изображаемая въ поэмѣ грубая, но героическая пора испанской жизни: простота правительствъ и преданность имъ вѣрнаго и благороднаго народа, колоссальное напряженіе первоначальнаго религіознаго энтузіазма, живописный колоритъ нравовъ и будничной жизни въ эпоху смутъ и неурядицы, наконецъ смѣлыя очертанія національнаго генія, невольно поражающія васъ. Чѣмъ болѣе вчитываешься въ это произведеніе, тѣмъ болѣе проникаешься духомъ описываемаго времени. За тысячу лѣтъ, протекшихъ со временъ паденія грекоримской цивилизаціи до появленія „Божественной Комедіи“ Данте, не было въ поэтической литературѣ Европы произведенія, столь оригинальнаго по тону, столь богатаго чувствомъ, энергіей и изобразительностью“.

Поэма о Сидѣ переведена на всѣ европейскіе языки. На русскомъ языкѣ содержаніе этого произведенія, до сихъ поръ, извѣстно было лишь въ краткомъ пересказѣ, помѣщенномъ въ прекрасномъ изслѣдованіи о Сидѣ Ѳ. И. Буслаева. Напечатанный въ настоящемъ выпускѣ

---

[1]) Исторія испанск. литературы. Т. I, стр. 17.

прозаическій переводъ поэмы, сдѣланный собственно для этого изданія, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и единственнымъ русскимъ переводомъ ея. Предлагаемый переводъ, какъ и большая часть переводовъ на другіе европейскіе языки, сдѣланъ прозою. Попытки изложенія средневѣковыхъ народныхъ произведеній, съ ихъ грубой и тяжелой версификаціей, такъ называемымъ размѣромъ подлинника, въ сущности совершенно не передаваемымъ современной фактурой стиха,—могутъ сами по себѣ представить весьма художественное и цѣнное, но совершенно самостоятельное произведеніе, мало напоминающее подлинникъ. Изящная, мелодическая форма современнаго стиха въ значительной степени, такъ сказать, модернизируетъ былину добраго стараго времени, когда—по удачному выраженію Ф. Вольфа—„слова ставились ни во что, а цѣнилось одно дѣло“.

Различные эпизоды изъ похожденій Сида доставили также богатый матеріалъ *романсамъ* — лиро-эпическимъ кантиленамъ, составлявшимъ наиболѣе распространенный видъ изначальнаго народнаго творчества кастильцевъ. Метрическое строеніе романсовъ очень просто: они состоятъ изъ восьмисложныхъ стиховъ съ ассонансами, иногда раздѣляющихся на строфы въ четыре строки, называемыя redondillas. Романсы эти читались на-распѣвъ речитативомъ, причемъ нерѣдко такое пѣніе сопровождалось національными танцами. Собственно романсовъ, посвященныхъ Сиду, насчитывается до 200: нѣкоторые изъ нихъ весьма древніе и отличаются поэтичностью. Они сообщаютъ полную исторію Сида съ подробностями, не встрѣчающимися ни въ поэмѣ, ни въ прозаической хроникѣ и латинской поэмѣ—двухъ другихъ произведеніяхъ, тоже посвященныхъ Сиду. Для помѣщенія въ

настоящемъ выпускѣ Рус. Клас. Библ. избрана часть этихъ романсовъ, относящаяся къ тремъ главнымъ эпохамъ изъ жизни Сида и восполняющая событія, не вошедшія въ содержаніе *поэмы*. Романсы приведены въ переводахъ: В. А. Жуковскаго, представляющихъ поэтическое изложеніе содержанія по нѣмецкому переводу Гердера, довольно далекое отъ подлинника, Н. В. Берга тоже стихами и нѣсколько романсовъ въ прозаическомъ переводѣ. Кромѣ помѣщаемыхъ въ настоящемъ изданіи, на русскомъ языкѣ извѣстны еще нѣсколько романсовъ о Сидѣ въ прозаическомъ переводѣ, напечатанные въ книгѣ О. Петерсонъ и Е. Балобановой: „Западно-европейскій эпосъ“, ч. I (Спб. 1896 г.).

Въ качествѣ объяснительной статьи, помѣщается извлеченіе изъ изслѣдованія Т. Н. Грановскаго, заключающее въ себѣ характеристику Сида, какъ историческаго лица, и объясненіе историко-литературнаго значенія самого памятника.

Къ книгѣ приложена картинка, изображающая Сида и составленная по рисункамъ того времени.

I. ПОЭМА О СИДѢ.

Переводъ А. Ч.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

. . . . . [1])

Своими глазами величаво плакалъ онъ, Мой Сидъ [2]); поворотилъ онъ голову назадъ и сталъ глядѣть на свои жилища. Онъ увидѣлъ распахнутыя настежь ворота, двери безъ замковъ, вѣшалки пустыя—нѣтъ на нихъ ни шубъ, ни плащей, охотничьи нашести, непокрытыя, безъ соколовъ и кречетовъ линялыхъ. Вздохнулъ Мой Сидъ, ибо велика была его кручина. Наконецъ, поуспокоившись сердцемъ, сказалъ онъ разумно и покойно: „Благодарю Тебя, Господи, Отче нашъ, иже на небесѣхъ! Всѣ несчастія мои—дѣло коварныхъ моихъ недруговъ".

Однако, пора подумать объ отъѣздѣ, все готово, ослаблены повода. При выѣздѣ изъ Бивара—вороны были имъ направо, при въѣздѣ же въ Бургосъ—налѣво. Увидя это, Мой Сидъ

---

[1]) Первыхъ стиховъ не достаетъ въ единственно извѣстномъ спискѣ этой поэмы. Вѣроятно, въ нихъ заключалось краткое изложеніе содержанія ея. Сидъ отправляется въ изгнаніе. Немилость эту объясняютъ различнымъ образомъ; но, насколько это видно изъ дальнѣйшаго содержанія, она явилась послѣдствіемъ дѣлежа добычи, пріобрѣтенной Сидомъ въ землѣ мавровъ.

[2]) Слово Сидъ значитъ *господинъ*. По преданію, такъ назвали его пять мавританскихъ королей, которые были взяты имъ въ плѣнъ и потомъ освобождены.

пріободрился и поднялъ голову: „Слава Богу! Альваръ Фаньезъ, это доброе предзнаменованіе; но, во-истину, мы все-таки изгнаны изъ страны!“ Съ этими словами, Мой Сидъ, во главѣ дружины въ шестьдесятъ копій, въѣзжалъ въ Бургосъ. Мужчины и женщины хотятъ посмотрѣть на него; одни, стоя на порогѣ, другіе у оконъ — всѣ глядѣли на него глазами полными слезъ — столь велико ихъ горе, и у всѣхъ на устахъ одни и тѣже слова: „Боже! если бы у такого добраго вассала былъ добрый господинъ!“ Рады бы они были пригласить его, но никто не смѣетъ: великъ гнѣвъ короля донъ-Альфонса! Наканунѣ еще, пришло въ Бургосъ отъ короля письмо, тщательно запечатанное большой печатью. Въ немъ было сказано, чтобы Моему Сиду Руи-Діазу отнюдь никто не смѣлъ давать пристанища; буде же отважится кто, да будетъ тому извѣстно—угроза непустая — что онъ потеряетъ свое имущество и глаза на лицѣ своемъ, а сверхъ того—тѣло и душу. Людъ христіанскій былъ въ великой печали. Всѣ отворачивались отъ Моего Сида, ибо не смѣли сказать ему ни слова. Кампеадоръ [1]) направился къ своему дому, но двери оказались крѣпко запертыми, какъ повелѣлъ король Альфонсъ, котораго боялись: сколько ни стучалъ онъ, двери оставались закрытыми. Люди Моего Сида стали звать громкимъ голосомъ, но никто извнутри не откликнулся. Мой Сидъ пришпориваетъ коня, бросается къ двери и, вытащивъ ногу изъ стремени, жестоко ударяетъ ею въ одну изъ створокъ. Двери не отперлись—крѣпко замкнуты были. Въ эту минуту подошла къ нему дѣвочка девяти лѣтъ и сказала: „Ахъ, Кампеадоръ, въ добрый часъ опоясали вы мечъ!... Увы! король запретилъ: сегодня пришло отъ него письмо, тщательно запечатанное большой печатью. Ни за что на свѣтѣ мы не осмѣлимся ни отворить, ни впустить васъ: не то потеряемъ наше имущество и наши дома, да сверхъ того и глаза на

---

[1]) Кампеадоръ отъ глагола campear,—въ полѣ наѣздничать, равносильно нашему *поленица*, *богатырь*.

лицѣ своемъ... Наше несчастіе, Сидъ, не принесетъ вамъ ничего. Но да хранитъ васъ Творецъ и всѣ святые ангелы Его!“ Сказавъ это, она возвратилась къ своему дому.

Хорошо видитъ Сидъ, что лишился милости короля. Онъ удаляется отъ дверей и направляетъ коня своего чрезъ Бургосъ. Онъ подъѣхалъ къ Святой Маріи, слѣзъ съ коня, преклонилъ колѣна и помолился въ душѣ. Окончивъ молитву, онъ снова сѣлъ на коня. Скоро онъ проѣхалъ ворота Бургоса и остановился въ Арланзонѣ. Близъ этого города, на берегу, онъ намѣренъ былъ сдѣлать привалъ. Велѣлъ онъ поставить шатеръ и слѣзъ съ коня. Мой Сидъ Руи-Діазъ, что опоясалъ мечъ въ добрый часъ, нашелъ пріютъ въ шатрѣ на берегу, ибо никто не дерзнулъ принять его въ своемъ жилищѣ. Тамъ расположился Мой Сидъ на отдыхъ, точно на горахъ, а вокругъ него храбрая дружина. Ему воспрещено было даже купить себѣ что-либо въ стѣнахъ Бургоса: ему побоялись бы продать какія-нибудь крохи самой скудной пищи.

Мартинъ Антолинезъ, одинъ изъ жителей Бургоса, имѣвшій съ собою хлѣбъ и вино, могъ безъ всякой продажи удѣлить ихъ Моему Сиду и его людямъ. Мой Сидъ Кампеадоръ былъ доволенъ и всѣ бывшіе съ нимъ. Послушайте, что сказалъ ему Мартинъ Антолинезъ: „Ахъ, Кампеадоръ, въ добрый часъ родились вы. Эту ночь проведемъ здѣсь, а завтра съ разсвѣтомъ отправимся въ путь, ибо за услугу, оказанную вамъ, меня обвинятъ, и я попаду въ опалу у короля Альфонса. Но если съ вами спасусь живъ и здоровъ, рано или поздно, король будетъ искать моей дружбы. Впрочемъ, не ставлю я ни въ грошъ все, что я оставляю“.

Мой Сидъ, что въ добрый часъ опоясалъ свой мечъ, отвѣчалъ ему: „Мартинъ Антолинезъ, смѣлое вы копье; пока живъ, я буду платить вамъ двойное жалованье. Но теперь нѣтъ у меня ни золота, ни серебра. Какъ видите, я не взялъ съ собою богатствъ, а они мнѣ понадобятся для всей моей дружины. Придется прибѣгнуть къ хитрости, добромъ же мнѣ

*

не добыть ничего. Если одобряете, припасемъ два сундука. Наполнимъ ихъ пескомъ, чтобы казались потяжелѣе, покроемъ красною кожей и обобьемъ позолоченными гвоздями. Ступайте скорѣе и позовите Рахеля и Видаса. Скажите имъ, что я не могъ сдѣлать покупокъ передъ въѣздомъ въ Бургосъ, боясь королевскаго гнѣва. Богатствъ своихъ тоже не взялъ съ собою, ибо очень тяжелы: я готовъ отдать ихъ подъ закладъ на благоразумныхъ условіяхъ. Пусть унесутъ ихъ ночью, чтобъ не видалъ ни одинъ христіанинъ; только Создатель и всѣ Святые Его будутъ свидѣтелями,—я же не могу сдѣлать ничего болѣе, и вынужденъ на то противъ воли".

Мартинъ Антолинезъ не сталъ медлить; онъ проѣхалъ Бургосъ, явился въ замокъ и поспѣшно спросилъ Рахеля и Видаса. Послѣдніе были вмѣстѣ, сводя счеты и вычисляя свои барыши. Мартинъ Антолинезъ ловко приступилъ къ дѣлу: „Вы ли это, Рахель и Видасъ, добрые друзья мои? Я хотѣлъ бы поговорить съ вами по дѣлу, требующему тайны". Всѣ трое тотчасъ же уединились. „Рахель и Видасъ, подайте мнѣ руку и поклянитесь, что не выдадите меня ни мавру, ни христіанину. Я хочу васъ обогатить на всю жизнь, такъ чтобы вы никогда не нуждались. Ведя войну, Кампеадоръ собралъ себѣ громадную добычу и высокой цѣнности. То, что осталось у него, уже представляетъ значительное богатство—изъ-за котораго и возникла интрига, сгубившая его. Вы знаете, теперь король очень раздраженъ противъ него—Мой Сидъ принужденъ былъ покинуть свои земли, замки, дворцы. Но у него осталось два сундука, два сундука полныхъ золота. Какъ увезти ихъ, чтобы никто не замѣтилъ? Кампеадоръ не прочь былъ бы оставить ихъ въ вашихъ рукахъ, если ссудите его приличной суммой денегъ. Возьмите къ себѣ сундуки и оставьте ихъ въ качествѣ залога. Поклянитесь лишь мнѣ, и оба дайте слово, что въ теченіе всего этого года вы не загляните въ нихъ". Рахель и Видасъ стали совѣщаться между собою. „Намъ необходимъ, въ каждомъ дѣлѣ,

порядочный барышъ. Не безызвѣстно намъ, что Кампеадоръ скопилъ себѣ немало. Во время нападенія его на земли мавровъ, какія великія богатства могъ онъ пособрать! У кого деньги въ монетахъ, тотъ не станетъ спать покойно. Заберемъ-ка мы вдвоемъ эти сундуки и припрячемъ тамъ, гдѣ ихъ никому не найти. Но, скажите намъ, сколько же ему, Сиду, придется отсчитать наличными? Какова будетъ наша польза за весь этотъ годъ?"

Мартинъ Антолинезъ ловко отвѣтствовалъ: „Требованія Моего Сида будутъ вполнѣ благоразумны; во всякомъ случаѣ, дадите немного, сравнительно съ сокровищами, которыя вамъ онъ оставляетъ. Его окружаютъ люди весьма нуждающіеся; ему необходимо 600 марокъ".

Рахель и Видасъ сказали, что охотно дадутъ эту сумму. „Какъ видите, ночь наступаетъ, продолжалъ Мартинъ Антолинезъ, Сидъ спѣшитъ, выдайте эти марки теперь же".

Но Рахель и Видасъ закричали: „О! дѣла такъ не дѣлаются; мы должны получить сперва, а потомъ уже и сами дадимъ".

— „Ничего не имѣю противъ того, сказалъ Мартинъ Антолинезъ, вы вручите эту сумму славному Сиду и поможете намъ, по всей справедливости, отдѣлаться отъ этихъ сундуковъ, которые мы оставимъ у васъ—все это нужно устроить такъ, чтобы не зналъ ни мавръ, ни христіанинъ".

Рахель и Видасъ отвѣчали: „Согласны. Какъ только сундуки будутъ въ нашихъ рукахъ, получайте ваши 600 марокъ".

Мартинъ Антолинезъ, въ сопровожденіи Рахеля и Видаса, тотчасъ же отправились верхомъ, удовлетворенные и довольные. Чтобы избѣжать встрѣчи съ жителями Бургоса, они миновали мостъ и переѣхали рѣку въ бродъ. Вотъ прибыли они къ шатру славнаго Кампеадора.

При входѣ, они поцѣловали у него руки, а Мой Сидъ, улыбаясь, отвѣчалъ имъ: „Хорошо! донъ-Рахель и Видасъ, я полагалъ, что вы забыли меня!... Вотъ я покидаю страну

по причинѣ гнѣва короля. Но, насколько я могу обѣщать, вы получите нѣчто отъ моей руки и всю вашу жизнь не будете знать нужды".

Донъ-Рахель и Видасъ цѣловали руки Моего Сида. Наконецъ, Мартинъ Антолинезъ прикончилъ все это дѣло. Они обязались дать ему 600 марокъ подъ залогъ этихъ сундуковъ, которые они должны были сохранить до конца года—таковъ былъ договоръ, такова была клятва ихъ. Но они нарушили бы клятву, еслибы заглянули въ нихъ раньше, и Мой Сидъ не далъ-бы имъ ни одного ломаннаго динарія барыша. Мартинъ Антолинезъ сказалъ имъ: „берите-же, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, эти сундуки, Рахель и Видасъ, унесите ихъ и сберегите въ качествѣ залога. Я отправлюсь съ вами, чтобы принесть 600 марокъ, ибо Мой Сидъ долженъ уѣхать еще до пѣтуховъ".

Посмотрѣли-бы вы восторгъ ихъ, когда взялись они за эти сундуки! Но, не смотря на всѣ усилія, ихъ невозможно было поднять. Рахель и Видасъ ликовали при мысли, что столько серебрянной монеты принадлежитъ имъ: вотъ-де оба мы обезпечены на всю остальную жизнь.

Рахель еще разъ наклонился, чтобы поцѣловать руку Моего Сида:

„Ахъ, Кампеадоръ, въ добрый часъ опоясали вы мечъ. Вы покидаете Кастилью и отправляетесь въ чужія земли. Богатѣйшая добыча будетъ сопровождать ваши побѣды. Пожалуйте мнѣ въ даръ, о Сидъ! цѣлую вашу руку — одинъ мавританскій мѣхъ, красный и блестящій!"

— „Охотно, сказалъ Сидъ, съ этой минуты онъ вашъ; я привезу вамъ его оттуда, будьте увѣрены, или-же вы можете взять стоимость его деньгами изъ моихъ сундуковъ".

Мартинъ Антолинезъ вернулся въ жилище Рахеля и Видаса. Тамъ они разостлали по срединѣ комнаты большой коверъ, а на этомъ коврѣ бѣлополотняную скатерть. Съ перваго раза, они высыпали на ней триста серебряныхъ марокъ; донъ Мартинъ считалъ и принималъ ихъ, не взвѣшивая.

Остальныя три сотни марокъ они заплатили ему золотомъ. Мартинъ распредѣлилъ эту ношу между пятью оруженосцами, которыхъ привелъ съ собой.

Послушайте, что онъ сказалъ, когда все было кончено: „Теперь, донъ Рахель и Видасъ, сундуки въ вашихъ рукахъ: вѣдь это я вамъ устроилъ, и потому вполнѣ заслужилъ себѣ на панталоны“.

Рахель и Видасъ удалились на минуту вмѣстѣ: „Дадимъ ему хорошій подарокъ, вѣдь это онъ намъ устроилъ“. —Мартинъ Антолинезъ, знаменитый бургосецъ, вы точно заслужили; мы намѣрены сдѣлать вамъ хорошій подарокъ — на него вы купите себѣ и панталоны, и богатое покрывало, и хорошій плащъ,—вотъ вамъ 30 марокъ. Вы останетесь намъ благодарны, надѣюсь, и постараетесь исполнить заключенное между нами условіе“. Донъ Мартинъ поблагодарилъ ихъ, взялъ марки и, думая лишь о томъ, какъ-бы убраться отсюда, простился съ ними.

Въ скоромъ времени, онъ выѣхалъ изъ Бургоса и прибылъ въ Арманзонъ. Онъ подъѣхалъ къ шатру того, что въ добрый часъ родился.

Сидъ принялъ его съ открытыми объятіями: „Придите ко мнѣ, Мартинъ Антолинезъ, мой вѣрный вассалъ — хоть-бы вамъ получить поскорѣе что-либо отъ меня!“

— „Я приношу съ собою чудныя новости, Кампеадоръ: вотъ ваши 600 марокъ, я-же заработалъ тридцать. Велите сложить шатеръ и поѣдемъ, не мѣшкая; до пѣтуховъ мы можемъ быть въ Санъ-Педро-де-Корденія. Мы увидимъ вашу жену, эту достославную даму, и расплатившись съ хозяиномъ, покинемъ королевство. Пора, нечего болѣе медлить“.

При этихъ словахъ, шатеръ былъ собранъ. Мой Сидъ и его свита быстро поскакали. Дорогою, Сидъ повернулъ голову коня къ церкви Св. Маріи и, поднявъ правую руку, перекрестился и сказалъ: „Благодарю Тебя, Всевышній Владыка земли и неба. Пречистая Дѣва, будь мнѣ покровомъ. Я покидаю Кастилью, повинуясь гнѣву моего короля, и не

знаю, вернусь-ли сюда когда-либо въ жизни. Пресвятая Дѣва, помоги и спаси меня, въ моемъ изгнаніи, будь мнѣ заступницей и въ день, и въ ночь. Если ты примешь мою молитву и судьба моя свершится ко благу, я пошлю на Твой алтарь богатые и чудные дары и обѣщаюсь отслужить предъ нимъ тысячу обѣденъ!“

Онъ отправляется въ путь, Мой Сидъ, этотъ герой великой доблести. Всѣ опускаютъ повода и продолжаютъ дорогу.

Между тѣмъ, Мартинъ Антолинезъ говоритъ ему: „Я хочу еще разъ увидать мою жену, какъ того жаждетъ мое сердце. Я скажу, что ей придется дѣлать. Пусть король беретъ мое имущество, мнѣ все равно! Вы увидите меня еще ранѣе, чѣмъ взойдетъ солнце“.

Мартинъ Антолинезъ вернулся въ Бургосъ, а Мой Сидъ, направляясь къ Санъ-Педро-де-Корденія, пришпорилъ коня, сопровождаемый всѣми рыцарями, которые такъ великодушно предоставили себя въ его распоряженіе. Скоро запѣли пѣтухи: начинало свѣтать.

Когда добрый Кампеадоръ прибылъ въ Санъ-Педро, аббатъ Донъ-Санхо, добрый христіанинъ, читалъ утреннія молитвы передъ восходомъ солнца, а донья Химена присутствовала при этомъ въ обществѣ пяти благородныхъ дамъ. „Господи, Ты, управляющій міромъ, помоги Моему Сиду Кампеадору!“ говорили онѣ въ своихъ молитвахъ къ Творцу и св. Петру.

Но вотъ кличетъ онъ у воротъ, признали его голосъ. Боже! какъ обрадовался аббатъ Донъ-Санхо! Всѣ съ факелами въ рукахъ бросились на дворъ: велика была радость ихъ при видѣ того, что въ добрый часъ родился! „Благодарю Бога, что вижу васъ здѣсь, Мой Сидъ, сказалъ аббатъ Донъ-Санхо, и могу предложить вамъ гостепріимство“. Сидъ ему отвѣчалъ: „Спасибо, господинъ аббатъ, благодарю васъ. Мнѣ нужны съѣстные припасы для моихъ людей и меня, и о томъ я позабочусь. Пока что, покидая страну, вотъ вамъ пятьдесятъ марокъ, которыя я удвою, если Господь продлитъ мнѣ

жизнь еще нѣкоторое время, ибо я не желалъ-бы и на одинъ динарій причинить ущерба монастырю. Оставляю вамъ сверхъ того 560 марокъ для доньи Химены, ея дочерей и ея дамъ: послужите имъ этотъ годъ. Двѣ дочери, которыхъ я оставляю, еще очень юны — позаботьтесь о нихъ и примите ихъ подъ свое покровительство. Жену мою и моихъ дочерей вамъ поручаю, аббатъ Донъ-Санхо. Если эта сумма окажется недостаточною, и расходы будутъ больше, чѣмъ мы думаемъ, прошу васъ не лишайте ихъ вашихъ заботъ. За каждый истраченный вами динарій я отдамъ четыре монастырю". Аббатъ охотно принялъ эти условія.

Въ эту минуту, явилась донья Химена съ дочерьми. Каждую изъ нихъ ведетъ дуэнья и представляетъ ему. Передъ Кампеадоромъ донья Химена падаетъ на колѣни. Она плачетъ своими глазами и цѣлуетъ его руки.

„Вотъ и я передъ вами, Сидъ прекрасно-бородый, я и ваши дочери, еще очень юныя, почти дѣти: эти дуэньи прислуживаютъ намъ. Слава Богу! Кампеадоръ, въ добрый часъ родились вы! Вы покидаете страну — злые царедворцы причиной вашего удаленія. Вы уѣзжаете, я хорошо вижу это. Итакъ, при жизни еще намъ должно разстаться. Дайте-же намъ какой-нибудь совѣтъ, ради Пречистой Маріи".

Сидъ слушалъ, проводя рукой по чудной бородѣ своей. Наконецъ, онъ заключилъ въ объятія дочерей своихъ и прижалъ ихъ къ своему сердцу, ибо нѣжно любилъ ихъ. Глаза его были полны слезъ, и онъ глубоко вздыхалъ. „О да, донья Химена, вы чудная женщина, и я люблю васъ, какъ свою душу. Да, какъ видите, еще при жизни намъ должно разстаться. Я ѣду, а вы остаетесь. Ахъ! да пошлетъ Господь и Его Пречистая Матерь, чтобы я могъ еще изъ своихъ рукъ выдать замужъ дорогихъ моихъ дочерей; дай Господи мнѣ еще нѣсколько дней жизни и счастія, чтобы я послужилъ вамъ, Химена, какъ вы того заслуживаете".

Доброму Кампеадору приготовили богатый обѣдъ. Колокола св. Петра громко звонятъ. Изъ Кастильи стекается народъ по

зову герольдовъ, которые возвѣщаютъ отъѣздъ Моего Сида Кампеадора: кто оставляетъ свой домъ, кто свои ленныя владѣнія. Въ тотъ день, сто пятьдесятъ рыцарей собрались на Арланзонскомъ мосту, и всѣ спрашивали Моего Сида Кампеадора. Мартинъ Антолинезъ ѣхалъ по одной съ ними дорогѣ до св. Петра, гдѣ находился тотъ, что въ добрый часъ родился.

Услыхавъ, что дружина его увеличилась и силы возрасли, Мой Сидъ тотчасъ-же садится на коня и выѣзжаетъ къ нимъ на встрѣчу. Рыцари приблизились къ нему и цѣловали его руки. И говоритъ имъ Мой Сидъ отъ всей своей души: „Молю Бога, Отца нашего, чтобы мнѣ дано было, еще предъ смертью, сдѣлать для васъ добро за то, что вы для меня покинули свои дома и владѣнія, воздать вамъ вдвое противъ того, чѣмъ вы пожертвовали“. Мой Сидъ и его люди были рады, видя, что число ихъ такъ увеличилось.

Между тѣмъ, первые шесть льготныхъ дней протекли, осталось всего до отъѣзда только три дня, знайте это, и не болѣе. Король даже предупредилъ Моего Сида, что если по истеченіи льготнаго срока, онъ останется еще въ государствѣ, не откупиться ему тогда ни золотомъ, ни серебромъ.

День минулъ, скоро должна ночь наступить. Мой Сидъ велѣлъ собраться всѣмъ своимъ рыцарямъ: „Слушайте, бароны, и не унывайте — я беру съ собою немного денегъ, пусть каждый получитъ свою долю. Но не забывайте нашихъ условій: завтра утромъ, съ первымъ крикомъ пѣтуха, не зѣвать, сѣдлайте поскорѣй своихъ коней. Добрый аббатъ изъ Санъ-Педро отслужитъ намъ утреню, совершитъ мессу св. Троицѣ. По окончаніи-же ея, на коней и маршъ! Путь дологъ, а льготный срокъ невеликъ“.

Что повелѣлъ Мой Сидъ, всѣ исполняютъ. Ночь прошла и наступило утро. Едва запѣли пѣтухи, всѣ на коней и маршъ. Поспѣшно звонятъ къ утренѣ. Мой Сидъ съ своей супругой отправляются въ церковь. Тамъ донна Химена на колѣняхъ, на ступеняхъ алтаря, отъ глубины души молитъ

Бога, чтобы Онъ охранилъ отъ всякаго зла Моего Сида Кампеадора

„О! Царь Славы, Отче нашъ, иже еси на небесахъ, сотворившій небо, землю и моря, создавшій луну, и звѣзды, и солнце, согрѣвающее вселенную, вочеловѣчившійся во чревѣ непорочной Матери, родившійся въ Виѳлеемѣ, по писаніямъ. Пастыри славили Тебя, воспѣвая Твою хвалу, три короля Аравійской земли пришли поклониться Тебѣ.... Молю также св. Петра помочь моимъ молитвамъ за Сида Моего Кампеадора, чтобы Господь охранилъ его отъ всякаго зла. Сегодня мы разстаемся, но да пошлетъ Богъ, чтобы въ этой жизни еще мы снова съ нимъ соединились“.

Когда она оканчивала свою молитву, отошла и месса. Вышли изъ церкви, стали садиться на коней. Сидъ хочетъ еще разъ обнять донну Химену, донна Химена цѣлуетъ руку Моего Сида. Она знай плачетъ слезами глазъ своихъ; онъ-же старается не глядѣть на дочерей своихъ. „Поручаю васъ, дѣти мои, Господу Богу, моей женѣ и духовному отцу. Теперь мы разстаемся, и Богу извѣстно, соединимся-ли когда“.

Вы не видали подобной картины: знай плачутъ, разстаются другъ съ другомъ, точно ноготь отдѣляется отъ тѣла.

Наконецъ, Мой Сидъ и его вассалы вспомнили, что пора садиться и въ сѣдло, но онъ все ждалъ еще и поворачивалъ голову. Кстати Минайя Альваръ Фаньезъ молвилъ слово: „Гдѣ ваше мужество, Сидъ, что въ добрый часъ родился? Намъ нужно свершать свой путь, и некогда тутъ терять время. Всѣ эти печали перемѣнятся на радость—Богъ, сотворившій сердца наши, поможетъ намъ“.

Въ послѣдній разъ, выражаютъ они свои указанія аббату донъ-Санхо. Они говорятъ ему, какъ желали-бы, чтобы обращались съ доньей Хименой, ея дочерьми и тѣми дамами, которыя находятся вмѣстѣ съ нею. Аббатъ можетъ быть увѣренъ, что за эту услугу получитъ хорошее вознагражденіе.

Донъ Санхо уходилъ уже, когда Альваръ Фаньезъ прибавилъ: „Если увидите людей, которые придутъ сюда, чтобы присоединиться къ намъ, скажите имъ, аббатъ, что нужно поскорѣе итти по нашимъ слѣдамъ; въ пустынѣ или въ обитаемой землѣ они всегда могутъ присоединиться къ намъ".

Они опустили повода, и кони тронулись. Близко уже срокъ, когда они должны покинуть государство.

Мой Сидъ проводитъ ночь въ Спинаръ-де-Канѣ. На другой день рано, они продолжаютъ путь верхомъ. Въ теченіе ночи, нѣкоторое число людей, со всѣхъ сторонъ, присоединилось къ нимъ.

Доблестный Сидъ направляется по пути, ведущему къ мѣсту его изгнанія. Налѣво остается Сантестебанъ, хорошій городъ; направо—Агилонъ-ле-Турсъ, въ которомъ хозяевами были мавры. Проѣхалъ онъ Алкобіэллу, расположенную на самой границѣ Кастиліи, потомъ по Кинейской дорогѣ и переплылъ Дуэро на плотахъ. Мой Сидъ остановился въ Фиджеруэлѣ, гдѣ нѣкоторое число людей, со всѣхъ сторонъ, присоединились къ нему.

Здѣсь, подкрѣпившись, Мой Сидъ не замедлилъ отдаться сладкой дремотѣ и крѣпко уснулъ. Ангелъ Гавріилъ во снѣ явился ему: „Поѣзжайте, Сидъ, добрый Кампеадоръ, ибо никогда еще не выпадало барону столь благополучнаго пути-дороги. Пока вы живы, васъ ожидаетъ прекрасная судьба". Пробудившись, Сидъ перекрестился, перекрестился и, обрадованный видѣннымъ имъ сномъ, поручилъ себя Богу.

На другой день, съ ранняго утра, они были уже въ сѣдлѣ; это—послѣдній день до срока, нельзя терять ни одного часа. Они остановились въ Сіэрра-де-Міэдесъ.

Такъ какъ еще было свѣтло и солнце не заходило, то Мой Сидъ Кампеадоръ пожелалъ осмотрѣть своихъ людей. Не говоря о пѣшихъ, людяхъ, преисполненныхъ храбрости, онъ насчиталъ триста копій, каждое съ особымъ значкомъ. „Живѣй, подавайте сюда ячмень, и да поможетъ намъ Богъ! Кто хочетъ ѣсть, пусть сойдетъ съ коня! Что до насъ, мы

переберемся по ту сторону Сіэрры; гора высокая и крутая, но мы все-таки успѣемъ сегодняшней ночью покинуть землю короля Альфонса; затѣмъ, кому нужно, найдетъ насъ".

Ночью же они перешли Сіэрру. Наступило утро, они думаютъ спуститься съ противоположнаго склона горы. Только достигнувъ средины высокой и чудной горы, Мой Сидъ сдѣлалъ привалъ и роздалъ пищу. Тогда онъ объявилъ имъ всѣмъ, что желалъ бы совершить ночной походъ: эти добрые вассалы съ восторгомъ согласились, они готовы повиноваться всякому распоряженію своего господина. До наступленія ночи, они были на конѣ. Такъ поступилъ Мой Сидъ, чтобы его не открыли. Они шли всю ночь безъ отдыха.

Они спустились къ Кастейону, городу, расположенному на Фенаресѣ. Мой Сидъ и его дружина провели тамъ всю ночь въ засадѣ, какъ совѣтовалъ имъ Минайа Альваръ Фаньезъ: „Да, Сидъ, въ добрый часъ опоясали вы мечъ, говорилъ онъ. Съ сотней людей этой дружины вы можете, при содѣйствіи хитрости, овладѣть Кастейономъ. Я же съ двумястами другихъ произведу развѣдки".

„Пусть Альваръ Альварезъ, отвѣчалъ Сидъ, и Альваръ Сальвадорезъ не преминутъ отправиться туда, равно какъ и Галинъ Гарсіа, это доблестное копье. Добрые рыцари, идущіе вмѣстѣ съ Минайя, смѣло обойдите всю страну: изъ страха не упустите чего-либо. Спустившись съ Фита, перейдите Гвадалфаксару и доберитесь вплоть до Алкалы; тщательно собирайте всякую добычу и не упускайте ничего изъ боязни мавровъ. Я останусь здѣсь съ сотней другихъ въ аррьергардѣ. Я овладѣю Кастейономъ, который намъ будетъ великой подмогой. Если вамъ будетъ угрожать, въ вашемъ походѣ, какая-либо опасность, тотчасъ-же дайте мнѣ знать, на всякій случай. Вся Испанія заговоритъ объ этомъ ратномъ подвигѣ". Распредѣлили, кому сопровождать Минайя, равно и тѣхъ, кто долженъ былъ остаться съ Моимъ Сидомъ въ аррьергардѣ.

Уже пробивается бѣлесоватый разсвѣтъ, расходятся сумерки. Показывается солнце — Боже! какъ величественно оно сіяетъ! Въ Кастейонѣ всѣ поднимаются, отворяются двери, каждый выходитъ, чтобы взглянуть на свои поля и поналечь на работу. Скоро всѣ оказались внѣ дома, двери остаются открытыми, очень немного народа осталось въ Кастейонѣ, а кто вышелъ, разбрелись по полямъ. Кампеадоръ выступаетъ изъ своей засады и безостановочно бѣжитъ къ Кастейону. Мавры и арабы дѣлаются его добычей, вмѣстѣ со всѣми стадами, бродившими вокругъ. Мой Сидъ донъ-Родриго направляется къ воротамъ. Стража, при первыхъ признакахъ тревоги, въ страхѣ разбѣгается. Мой Сидъ Руи-Діазъ вошелъ въ открытыя большія ворота, держа въ рукѣ обнаженный мечъ. Онъ умертвилъ одиннадцать мавровъ изъ тѣхъ, кого могъ настигнуть. Такъ овладѣлъ онъ Кастейономъ и великими сокровищами золота и серебра. Его рыцари возвратились, обремененные добычей. Они предложили ее Моему Сиду, но мой Сидъ и не взглянулъ на нее.

Между тѣмъ, двѣсти три рыцаря, отряженные въ набѣгъ, безъ промедленія помчались въ Алкалу, гдѣ развѣвалось побѣдоносное знамя Минайя. Вскорѣ они возвращаются оттуда съ своей добычей, поднимаются на Фенаресъ и переходятъ Гвадалфаксару. Какую обильную поживу уводятъ они съ собою! Тутъ большія стада быковъ и овецъ, одѣянія и иныя великолѣпныя богатства. Торжествуя, возвращается знамя Минайя, и никто даже не дерзнулъ напасть на аррьергардъ. Съ такою прибылью вернулась эта дружина къ Кастейону, гдѣ ждалъ ихъ Кампеадоръ.

Покинувъ замокъ, которымъ онъ завладѣлъ, Кампеадоръ садится на коня и, въ сопровожденіи своего отряда, выступаетъ къ нимъ на встрѣчу. Онъ заключаетъ Минайя въ свои объятія: „Прійдите, Альваръ Фаньезъ, прійдите, отважное копье, сказалъ онъ ему! Куда васъ ни пошли, малаго нечего ждать отъ васъ. Пусть же все это соберутъ вмѣстѣ. Даю вамъ пятую часть, если хотите, Минайя“.

„Весьма вамъ благодаренъ за то, славный Кампеадоръ. Альфонсъ Кастильскій былъ бы доволенъ этой пятой частью, которую вы мнѣ даете; я-же отказываюсь отъ нея и ничего отъ васъ не приму. Клянусь Господомъ Небеснымъ, до тѣхъ поръ, пока на своемъ добромъ конѣ, держа въ рукѣ копье или мечъ и истекая кровью изъ локтя, я не устану разить повсюду мавровъ, въ вашемъ присутствіи, Рюи Діазъ, славный боецъ,—до тѣхъ поръ, я не приму отъ васъ лично ни одного динарія. Такъ какъ добыча моя имѣетъ нѣкоторую цѣнность, то всю ее цѣликомъ я передаю въ ваши руки".

Вся эта добыча была собрана вмѣстѣ. Мой Сидъ, что родился въ добрый день, подумалъ, что дружина и воины короля Альфонса могутъ явиться и затѣять съ нимъ ссору. Онъ приказалъ раздѣлить эти богатства, и доля каждаго была опредѣлена. Рыцари получили, что имъ слѣдовало: каждому изъ нихъ пришлось по сто марокъ серебромъ, а пѣшимъ ровно половина.

Пятая часть всего досталась Моему Сиду. Въ этомъ мѣстѣ, нельзя было ни продать ее, ни предложить въ даръ; Мой Сидъ не желалъ однако утруждать своей дружины ни плѣнниками, ни плѣнницами. Онъ уговорился съ жителями Кастейона и отправилъ пословъ въ Фиту и Гвадалфаксару: по какой бы цѣнѣ ни купили у него пятую часть, за нее все-таки уплачено было-бы ниже того, что она стоитъ, и покупщикъ оказался бы въ большомъ барышѣ. Мавры оцѣнили ее въ три тысячи марокъ серебромъ, и ихъ предложеніе принято было Моимъ Сидомъ. Черезъ три дня, сумма эта была уплачена сполна.

Мой Сидъ рѣшилъ, что ему нельзя оставаться въ замкѣ со всей его дружиной, не потому, чтобы трудно было защитить его, но вслѣдствіе недостатка въ немъ воды. Не желая обидѣть мавровъ, съ которыми у него только что совершена была сдѣлка, Мой Сидъ сказалъ своимъ: „Я намѣренъ покинуть Кастейонъ. Король Альфонсъ можетъ прійти сюда за нами со всей своей арміей. Послушайте, рыцари и вы всѣ,

мои удалые! Не примите дурно того, что я хочу сказать вамъ. Король Альфонсъ недалеко, онъ не замедлитъ, я въ томъ увѣренъ, подойти къ этому замку, и тогда какъ удержать намъ за собою Кастейонъ? Я не хочу однако оставить этотъ замокъ безлюднымъ. Дадимъ свободу ста маврамъ и ста мавританкамъ: они забудутъ, что мы отняли его у нихъ, и не помянутъ насъ лихомъ. Вы всѣ довольны, ждать намъ болѣе нечего, завтра съ утра пустимся въ путь. Не хотѣлось-бы мнѣ сражаться противъ Альфонса, моего сюзерена".

Всѣ одобрили эти рѣчи: они разбогатѣли и только и думаютъ о томъ, чтобы покинуть этотъ замокъ, въ которомъ устроились. Мавры и мавританки благословляютъ Моего Сида.

Люди Кампеадора слѣдуютъ по дорогѣ, ведущей обратно къ Фенаресу, и не останавливаясь, проходятъ Алкаріасы. Они оставляютъ позади себя пещеры Анквиты, переправляются за рѣку и вступаютъ въ долину Торансіо: они углубляются въ эту страну возможно далѣе. Мой Сидъ желалъ остановиться лишь между Фаризой и Сетиной. Велика была добыча, собранная имъ по пути—до того ошеломлены были мавры его смѣлостью... На другой день, Мой Сидъ де-Биваръ уѣхалъ: онъ прошелъ чрезъ Альфану, спустился къ Ла-Фозу, миновалъ Бобіэрку и, далѣе, Теку и остановился лагеремъ повыше Алькоцера, на высокомъ пригоркѣ, занявъ сильную позицію. Тутъ-же неподалеку извивается Шалонъ: вода, значитъ, будетъ, что ни говори.

Мой Сидъ донъ-Родриго думаетъ овладѣть Алькоцеромъ. Онъ укрѣпляетъ свою позицію, покрываетъ долину развѣдчиками, однихъ размѣщаетъ противъ сіэрры, другихъ противъ рѣки. Храбрый Кампеадоръ, что въ добрый часъ родился, приказываетъ своимъ баронамъ окружить рвомъ долину, въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки, чтобы ихъ не потревожили невзначай ни днемъ, ни ночью, и знали-бы, что Мой Сидъ укрѣпился въ этомъ мѣстѣ.

Послы возвѣстили всѣмъ окрестъ, что Мой Сидъ опредѣлилъ тутъ свое жилище. Изгнанный христіанами, онъ при-

шелъ къ маврамъ—послѣдніе, правда немного надѣялись выиграть отъ его сосѣдства.

Пока что, Мой Сидъ и его вассалы на сторожѣ. Уже городъ и замокъ Алькоцеръ желаютъ войти въ соглашеніе и откупиться данью. Жители Теки и Теруэла желаютъ того же; жители-же Калатаюда въ нерѣшительности и унынiи.

Въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати недѣль, Мой Сидъ сидѣлъ мирно; но когда увидѣлъ, что Алькоцеръ не сдается, онъ придумалъ военную хитрость, которою и не замедлилъ воспользоваться.

Онъ приказалъ снять и убрать палатки, оставивъ одну лишь на весь лагерь. Какъ человѣкъ ловкій, чтобы заманить мавровъ въ ловушку, онъ спустился къ Шалону, съ распущенными знаменами, въ панцыряхъ и съ мечами при боку. Увидя это, жители Алькоцера возликовали. „Сиду не хватило хлѣба и зерна. Онъ бросилъ одну палатку и не безъ труда собралъ остальныя. Онъ, Мой Сидъ, удаляется такъ быстро, точно убѣгаетъ отъ преслѣдованія. Бросимся на него, добудемъ себѣ громадную добычу. Поспѣшимъ, не то, если его захватятъ жители Теруэла, намъ не достанется ничего. Пусть онъ теперь отдастъ намъ вдвое за выкупъ, который взялъ съ насъ“.

Съ величайшей поспѣшностью выступили они изъ Алькоцера. Увидя ихъ, Мой Сидъ побѣжалъ, точно спасаясь отъ преслѣдованія, побѣжалъ за Шалонъ, и однако никто еще не нападалъ на его дружину.

„Вонъ добыча ускользаетъ отъ насъ!“ воскликнули жители Алькоцера. И большіе и малые бросились изъ города. Жаждая добычи, они все забыли: ворота остались открытыми, и никто ихъ не охранялъ.

Добрый Кампеадоръ повернулъ голову и видитъ—мавры очень ужъ удалились отъ замка. Тогда неожиданно онъ приказываетъ повернуть назадъ свое знамя и, пришпоривъ коня, восклицаетъ: „Разите, рыцари, разите ихъ всѣхъ поскорѣе. Слава Богу, добыча наша“. И вотъ христіане смѣшались съ

маврами посреди долины. Ахъ, велика радость ихъ въ это утро! Мой Сидъ и Альваръ Фаньезъ бросаются впередъ: у нихъ добрые кони и дѣлаютъ они съ ними, что хотятъ. Они обгоняютъ мавровъ и скоро оказываются между ними и замкомъ. Вассалы Моего Сида тѣснятъ ихъ безъ жалости: понадобилось не болѣе часу, чтобы перебить изъ нихъ триста.

Между тѣмъ, бывшіе въ засадѣ, оставивъ ихъ передъ собою, съ великимъ крикомъ направились къ замку и съ обнаженными мечами явились передъ воротами. Остальные не замедлили присоединиться къ нимъ: преслѣдованіе кончилось.

Благодаря такого рода военной хитрости, да будетъ это вамъ извѣстно, Мой Сидъ овладѣлъ Алькоцеромъ. Перо Бермуэцъ, державшій въ рукѣ знамя, водрузилъ его на самомъ высокомъ мѣстѣ замка.

Тогда Мой Сидъ Рюи Діазъ, что родился въ добрый часъ, сказалъ: „Да благословенъ будетъ Господь небесный и всѣ Святые Его! Теперь и люди, и кони получатъ получше пріютъ. Слушайте-же, Альваръ Фаньезъ и вы всѣ, рыцари. Мы пособрали въ этотъ замокъ великія богатства. Мавры лежатъ убитые, въ живыхъ осталось, кажется, немного. Нашихъ плѣнниковъ, мавровъ и мавританокъ, продать мы не можемъ, а если посрубить съ нихъ головы, то намъ нѣтъ выгоды. Пособеремъ-ка ихъ сюда, гдѣ мы—господа. Мы размѣстимся въ ихъ домахъ, а они пусть намъ услуживаютъ“.

Мой Сидъ приказалъ принесть палатку, которую оставилъ въ лагерѣ, и съ своей добычей остался въ Алькоцерѣ.

Все это на жителей Теки и Теруэла нагнало страхъ и уныніе; тоже было съ жителями Калатаюѳа. Они отправили къ королю Валенціи посла съ такого рода извѣщеніемъ: „Христіанинъ, котораго зовутъ Мой Сидъ Рюи Діазъ де-Биваръ, прогнѣвавшій короля Альфонса и изгнанный имъ изъ своего государства, поселился здѣсь, повыше Алькоцера, въ укрѣпленной мѣстности. Онъ завлекъ жителей въ засаду и овладѣлъ замкомъ. Если вы намъ не дадите подмоги, то потеряете Теку и Теруэлъ, потеряете и Калатаюѳъ, которому

не спастись. На этомъ берегу Шалона все будетъ разрушено, да и на томъ берегу страна Силока подвергнется той-же участи".

Выслушавъ этого посла, король Таримъ сказалъ: „Васъ трое мавританскихъ королей вокругъ меня: пусть двое изъ васъ, безъ замедленія, отправятся на мѣсто. Возьмите съ собою три тысячи мавровъ въ боевыхъ доспѣхахъ; пограничныя войска прійдутъ къ вамъ на помощь. Возьмите его живьемъ и приведите передъ меня — пусть дастъ онъ мнѣ отвѣтъ за свой набѣгъ на мои земли".

Три тысячи мавровъ сѣли на коней и готовы выступить въ походъ. Они остановились на ночлегъ въ Сегорвѣ. На другой день, съ утра они уже скачутъ. Остановились они на ночлегъ въ Сельфѣ. Они вздумали извѣстить воиновъ пограничныхъ, и тѣ тотчасъ-же сбѣжались со всѣхъ сторонъ. Они выступили изъ Сельфы, которую зовутъ также Сельфа-при Каналѣ, и шли весь день, безъ отдыха. Они пріѣхали на ночлегъ въ Калатаюѳъ.

Герольды, объѣзжая по всѣмъ окрестностямъ, собрали ратныхъ людей въ весьма значительномъ числѣ. Подъ начальствомъ этихъ двухъ мавританскихъ королей, имена которыхъ были Фаризъ и Гальвъ, они приступили къ осадѣ Моего доблестнаго Сида въ Алькоцерѣ. Они разбили палатки и заняли свои позиціи. Эти войска безпрестанно увеличиваются, ибо маврамъ и счета нѣтъ. Часовые, которыхъ разставили мавры, день и ночь стоятъ при оружіи. Много часовыхъ этихъ, и армія весьма внушительнаго вида.

Начали они тѣмъ, что лишили воды людей Моего Сида. Тѣ хотѣли выступить, чтобы дать имъ сраженье, но тотъ, что въ добрый часъ родился, всею своею властью воспротивился этому, и городъ оставался въ осадѣ цѣлыя три недѣли.

Въ концѣ этихъ трехъ недѣль, какъ начаться было четвертой, Мой Сидъ пожелалъ держать совѣтъ съ своими людьми: „Насъ лишили воды, сказалъ онъ; скоро не хватитъ намъ и хлѣба. Если попытаться намъ уйти ночью, они помѣ-

*

шаютъ намъ исполнить наше намѣреніе. Силы ихъ слишкомъ велики, намъ не одолѣть ихъ. Скажите-же мнѣ, рыцари, какъ вамъ угодно будетъ поступить?“

Минайя, славный рыцарь, тотчасъ-же началъ слово: „Насъ изгнали изъ благородной Кастиліи. Не надѣйтесь получить хлѣба изъ рукъ мавровъ — намъ осталось одно: побѣдить ихъ. Пусть-же и будетъ такъ, во имя Творца! Насъ всѣхъ шестьсотъ и даже болѣе. Завтра-же ударимъ на нихъ“. Кампеадоръ отвѣтилъ: „Вы говорили согласно съ моими желаніями. Вы добыли себѣ чести, Минайя, да и въ будущемъ не измѣните ей“.

По его приказанію, мавры и мавританки были удалены, чтобы тайна была отъ всѣхъ сохранена. Весь день и слѣдующую ночь они только и заняты были приготовленіями къ битвѣ.

На другой день утромъ, солнце едва показалось, Мой Сидъ, ровно какъ и вся его дружина, мгновенно очутились при оружіи, и говоритъ онъ имъ, какъ я вамъ сейчасъ передамъ: „Выступимъ всѣ, пусть никто не остается, кромѣ двухъ пѣшихъ воиновъ, которые будутъ охранять ворота. Тѣ, кому суждено пасть на долинѣ, будутъ погребены въ этомъ замкѣ. Если одержимъ побѣду, то разбогатѣемъ еще болѣе. А вамъ, Перо Бермуэцъ, какъ человѣку весьма храброму, я поручаю мое знамя; возьмите его и съ гордостью, высоко носите повсюду. Но не подвергайте его случайностямъ, безъ особаго моего на то приказанія“. Онъ поцѣловалъ руку Сида и отправился принять знамя. Вдругъ ворота растворились, и всѣ бросились наружу.

Увидя это, маврскіе развѣдчики отступили къ арміи. Тамъ что за движеніе! какъ всѣ они бѣгутъ къ оружію! Отъ боя барабановъ земля содрогается. Еслибы вы видѣли, какъ быстро снаряжались и шли мавры въ битву! У нихъ въ строю два большихъ знамени: вокругъ каждаго кое-какъ собирается по отряду пѣшихъ воиновъ: кто ихъ тамъ сочтетъ? Уже

мавританскіе отряды двинулись впередъ, чтобы вступить въ рукопашную съ Сидомъ и его дружиной.

„Остановитесь тутъ, братцы, крикнулъ Сидъ, до моего приказанія, ни одному не выходить изъ рядовъ!“

Перо Бермуэцъ не могъ удержаться: со знаменемъ въ рукѣ онъ сильно пришпорилъ своего коня. „Да сохранитъ васъ Господь, доблестный Сидъ Кампеадоръ! Видите этотъ густой отрядъ, — тамъ я водружу ваше знамя. А вы, рыцари,—то долгъ вашъ: посмотримъ, какъ вы отстоите его!“

„Ради Бога, не дѣлайте этого“, сказалъ ему Сидъ.

„Такъ тому быть!“ отвѣтилъ Перо Бермуэцъ, пришпорилъ своего коня и пустился на немъ къ самому сильному отряду. Мавры, чтобы вѣрнѣе овладѣть знаменемъ, подпустили его поближе, потомъ стали наносить ему сильные удары, но не могли пошатнуть его.

Кампеадоръ говоритъ своимъ рыцарямъ: „Помогите-же ему милосердія ради!“ Рыцари прикрыли грудь свою щитами, опустили копья, украшенныя значками, склонили голову къ лукѣ и съ сердцемъ, преисполненнымъ отваги, понеслись ударить на нихъ. Тотъ, что въ добрый часъ родился, громкимъ голосомъ ободряетъ ихъ: „Бейте ихъ, рыцари, ради Бога, бейте ихъ! Это—я, Рюи Діазъ Сидъ Кампеадоръ де-Биваръ“.

Всѣ ринулись на отрядъ, съ которымъ схватился Перо Бермуэцъ. Ихъ триста копій со значками, и каждый однимъ ударомъ свалилъ мавра. При второмъ натискѣ, они были въ томъ-же числѣ. Можно было видѣть много опущенныхъ и приподнятыхъ копій, много разбитыхъ и проколотыхъ щитовъ, изогнутыхъ и разрубленныхъ латъ; можно было видѣть множество бѣлыхъ значковъ, залитыхъ кровью, и множество добрыхъ коней, скачущихъ безъ всадниковъ. Мавры кричатъ: Магометъ! христіане—св. Іаковъ!

Уже пало, на небольшомъ пространствѣ, тысячъ триста мавровъ. На своемъ позлащенномъ сѣдлѣ, великолѣпно держитъ бой Мой Сидъ Рюи Діазъ, лихой боецъ! Онъ послалъ впередъ Минайю Альвара Фаньеза, Мартина Антолипеца,

славнаго Бургалезца, Муньо Густіоза, который выросъ въ его домѣ, Мартина Муньоза, Альвара Фаньеза и Альвара Сальвадореза, храбраго Галина Гарсіа, Арагонскаго, Фелеца Муньоза, племянника Сидова. Всѣ они тамъ; всѣ они несутся впередъ выручать знамя и Моего Сида Кампеадора. Конь Минайи Альвара Фаньеза убитъ: со стороны христіанъ спѣшатъ къ нему на помощь. Онъ сломалъ свое копье, берется за мечъ. Пѣшой, онъ колетъ и рубитъ. Мой Сидъ Рюи Діазъ кастилецъ видитъ его. Онъ схватился съ алгвазиломъ, сидѣвшимъ на добромъ конѣ, и нанесъ ему такой ударъ мечемъ, что разрубилъ его до самаго пояса и опрокинулъ. Онъ отдаетъ коня Минайѣ Альвару Фаньезу; „На коня, Минайя, говоритъ онъ ему; вы—правая рука моя; вы добудете мнѣ сегодня страшную силу“.

Мавры хорошо стоятъ, не покидаютъ еще поля битвы. На конѣ и съ мечемъ въ рукѣ, Минайя храбро дерется въ ихъ рядахъ; со всѣми, кого онъ настигаетъ, у него короткая расправа.

Мой Сидъ Рюи Діазъ, что̀ въ добрый часъ родился, нанесъ три удара королю Фаризу. Два первые были отбиты, третій задѣлъ его. Истекая кровью изъ-подъ латъ, король Фаризъ повернулъ назадъ, чтобы удалиться съ поля сраженія. Это происшествіе привело войско въ разстройство.

Мартинъ Антолинецъ, съ своей стороны, нанесъ ударъ Гальву. Далеко отлетѣлъ красный камень съ его шлема, да и самый шлемъ, и онъ рубнулъ его до живого тѣла. Тотъ не осмѣлился сопротивляться ему долѣе.

Разбиты на голову короли Фаризъ и Гальвъ. Какой чудный день выдался христіанамъ! Ибо мавры побѣжали съ поля, а вассалы Моего Сида преслѣдуютъ ихъ и истребляютъ бѣгущихъ. Король Фаризъ заперся въ Теруэлѣ, но Гальва не впустили туда. Возможно поспѣшнѣе онъ бѣжалъ въ Калатаюѳъ. Кампеадоръ тѣснилъ его, и до самаго Калатаюѳа продолжалось преслѣдованіе.

Минайя Альваръ Фаньезъ продѣлалъ чудеса на своемъ конѣ. Онъ убилъ тридцать четыре мавра. Экой доблестный мечъ! Вся рука его окровавлена, и съ его локтя каплетъ кровь. Минайя говоритъ: „Теперь я доволенъ! Добрыя вѣсти дойдутъ въ Кастилію—Мой Сидъ Рюи Діазъ остался побѣдителемъ въ настоящемъ бою".

Столько мавровъ полегло убитыми, что навѣрно немногіе спаслись живыми, ибо бѣжавшихъ рубили безъ пощады. Вотъ стали возвращаться вассалы того, что въ добрый часъ родился. Мой Сидъ ѣхалъ на добромъ своемъ конѣ, сдвинувъ на сторону шлемъ, съ мечемъ въ рукѣ. Повязка его спущена и видна его прекрасная борода. „Слава Богу! благодареніе Творцу небесъ, который помогъ намъ одержать такую побѣду!"

Лагерь живо разграбленъ былъ людьми Моего Сида: тамъ было золото и оружіе и другія обильныя богатства. На возвратномъ пути съ охоты, предпринятой на мавровъ, они забрали пятьсотъ десять лошадей.

Велико веселье и радость у христіанъ—среди своихъ они не досчитываются лишь пятнадцати. Что же касается золота и серебра, то его столько, что и не счесть: эта добыча всѣхъ ихъ обогатила. Они отослали плѣнныхъ мавровъ по домамъ, и Мой Сидъ желаетъ даже, чтобы имъ дано было что-нибудь.

Мой Сидъ ликуетъ, а съ нимъ и всѣ его вассалы, которымъ онъ отдалъ подѣлить между собою это серебро и эти обильныя сокровища. Сиду досталось, на его пятую часть, сто коней. Боже! какъ онъ наградилъ всѣхъ своихъ вассаловъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ! Онъ, что въ добрый часъ родился, все дѣлаетъ къ лучшему; всѣ, кого онъ ведетъ, теперь хорошо оплачены. „Слушайте, Минайя, вы — правая моя рука. Изъ этихъ богатствъ, что Богъ послалъ намъ, берите обѣими руками, сколько вамъ угодно. Я хочу послать васъ въ Кастилію съ вѣстью объ этой побѣдѣ, которую мы одержали. Король Альфонсъ раздраженъ противъ

меня; я хочу предложить ему въ даръ тридцать коней и при каждомъ сѣдло, прекрасная уздечка и по мечу при лукѣ".

„Охотно исполню", отвѣчалъ Минайя Альваръ Фаньезъ.

„Вотъ кошелекъ полный золота и серебра. (Ибо у васъ ни въ чемъ не должно быть недостатка). Закажите тысячу мессъ Пресвятой Маріи въ Бургосѣ. Остальное передайте моей женѣ и моимъ дочерямъ, наказавъ имъ молиться обо мнѣ день и ночь. Онѣ будутъ богаты, если мнѣ дано будетъ еще пожить для нихъ". Минайя Альваръ Фаньезъ принимаетъ даръ, ибо его будутъ сопровождать знатные господа.

Выдали ячменю, уже ночь наступала. Мой Сидъ Рюи Діазъ давалъ своимъ послѣднія указанія: „Ступайте-же въ благородную Кастилію, Минайя, и не забудьте сказать нашимъ друзьямъ, что съ помощью Божьею мы одержали побѣду. По вашемъ возвращеніи, вы застанете насъ здѣсь, или тамъ, гдѣ вамъ укажутъ наше мѣстопребываніе—приходите присоединиться къ намъ. Намъ не на кого положиться, кромѣ нашихъ коній да мечей; безъ оружія намъ невозможно жить въ этой презрѣнной землѣ".

Скоро все было готово, и съ утра Минайя отправился въ путь. Кампеадоръ и его дружина остались въ этой бѣдной и во всѣхъ отношеніяхъ опасной странѣ. Пограничные мавры и нѣкоторые чужеземные народы продолжали зорко наблюдать за Моимъ Сидомъ. Когда король Фаризъ выздоровѣлъ, они стали съ нимъ совѣтоваться. Съ жителями Тека и Теруэла и съ жителями болѣе важнаго города Калатаюѳа Мой Сидъ заключилъ письменный договоръ, по которому онъ продалъ имъ Алькоцеръ за три тысячи серебряныхъ марокъ.

Мой Сидъ Рюи Діазъ прибылъ въ Алькоцеръ. Какъ осчастливилъ онъ своихъ вассаловъ! Всадники и пѣшіе стали богаты: изъ всѣхъ его людей нѣтъ ни одного, который былъ-бы въ нуждѣ. Кто служитъ доброму господину, тому привольно живется. Когда Мой Сидъ хотѣлъ покинуть замокъ, мавры и мавританки пришли къ нему съ сѣтованіями: „Вы уѣзжаете, Мой Сидъ; наши благословенія будутъ предшество-

вать вамъ. Мы всегда будемъ благодарны вамъ за ваши благодѣянія, синьоръ". Когда Мой Сидъ де-Биваръ покинулъ Алькоцеръ, мавры и мавританки принялись плакать.

Кампеадоръ отправился съ распущеннымъ знаменемъ. Онъ спустился къ Шалону, переправился черезъ него и поѣхалъ прямо передъ собою. Въ эту минуту, у него были лучшія предзнаменованія.

Жители Теруэла и еще болѣе Калатаюѳа обрадовались его отъѣзду, но алькоцерцы весьма тому опечалились, ибо онъ обращался съ ними съ величайшей добротой.

Мой Сидъ пришпорилъ коня и подвигался впередъ да впередъ, пріостановившись лишь на холму надъ Монъ-Реаломъ. Это былъ высокій, обширный и великолѣпный холмъ. Знайте, что въ этомъ мѣстѣ ему нечего было опасаться нападенія ни съ какой стороны. Онъ освободилъ, взявъ выкупъ, сперва Дароку, потомъ Молину и наконецъ Теруэлъ, находившійся напротивъ. Подъ рукой у него были Сельфа, Сельфа-Каналъ. Господь да охранитъ Моего Сида Рюи Діаза!

Между тѣмъ, Альваръ Фаньезъ Минайя прибылъ въ Кастилію. Онъ принесъ въ даръ королю тридцать лошадей. При видѣ ихъ, король съ благосклонной улыбкой сказалъ: „Да хранитъ васъ Богъ, Минайя. Кто вамъ далъ этихъ коней?"

„Мой Сидъ Рюи Діазъ, что въ добрый часъ опоясался мечемъ. Въ одной битвѣ, онъ побѣдилъ двухъ мавританскихъ королей, а добыча, государь, была громадная. Вамъ, пресвѣтлѣйшій король, посылаетъ онъ этотъ даръ. Онъ лобызаетъ ваши ноги и руки, прося помиловать его. Да сохранитъ васъ Творецъ!"

Король сказалъ: „Слишкомъ еще рано. Человѣкъ, навлекшій на себя гнѣвъ и немилость своего государя, не можетъ быть помилованъ черезъ три недѣли. Но если это отъ мавровъ, то я принимаю его даръ. Я даже счастливъ, что Мой Сидъ получилъ такую добычу. Впрочемъ, я прощаю васъ, Минайя: вы получите отъ меня ваши лены и ваши земли. Ступайте и возвращайтесь, съ сегодняшняго дня я возвра-

щаю вамъ мое благоволеніе. Но я ни слова не говорю вамъ о Сидѣ Кампеадорѣ. Кстати объ этомъ: считаю нужнымъ объявить вамъ, Минайя, что если во всемъ моемъ царствѣ найдутся люди, которые пожелали-бы прійти на помощь Моему Сиду своими силами и своимъ значеніемъ, то я предоставляю имъ личную свободу и оставляю за ними ихъ наслѣдія".

Минайя Альваръ Фаньезъ поцѣловалъ у него руки: „Бью вамъ челомъ, король, какъ первому моему сюзерену: если вы теперь сдѣлали только это, впослѣдствіи сдѣлаете болѣе".— „Поѣзжайте по Кастиліи, Минайя, и васъ безпрепятственно пропустятъ. Безъ всякой боязни можете присоединиться къ Моему Сиду и вмѣстѣ съ нимъ искать добычи. Еще одно слово о томъ, кто въ добрый часъ родился и въ добрый часъ опоясался мечемъ: я отдамъ повелѣніе хартіей,—да будетъ именоваться *землей Моего Сида,* будетъ-ли она заселена маврами или христіанами, всякая земля, на которой онъ поставитъ шатеръ свой".

Между тѣмъ, Мой Сидъ расширялъ свои завоеванія. Онъ обложилъ выкупомъ всю страну Ріо-Мартина. О немъ заговорили даже въ самой Сарагоссѣ. Мавры мало были рады ему и весьма боялись. Тогда Мой Сидъ пріостановился на цѣлыя пятнадцать недѣль.

Когда замѣтилъ герой, что Минайя медлитъ возвращеніемъ, то со всѣми своими людьми совершилъ ночной походъ. Донъ Родриго покинулъ холмъ и перешелъ по ту сторону Теруэла. Въ Пинарѣ де-Тебаръ донъ Рюи Діазъ раскинулъ свой станъ. Онъ подчинилъ себѣ и обложилъ выкупомъ всю страну до самой Сарагоссы.

Черезъ три недѣли послѣ этихъ событій, Минайя вернулся изъ Кастиліи: онъ привелъ съ собою двѣсти человѣкъ, опоясанныхъ мечемъ; что касается пѣшихъ, то—правду сказать— ихъ было не перечесть.

Едва Мой Сидъ увидѣлъ приближавшагося Минайю, какъ со всѣхъ ногъ кинулся обнимать его и покрылъ поцѣлуями его

уста и глаза. Минайя, не скрывавшій отъ него ничего, разсказалъ ему все. Кампеадоръ весело улыбается: „Благодареніе Господу и Его святымъ Ангеламъ! Пока вы живы, все мнѣ удастся, Минайя!“

Боже, какая радость во всей арміи! Минайя, возвратившись, привезъ имъ поклоны отъ братьевъ и сестеръ, двоюродныхъ и подругъ, которыхъ они должны были оставить. Боже! какъ былъ доволенъ Сидъ прекраснобородый! Альваръ Фаньезъ заказалъ тысячу обѣденъ и привезъ ему поклоны отъ его жены и дочерей. Боже, какъ былъ доволенъ Сидъ и какую радость онъ выказалъ! „По-истинѣ, Альваръ Фаньезъ, жить вамъ долгіе дни!“

Не медля долѣе, тотъ, что въ добрый часъ родился, распустилъ свое знамя: онъ пошелъ завоевывать черныя земли Алканица, пошелъ завоевывать все вокругъ.

Вотъ онъ возвращается черезъ три дня послѣ отъѣзда. Вся страна ему покорна, къ великому сожалѣнію обитателей Монцона и Хуэска. Жители Сарагоссы, не видавшіе ничего дурного отъ Моего Сида Рюи Діаза, счастливы, отдѣлавшись отъ него данью. Съ этой поживой вассалы Моего Сида возвращаются въ станъ: всѣ рады, приносимая ими добыча громадна. Мой Сидъ доволенъ, а еще болѣе—Альваръ Фаньезъ.

Герой, не умѣвшій выжидать, да подсиживать, говоритъ тогда, улыбаясь, людямъ своей свиты: „Да, рыцари, такъ, я хочу сказать вамъ всю правду. Кто остается на одномъ мѣстѣ, не долженъ считать добро свое въ безопасности. Завтра утромъ подумаемъ-ка, да и въ путь. Покинемъ это становище и двинемся впередъ“. Такъ Сидъ и отправился по направленію къ ущелью Алюканто. Отсюда онъ устремился на Хуэска и Монталбанъ. Десять дней употребили они на этотъ набѣгъ.

Со всѣхъ сторонъ, послы и жалобы на бѣдствія, причиненныя Кастильскимъ изгнанникомъ—со всѣхъ сторонъ шлютъ пословъ.

Наконецъ, и графъ Барселонскій получилъ извѣстіе о томъ, что Мой Сидъ Рюи Діазъ бѣжитъ по всей странѣ. Онъ очень огорчился этимъ и почелъ себя весьма обиженнымъ. Въ гордости своей, графъ воскликнулъ съ бѣшенствомъ: „Велика вина Моего Сида де-Бивара передо мной. Велика его вина передо мной; на моемъ же дворѣ онъ нанесъ ударъ моему племяннику и отказалъ мнѣ въ удовлетвореніи. Въ настоящую минуту, онъ занялъ земли, находящіяся подъ моимъ покровительствомъ. Я ничѣмъ не вызвалъ его на то, я не выставилъ себя его врагомъ; но такъ какъ онъ самъ, повидимому, ищетъ ссоры, то я лично пойду и потребую отъ него объясненій".

Вскорѣ прибыли значительныя силы. Мавры и христіане составили многочисленное войско и двинулись противъ Моего Сида, Биварскаго героя. Послѣ трехдневнаго и двухночнаго похода, они настигли Моего Сида въ Тебаръ-Пинарѣ. Графъ ведетъ съ собою такія силы, что, казалось, совсѣмъ захватилъ его въ руку.

Мой Сидъ донъ-Родриго, забравъ свою добычу, спускался съ горы и выѣзжалъ на долину, когда къ нему явился посолъ отъ графа донъ-Раймонда. Едва увидѣлъ его издали Мой Сидъ, какъ съ своей стороны, послалъ ему сказать: „Передайте графу, чтобы онъ не тревожился: я ничего не взялъ изъ его добра, пусть онъ не препятствуетъ мнѣ итти съ миромъ".

Графъ отвѣтилъ: „Этого-то я и не скажу. Онъ заплатитъ мнѣ за все — и за прошлое, и за настоящее: будетъ онъ знать, этотъ изгнанникъ, кому онъ нанесъ оскорбленіе". И посолъ удалился какъ можно скорѣе.

Мой Сидъ де-Биваръ увидѣлъ, въ тотъ часъ, что безъ битвы ему никакъ не ускользнуть. „Эй вы, рыцари, отложите-ка добычу въ сторону. Живѣй снаряжайтесь и принимайтесь за оружіе. Графъ донъ-Раймондъ хочетъ дать намъ большое сраженіе. Людей у него, какъ мавровъ, такъ и христіанъ, многое множество. Ни за что не упуститъ онъ насъ безъ

боя. Такъ какъ все равно и далѣе онъ будетъ преслѣдовать насъ, то пусть здѣсь будетъ битва. Изготовьте вашихъ коней, надѣньте доспѣхи. Вонъ они спускаются на берегъ: всѣ они въ сапогахъ, сѣдла съ слабо подвязанными чепраками. Мы-же поскачемъ на нашихъ галисійскихъ сѣдлахъ и съ попоной подъ чепракомъ. Не довольно ли намъ ста рыцарей, чтобы побѣдить всѣ эти шайки? Помчимся и подставимъ имъ наши копья, пока они не выбрались еще на долину. На одного сраженнаго вами трое сами свалятся съ сѣдла. Онъ узнаетъ, этотъ Раймондъ Беранжеръ, за кѣмъ онъ пустился въ погоню! Пусть онъ сегодня пожалуетъ въ Пинаръ-де-Тебаръ, да и попытается отнять у меня мою добычу!“

Всѣ готовы. Когда Мой Сидъ досказалъ имъ свою рѣчь, они схватили свое оружіе и сѣли на своихъ коней. Въ эту минуту, они увидѣли внизу, на берегу, войска франковъ. Мой Сидъ, что̀ въ добрый часъ родился, выѣхавъ на средину долины, неподалеку отъ ровной площадки, приказалъ начать аттаку, что̀ и было исполнено его людьми съ удовольствіемъ и отъ всего сердца. Они такъ хорошо дѣйствовали своими копьями со значками, нанося удары однимъ, опрокидывая другихъ, что скоро Мой Сидъ, родившійся въ добрый часъ, одержалъ побѣду. Графъ донъ-Раймондъ самъ попался въ плѣнъ къ нему. Что касается Моего Сида, то при этомъ онъ овладѣлъ добрымъ мечемъ Колада, который стоитъ болѣе тысячи марокъ серебромъ. Много славы доставилъ этотъ успѣхъ Моему Сиду прекраснобородому.

Онъ отвелъ къ себѣ въ шатеръ графа-плѣнника и поручилъ своей дружинѣ стеречь его. Затѣмъ, онъ тотчасъ удалился, и люди его, со всѣхъ сторонъ, собрались вокругъ него. Мой Сидъ былъ доволенъ, ибо велика была добыча.

Моему Сиду донъ-Родриго приготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ. Графъ донъ-Раймондъ и не прикоснулся ни къ чему. Тщетно приносятъ ему блюда и ставятъ передъ нимъ: онъ даже не попробуетъ, все отворачивается. „За все золото Испаніи не проглочу ни одного куска“, говоритъ онъ. „Лучше-

бы мнѣ было сгубить свое тѣло и разстаться съ душой, чѣмъ видѣть себя побѣжденнымъ такими босоногими".

Послушайте слова Моего Сида Рюи-Діаза: „Кушайте, графъ, этотъ хлѣбъ и пейте это вино. Если согласитесь слѣдовать моимъ совѣтамъ, избѣжите плѣна; не то во всю свою жизнь не видать вамъ земли христіанской!"

Графъ донъ-Раймондъ отвѣчалъ: „Кушайте сами, донъ-Родриго, и думайте лишь о своемъ наслажденіи; что касается меня, то я хочу уморить себя голодомъ".

Три дня не могли уговорить его уступить. Пока происходилъ дѣлежъ доставшейся отъ него добычи, его не могли убѣдить съѣсть куска хлѣба. Мой Сидъ сказалъ ему: „Скушайте что-нибудь, графъ, ибо если не станете ѣсть, не видать вамъ болѣе христіанъ. Если-же, напротивъ, вы покушаете, къ полному моему удовольствію, то мы будетъ съ вами квиты, и я возвращу свободу вамъ и двумъ изъ вашихъ придворныхъ".

Услыхавъ эти слова, графъ почувствовалъ себя въ полномъ восторгѣ:" Если вы поступите, Сидъ, какъ говорили, я всю жизнь буду этому радоваться".

„Въ такомъ случаѣ, кушайте, графъ, и когда отобѣдаете, я возвращу свободу вамъ и двумъ другимъ плѣнникамъ. Но знайте: изъ всего, что вы потеряли, а я взялъ на полѣ битвы, я вамъ не возвращу ни одного динарія. Нѣтъ, ничего не возвращу вамъ изъ того, что вы потеряли, ибо все это нужно мнѣ и моимъ вассаламъ. Мы съ ними ведемъ такую бѣдную жизнь. Ничего не отдамъ вамъ. Взявши выкупъ съ васъ, да съ другихъ, мы и добудемъ себѣ то, что намъ нужно. Такъ и будемъ жить, пока угодно будетъ Богу, какъ всякій, кто въ опалѣ у короля и изгнанъ изъ своей земли".

Графъ повеселѣлъ: онъ проситъ воды, чтобы умыть руки. Приносятъ ему и тотчасъ-же сливаютъ на руки. Въ обществѣ рыцарей, которыхъ Сидъ возвратилъ ему, графъ принимается за ѣду и, конечно, дѣлаетъ это весьма охотно.

Надъ нимъ сидитъ тотъ, что въ добрый часъ родился. „Если вы не покушаете вволю, графъ, къ полному моему удовольствію, мы поселимся здѣсь съ вами и не разстанемся уже никогда другъ съ другомъ“.

Тогда графъ отвѣтилъ ему: „Охотно и отъ всего сердца“.

Скоро онъ отобѣдалъ въ обществѣ этихъ двухъ рыцарей. Мой Сидъ, все еще наблюдавшій за нимъ, доволенъ, что графъ донъ-Раймондъ такъ хорошо управляется своими руками.

„Не во гнѣвъ вамъ будь сказано, Мой Сидъ, мы готовы ѣхать. Прикажите возвратить намъ коней, а затѣмъ мы и поскачемъ. Съ того дня, какъ я сталъ графомъ, мнѣ никогда не приходилось обѣдать съ такимъ апетитомъ: не забуду удовольствія, которое мнѣ это доставило“.

Ему дали три верховыхъ коня съ хорошими сѣдлами и сбруей, дали шубъ и плащей. Графъ донъ-Раймондъ помѣстился между двумя своими рыцарями. Кастилецъ провелъ ихъ до границъ стана. „Поѣзжайте теперь, графъ; вы выглядите истымъ франкомъ. Спасибо за добычу, которую вы мнѣ оставили. Если въ сердцѣ вашемъ возгорится чувство мести, пожалуйте, вы можете меня найти. Но если вы не станете меня искать и оставите въ покоѣ, то можете коё-что взять изъ вашихъ и моихъ богатствъ“.

„Будьте покойны, Мой Сидъ, и оставайтесь въ радости. Я далъ вамъ выкупъ за весь этотъ годъ. Никому не придетъ и въ голову отыскивать съ васъ“.

Графъ пришпорилъ коня, только и думая о томъ, какъ-бы убраться. Отъѣзжая, онъ оглянулся назадъ, боясь, какъ бы Сидъ не раздумалъ и не воротилъ его. Но никогда не сдѣлаетъ этого прекрасный: ни за что въ мірѣ, никогда не совершитъ онъ неправды.

Графъ уѣхалъ, Мой Сидъ де-Биваръ возвратился. Онъ присоединился къ своимъ рыцарямъ и началъ дѣлежъ добычи: взятая-же имъ нынче была громадна и чудесна [1]). Здѣсь на-

[1]) Слѣдуетъ засимъ точно приступъ новой пѣсни, — вѣроятно, позднѣйшая глосса, которою отдѣленъ эпизодъ о взятіи Валенсіи, самый громкій подвигъ Сида.

чинается дѣписаніе (geste) о Моемъ Сидѣ де-Биваръ. Каждый сталъ такъ богатъ, что и счетъ потерялъ своему добру.

Мой Сидъ занялъ узкій проходъ Алюкантъ. Оставивъ Сарагоссу и сосѣднія земли, оставивъ Гуэску и страну Монтальванъ, онъ началъ воевать неподалеку отъ соленаго моря. Онъ двинулся по направленію къ востоку, къ востоку, гдѣ солнце поднимается.

Мой Сидъ взялъ Герику, Онду и Альменаръ. Онъ завоевалъ всю землю Борріаны. Творецъ, сый на небеси, видимо, помогъ ему. Сверхъ всего этого, онъ овладѣлъ Мурвіэдро. Мой Сидъ видѣлъ, что Богъ покровительствуетъ ему.

Въ самой Валенсіи зачался великій страхъ. Жители— знайте это—были въ горѣ и тревогѣ. И рѣшили они на совѣщаніи обложить его осадой. Отправились они ночью, съ вечера до первой зари, и разбили шатры свои вокругъ Мурвіэдро.

При видѣ этого, Мой Сидъ возликовалъ. Благодареніе Отцу Небесному! Мы стоимъ на ихъ землѣ и причиняемъ имъ всевозможное зло. Мы пьемъ ихъ вино и ѣдимъ хлѣбъ ихъ. Если они явились обложить насъ осадой, то это ихъ неотъемлемое право, и все это неминуемо должно окончиться битвой. Разошлите пословъ къ тѣмъ, кто должны дать намъ подмогу, однихъ въ Герику, другихъ въ Алюкантъ, тѣхъ въ Альменаръ, и иныхъ въ Онду. Пусть и изъ Борріаны поспѣшатъ сюда какъ можно скорѣе. Мы бой начнемъ въ долинѣ, и надѣюсь, съ Божьей помощью, онъ сойдетъ къ нашей выгодѣ".

Черезъ три дня, они всѣ собрались, и тотъ, что въ добрый часъ родился, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Слушайте, товарищи, и да хранитъ васъ Богъ! Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ походѣ—хотя и противъ желанія и будучи не въ состояніи поступить иначе — на благородныхъ земляхъ христіанъ, слава Богу, счастье намъ весьма улыбнулось. Однако, сегодня войска Валенсіи насъ осадили, и если мы желаемъ остаться въ этихъ краяхъ, то ихъ слѣдуетъ раз-

громить безъ всякой пощады. Пройдетъ ночь, настанетъ утро—будьте-же мнѣ готовы, на конѣ и при оружіи. Мы пойдемъ взглянуть на ихъ войско, какъ люди, пришедшіе изъ далекихъ странъ. Тамъ и отличатся тѣ, кто зарабатываетъ себѣ плату".

Слушайте, что сказалъ Минайя Альваръ Фаньезъ: „Кампеадоръ, мы поступимъ, какъ вамъ угодно. Я васъ прошу только дать мнѣ сто рыцарей, не больше; во главѣ остальныхъ, вы аттакуете мавровъ съ фронта и немедля грозно ударите на нихъ. Я-же съ моей сотней рыцарей проложу себѣ дорожку съ противоположной стороны и, съ Божьей помощью, вполнѣ уповаю, что поле битвы останется за нами". Кампеадоръ весьма одобрилъ эти рѣчи.

На разсвѣтѣ, они поспѣшно вооружаются. Каждый изъ нихъ хорошо знаетъ, что ему дѣлать. Едва забрезжилъ свѣтъ, Мой Сидъ устремился въ бой на мавровъ. „Именемъ Творца и апостола св. Якова, воскликнулъ онъ, умоляю васъ, разите, рыцари, отъ сердца и съ увлеченіемъ, изо всѣхъ силъ, ибо я призываю васъ къ тому, — я, Рюи-Діазъ Мой Сидъ де-Биваръ!"

Въ ту-же минуту, оказались оборванными множество веревокъ у палатокъ, вырвано множество кольевъ и разбросано во всѣ стороны множество шатровъ. Мавры многочисленны, но пока они стараются дружно сплотиться для отпора, Альваръ Фаньезъ, повернувъ ихъ въ другую сторону, пробиваетъ себѣ дорогу сквозь ихъ батальоны. Какъ ни досадно, но имъ остается лишь на выборъ: бѣгство или плѣнъ.

Велико ликованіе, начавшееся въ этихъ мѣстахъ. Въ этомъ преслѣдованіи, которое продолжалось до самой Валенсіи, воины Кампеадора убили двухъ мавританскихъ королей. Велика добыча, доставшаяся Моему Сиду. Они овладѣли Цеболой и всею областью по сю сторону ея. Только благодаря быстротѣ своихъ коней, тѣ могли спастись. Захвативъ съ собою весь лагерь, рыцари Моего Сида подумали и о возвра-

щеніи. Они вернулись въ Мурвіэдро, обремененные громадными богатствами.

Знайте-же, что вѣсти о Моемъ Сидѣ надѣлали шуму повсемѣстно. Въ Валенсіи боятся, не знаютъ, на что рѣшиться. Слухи о Моемъ Сидѣ зашумѣли даже по ту сторону моря. И радостенъ-же былъ Сидъ, а съ нимъ и всѣ его спутники, что Господь даровалъ имъ помощь и побѣду.

Между тѣмъ, послы его шли даже по ночамъ, и ничто не останавливало ихъ. Они прибыли въ Гюйэру, прослѣдовали до Ксатива и еще ниже, до города Деина. Они безпощадно разоряютъ всю землю мавровъ по берегу моря. Они овладѣваютъ Пеньей-Кадіэллой и устраиваютъ себѣ тамъ свободный входъ и выходъ.

Жители Ксатива и Гюйэры весьма опечалились, видя Моего Сида господиномъ надъ Пеньей-Кадіэллой. Нѣтъ средства помочь горю Валенсіи.

Отбирая и завоевывая земли мавровъ, проводя дни во снѣ и ночи въ походахъ, Мой Сидъ, такимъ манеромъ, употребилъ цѣлые три года, чтобы завладѣть всѣми этими городами. Съ жителями Валенсіи онъ поступилъ сурово; они не дерзаютъ ни выйти изъ-за своихъ стѣнъ, ни отдаться ему. Виноградники подрѣзаны; нѣтъ горя, котораго не пришлось-бы имъ перенести. Ежегодно, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, Мой Сидъ отнималъ у нихъ хлѣбъ. Жители Валенсіи горько сѣтуютъ и не знаютъ, на что рѣшиться. Ни откуда нѣтъ имъ хлѣба. Отецъ не подаетъ руки помощи своему сыну, ни сынъ своему отцу, ни другъ своему другу; нѣтъ имъ утѣшенія. Великое бѣдствіе, синьоры, недостатокъ хлѣба, когда видишь гибнущихъ отъ голода сыновей и женъ. Предъ такой бѣдностью, открывающейся у нихъ передъ глазами, они не находятъ никакого средства.

Они рѣшились отправить пословъ къ Мароккскому королю; съ нимъ у нихъ были, казалось, самыя лучшія отношенія. Онъ не далъ имъ никакой помощи и не пришелъ поддержать ихъ.

Узналъ объ этомъ Мой Сидъ, къ великому своему удовольствію. Однажды вечеромъ онъ вышелъ изъ Мурвіэдро, чтобы совершить ночной походъ. Къ утру онъ былъ на землѣ Монъ-Реаль. Чрезъ Арагонію и Наварру, онъ разослалъ гонцовъ въ земли Кастиліи съ такого рода порученіемъ: „Кто хочетъ разстаться со всякой заботой и добыть богатства, пусть ѣдетъ къ Моему Сиду, который желаетъ предпринять наѣздъ. Онъ намѣренъ осадить Валенсію, чтобы отдать ее христіанамъ. Кто хочетъ участвовать со мной въ осадѣ Валенсіи—и чтобъ всякъ шелъ своею доброю волей, а не по принужденію—я буду ждать тѣхъ три дня въ Каналь-дель-Сельфа". Такъ говорилъ Мой Сидъ, что въ добрый часъ родился, и вернулся затѣмъ въ Мурвіэдро, подпавшій подъ его власть.

Мой Сидъ, въ своей алчности къ побѣдѣ, не терпитъ промедленія; знайте, что, по его приказу, гонцы посланы по всѣмъ направленіямъ. Много народа сбѣгается къ нему изъ числа добрыхъ христіанъ. Идетъ онъ, Мой Сидъ де-Биваръ, все увеличивая и увеличивая богатство и могущество. При видѣ такой собравшейся толпы, много радости входитъ въ его душу.

Мой Сидъ донъ-Родриго не хочетъ болѣе медлить. Онъ выступаетъ по пути къ Валенсіи и обрушивается на этотъ городъ. Мой Сидъ, отложивъ въ сторону хитрость, плотно окружаетъ его. Онъ не дозволяетъ осажденнымъ выходить и не пускаетъ чужеземцевъ входить. Повсюду гремятъ вѣсти о немъ. Несравненно больше приходящихъ къ Моему Сиду—знайте это—чѣмъ тѣхъ, которые его оставляютъ. Онъ даетъ городу отсрочку, въ теченіе которой городъ можетъ получить помощь, и стоитъ, такимъ образомъ, надъ нимъ — знайте это—цѣлые девять мѣсяцевъ. Когда наступилъ десятый, они должны были ему сдать городъ. Велика радость, господствующая въ этихъ мѣстахъ.

Когда Мой Сидъ вступилъ въ Валенсію, когда онъ вступилъ въ городъ, тѣ, кто были пѣшіе, сдѣлались рыцарями. Золота, серебра — и не счесть. Всѣ они стали богаты, какъ

только попали туда. Мой Сидъ донъ-Родриго отдалъ приказъ удержать пятую часть. Одной серебряной монетой на его долю пришлось тридцать тысячъ марокъ, а остальныхъ богатствъ и не перечислить. Радостенъ былъ Кампеадоръ, а съ нимъ и всѣ люди его дружины, когда на верхушкѣ Алькказара было водружено главное его знамя.

Вотъ тогда-то Мой Сидъ весело зажилъ со всею своею дружиною. Между тѣмъ, слухъ о взятіи Валенсіи, покинутой безъ помощи, дошелъ до короля Севиліи. Онъ явился на мѣсто съ тридцатью тысячами вооруженныхъ людей. Битва произошла близъ виноградниковъ. Мой Сидъ длиннобородый разбилъ эти батальоны и преслѣдовалъ ихъ до Ксативы. Посмотрѣли-бы вы, какая давка произошла въ Юкарскомъ проходѣ! Мавры, не по своей винѣ, немало хлебнули воды, а Мароккскій король едва спасся, отдѣлавшись тремя ранами.

Со всею этой добычей вернулся Мой Сидъ. Прекрасная была пожива при взятіи города Валенсіи, но польза, доставленная этой побѣдой,—знайте это — была еще много болѣе. Самому младшему изъ дружины Моего Сида досталось не менѣе ста марокъ серебромъ. Судите по этому, какую славу долженъ былъ добыть храбрый рыцарь.

Велика радость среди всѣхъ этихъ христіанъ, вмѣстѣ съ Моимъ Сидомъ Рюи-Діазомъ, что̀ въ добрый часъ родился. Уже борода отросла у него и начинаетъ дѣлаться черезчуръ густой. Тогда Мой Сидъ говоритъ своими устами: „Изъ любви къ королю Альфонсу, который изгналъ меня изъ своего царства, ножницы не коснутся ея; ни одного клочка не будетъ отрѣзано отъ нея,—и Мавры и христіане заговорятъ объ этомъ обѣтѣ“.

Мой Сидъ преудобно устроился въ Валенсіи. Вмѣстѣ съ нимъ и Альваръ Фаньезъ, который не отходитъ отъ него. Всѣ эти люди, изгнанные изъ ихъ отчизны, лихо разбогатѣли; ибо Кампеадоръ всѣмъ роздалъ въ Валенсіи дома и владѣнія. Они довольны, каждый день испытываютъ они доброту Моего

Сида; всѣ они довольны, какъ тѣ, которые сопровождали его при отъѣздѣ, такъ и тѣ, которые присоединились къ нему впослѣдствіи.

Мой Сидъ подумалъ, что разбогатѣвъ такимъ образомъ, они не преминутъ уйти, если окажется возможность. Вотъ какой отдалъ приказъ Мой Сидъ, слѣдуя совѣтамъ, по этому поводу, Минайи: „Каждому изъ его дружины воспрещается уходить, не поцѣловавъ у него предварительно руки. Если окажется возможнымъ дознать ослушника и взять, то онъ будетъ лишенъ всего имущества и отправленъ на висѣлицу". Конечно, то было весьма ловкое распоряженіе.

Послѣ чего, Мой Сидъ пошелъ посовѣтоваться съ Минайей Альваромъ Фаньезомъ. „Если вы не прочь, Минайя, сказалъ онъ ему, я желалъ-бы узнать, вѣрны-ли люди, собравшіеся здѣсь и выручившіе кое-что вмѣстѣ со мною. Я хотѣлъ бы ихъ пересчитать и переписать всѣхъ этихъ моихъ вассаловъ, которые охраняютъ Валенсію и наблюдаютъ за окрестностями. Если кто изъ нихъ улизнетъ и будетъ подлежать наказанію, все его добро должно отойти ко мнѣ".

Минайя отвѣчалъ тогда: „Это мнѣніе разумное".

Данъ былъ приказъ явиться ко двору для общаго собранія. Когда они прибыли, сдѣлана была перепись. Мой Сидъ де-Биваръ былъ окруженъ тремя тысячами шестьюстами людей, которые ѣли хлѣбъ его. Онъ радъ былъ въ душѣ и сталъ улыбаться: „Слава Богу, Минайя, и Пресвятой Маріи, Его Матери! Мы были менѣе многочисленны, когда выходили изъ дому въ Биварѣ. Теперь у насъ есть богатства, позднѣе будетъ ихъ еще болѣе. Еслибы вамъ было угодно, Минайя, еслибы это вамъ не показалось обременительнымъ, я желалъ-бы послать васъ въ Кастилію, гдѣ находятся ваши наслѣдія, къ королю Альфонсу, моему высокому сюзерену. Изъ добычи, доставшейся намъ здѣсь, я хочу послать ему въ даръ сто коней—вы отведете ихъ ему, Минайя. Кромѣ того, поцѣлуйте у него, за меня, руку и попросите немедленно позволить мнѣ, если это ему будетъ пріятно, вызвать сюда мою жену

и моихъ дочерей. Я пошлю за ними, а вы запомните хорошенько, что вамъ придется сказать: „Жена Моего Сида и инфантины, его дочери, будутъ путешествовать такимъ образомъ, что окруженныя почестями, явятся въ эти далекія земли, которыя намъ удалось завоевать“.

Минайя отвѣтилъ тогда: „Весьма охотно исполню!“

Послѣ этой бесѣды, подумали и о приготовленіяхъ. Для услуги въ дорогѣ, Мой Сидъ далъ Альвару Фаньезу сто человѣкъ. Потомъ онъ поручилъ ему отвезти сто марокъ серебромъ въ церковь св. Петра и вручить ихъ аббату донъ-Санхо.

Пока всѣ радовались такимъ вѣстямъ, съ востока пришелъ одинъ увѣнчанный [1]). Назывался онъ епископомъ донъ-Іеронимо. Онъ былъ въ грамотѣ весьма ученъ и вообще человѣкъ свѣдущій. Пѣшкомъ и на конѣ не было никого ловчѣй его. Онъ пришелъ просить пріюта у Моего Сида. Добрый епископъ съ утѣхой помышлялъ о той минутѣ, когда ему придется перевѣдаться съ маврами на бранномъ полѣ; если онъ падетъ въ бою, разя ихъ своей рукой, нечего и оплакивать его христіанамъ во дни вѣка сего.

Услыхавъ объ этомъ, Мой Сидъ преисполнился радости. „Послушайте, Минайя Альваръ Фаньезъ! во имя Того, Кто тамъ, надъ нами: когда Господь посылаетъ намъ Свою помощь, мы должны возблагодарить Его великими дѣлами милосердія. Въ землѣ Валенсіи я хочу создать епископію и дать ее этому доброму христіанину. Вы-же, возвратясь изъ Кастиліи, привезете намъ радостныя вѣсти“.

Слова донъ-Родриго полюбились Альвару Фаньезу. Тотчасъ-же пожаловали епископію этому донъ-Іеронимо. Его посадили въ Валенсіи, гдѣ ему легко разбогатѣть. Боже! какъ возликовало все христіанство при вѣсти, что въ землѣ Вален-

---

[1]) Uno corонado, т. е. остриженный подъ вѣнокъ, по обычаю католическихъ монаховъ.

сіи есть теперь господинъ епископъ! Минайя, радостный, ускорилъ свои приготовленія и отправился.

Оставивъ въ мирѣ земли Валенсіи, Минайя Альваръ Фаньезъ ѣдетъ по пути въ Кастилію. Я опущу его остановки, ибо не намѣренъ вамъ ихъ разсказывать. Онъ сталъ разспрашивать о королѣ Альфонсѣ и узналъ, гдѣ его можно было-бы найти. Недавно еще король былъ въ С.-Фагунтѣ, и потомъ возвратился въ Карріонъ; тамъ, безъ сомнѣнія, его и можно найти, о чемъ съ удовольствіемъ узналъ Минайя Альваръ Фаньезъ. Съ подарками отправился онъ въ это мѣсто.

Въ то время, когда онъ прибылъ, король Альфонсъ выходилъ изъ храма, отслушавъ мессу; такъ что Минайя Альваръ Фаньезъ прибылъ въ это мѣсто, точно впрямь ему назвали его. Передъ всѣмъ народомъ, онъ склонилъ колѣна и въ великомъ сокрушеніи палъ къ ногамъ короля Альфонса. Онъ облобызалъ у него руку и ловко повелъ къ нему такую рѣчь: „Пощади, синьоръ Альфонсъ, ради любви къ Творцу! Мой Сидъ-воитель цѣлуетъ твои руки, цѣлуетъ руки и ноги тебѣ, своему доброму сюзерену. Еслибы вы могли милостиво принять его, за что да сохранитъ васъ Создатель! Вы прогнали его изъ своего царства, ибо онъ лишился вашего благоволенія; но и на чужой землѣ, онъ превосходно дѣлаетъ то, что ему надлежитъ дѣлать. Онъ овладѣлъ городами Ксерика и Онда Взялъ Альменаръ и Мурвіэдро, что поважнѣе. Также поступилъ онъ съ Цеболой, а передъ тѣмъ съ Кастейономъ и Пеньей-Кадіэллой, представляющей укрѣпленную скалу. Наконецъ, вмѣстѣ со всѣми этими городами, нынѣ во власти его и Валенсія. Своей рукою добрый Кампеадоръ поставилъ епископа; онъ далъ пять правильныхъ сраженій и во всѣхъ одержалъ побѣду. Велика добыча, которую послалъ ему Господь, а въ подтвержденіе истины моихъ словъ, вотъ сотня рослыхъ и сильныхъ коней съ сѣдлами и всякой прочей сбруей. Цѣлуя ваши руки, онъ проситъ васъ принять ихъ.

Онъ признаетъ себя вашимъ вассаломъ, а васъ—своимъ господиномъ".

Король поднялъ правую руку и перекрестился, что Кампеадору досталась такая прекрасная добыча. „Явно покровительствуетъ мнѣ святый Исидоръ! воскликнулъ онъ. Сердце мое довольно, и я счастливъ, слыша про неизреченные подвиги, совершенные Кампеадоромъ. Принимаю коней, которыхъ онъ посылаетъ мнѣ въ даръ".

Радость короля очень велика, но Гарсія Ордоньезъ опечалился. „Повидимому, въ землѣ мавровъ не осталось ни одного живого человѣка, котораго Кампеадоръ не обработалъ-бы по-своему".

Король сказалъ графу: „Оставьте эти рѣчи, ибо во всякомъ случаѣ, онъ служитъ мнѣ лучше васъ".

Между тѣмъ, Минайя благородно сказалъ королю: „Сидъ проситъ васъ, если то будетъ вамъ угодно, помиловать его жену, донью Химену, и его двухъ дочерей; онѣ выѣхали-бы изъ монастыря, гдѣ онъ ихъ оставилъ, и отправились-бы въ Валенсію къ храброму Кампеадору".

Король сказалъ тогда: „Я того-же мнѣнія и согласенъ отъ всего сердца. Я прикажу ихъ снабжать съѣстными припасами, пока онѣ будутъ на моей землѣ. Удалите отъ нихъ всякое оскорбленіе и всякую непріятность, защитите отъ всякаго насилія. Когда-же эти благородныя дамы достигнутъ границъ моего царства, вы и Кампеадоръ позаботитесь объ ихъ безопасности. Слышите, что я говорю, вы, стража моя, и вы, придворные: я не потерплю, чтобы Кампеадоръ понесъ въ чемъ-бы то ни было малѣйшій ущербъ. Что же касается ратныхъ людей, зовущихъ его синьоромъ, то всѣмъ имъ я возвращаю все ихъ достояніе, хотя оно и было у нихъ конфисковано. Пусть они пользуются своимъ наслѣдіемъ, оставаясь при Кампеадорѣ. Избавляю ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній и смерти. Все это дѣлаю для того лишь, чтобы дозволить имъ служить своему господину".

Минайя Альваръ Фаньезъ поцѣловалъ у него руки. Король улыбнулся и продолжалъ съ прежней благосклонностью: „Тѣмъ-же, которые пожелали-бы итти служить Кампеадору, я отъ себя даю дозволеніе, пусть отправляются во славу Божію. Въ этомъ намъ будетъ больше пользы, чѣмъ въ лишеніи другихъ чести и добраго имени“.

Въ эту минуту, инфанты Карріона заспорили между собою. „Слава Моего Сида Кампеадора растетъ безпрерывно. Мы получили-бы немалыя выгоды, женившись на его дочеряхъ. Но какъ приступить къ этому дѣлу? Мой Сидъ—синьоръ Бивара, а мы графы Карріона“. Никому не сказали они о томъ, и разговоръ ихъ прекратился.

Минайя Альваръ-Фаньезъ простился съ добрымъ, королемъ. „Вы ѣдете уже, Минайя; ступайте во славу Божію. Возьмите съ собою привратника—полагаю, онъ будетъ вамъ полезенъ. Провожая дамъ, доставляйте имъ все, чего онѣ пожелаютъ. До Медины пусть имъ даютъ все, что нужно. Далѣе затѣмъ Кампеадоръ позаботится о нихъ“. Минайя откланялся и покинулъ дворецъ.

Инфанты Карріона выступили, чтобы сопровождать Минайю Альвара Фаньеза. „Во всѣхъ отношеніяхъ, вы почетный человѣкъ, сказали они ему; покажите-же себя такимъ вотъ въ чемъ: поклонитесь отъ насъ Моему Сиду де-Бивару. Пока онъ у насъ, мы его слуги. Пусть Сидъ желаетъ намъ добра, это будетъ не безвыгодно для него“.

Минайя отвѣчалъ: „Въ такомъ порученіи нѣтъ ничего для меня тяжелаго“. Минайя уѣхалъ, а инфанты возвратились назадъ.

Онъ направился къ церкви св. Петра, гдѣ жили дамы. Какъ велика была радость, когда увидали его появленіе. Уже Минайя сошелъ съ коня; онъ пошелъ помолиться св. Петру. Окончивъ свою молитву, онъ обратился къ дамамъ: „Я вашъ вассалъ, донья Химена, Боже охрани васъ отъ всякаго зла! Да охранитъ Онъ отъ него и обѣихъ дочерей вашихъ. Мой Сидъ кланяется вамъ оттуда, гдѣ онъ находится теперь. Я

Государственный ордена Ленина

покинулъ его здоровымъ и окруженнымъ богатствомъ. Король, по добротѣ своей, согласно моимъ мольбамъ, поручилъ мнѣ сопровождать васъ до Валенсіи, въ которой мы устроили себѣ резиденцію. Если-бы Сидъ Мой увидѣлъ васъ живыми и здоровыми, ему не оставалось бы ничего желать болѣе для своего счастія и не о чемъ было-бы болѣе тревожиться".

Донья Химена отвѣчала: „Пошли Господи исполненіе его желаніямъ".

Минайя Альваръ Фаньезъ выбралъ трехъ рыцарей и отправилъ ихъ къ Моему Сиду въ Валенсію, гдѣ тотъ оставался. „Скажите Кампеадору, да хранитъ его Господь отъ всякаго зла, что король освободилъ мнѣ его жену и его дочерей. Онъ повелѣлъ, чтобы насъ снабжали съѣстными припасами все время, пока мы будемъ на его земляхъ. Съ сегодняшняго дня черезъ двѣ недѣли, если Господь охранитъ насъ отъ всякихъ случайностей, мы будемъ тамъ всѣ: я, жена его, двѣ дочери и всѣ восхитительныя дамы ихъ свиты". Рыцари отправились; они не забудутъ даннаго имъ порученія.

Минайя Альваръ Фаньезъ остался въ обители св. Петра. Скоро вы увидѣли-бы, какъ рыцари, со всѣхъ сторонъ, собирались къ нему. Они хотятъ отправиться въ Валенсію къ Моему Сиду де-Биваръ. Они просили Альвара Фаньеза одобрить ихъ намѣреніе, и Минайя сказалъ имъ: „Охотно это сдѣлаю".

Шестьдесятъ пять рыцарей присоединились къ сотнѣ другихъ, которыхъ Минайя привелъ съ собою изъ Валенсіи. Образуется порядочный отрядъ, чтобы сопровождать этихъ дамъ въ ихъ путешествіи.

Минайя передалъ аббату пятьсотъ марокъ. Я скажу вамъ также, какъ распорядился онъ остальными пятьюстами. Минайя пожелалъ принарядить донью Химену и ея дочерей, а также прочихъ дамъ, достойно служившихъ имъ. Добрый Минайя накупилъ имъ самыхъ прекрасныхъ нарядовъ, какіе только могъ найти въ Бургосѣ, а также дамскихъ коней и муловъ, чтобы онѣ явились, какъ подобаетъ.

Между тѣмъ, пока наряжались эти дамы, и добрый Минайя собирался уже въ путь, вдругъ явились передъ нимъ Рахель и Видасъ и пали ему въ ноги: „Помилуйте, Минайя, знаменитый рыцарь! Знайте-же, что если вы намъ не поможете, Сидъ разорилъ насъ. Мы не добиваемся отъ него процентовъ, только-бы воротилъ онъ намъ капиталъ".

„Это мы увидимъ съ Сидомъ, только-бы Господь привелъ меня къ нему. Въ уваженіе того, что вы сдѣлали для него, онъ благосклонно приметъ вашу просьбу".

Рахель и Видасъ отвѣчали: „Да пошлетъ это Творецъ! Не то, мы покинемъ Бургосъ и пойдемъ искать его самого [1])".

Въ обители св. Петра, куда онъ отправился, много народа присоединилось къ Минайѣ Альвару Фаньезу, и онъ сталъ готовиться къ отъѣзду.

Въ минуту отъѣзда, велико было горе аббата: „О! да хранитъ васъ Творецъ, Минайя Альваръ Фаньезъ! Поцѣлуйте отъ меня руки Кампеадору. Пусть онъ не забываетъ этого монастыря. Если на этомъ свѣтѣ Сидъ постоянно будетъ оказывать ему помощь и поддержку, въ вѣчной жизни онъ пріобрѣтетъ тѣмъ себѣ великія блага".

Минайя отвѣчалъ: „Охотно сдѣлаю все это".

Вотъ они простились съ аббатомъ донъ-Санхо и отправились въ путь. Съ ними-же и придворный привратникъ, наблюдающій за всѣмъ. По всей землѣ короля имъ доставляютъ въ изобиліи съѣстные припасы. Отъ обители св. Петра въ пять дней они доѣхали до Мединѣ. По истинѣ, вотъ они и въ Мединѣ,—дамы вмѣстѣ съ Альваромъ Фаньезомъ.

Я хочу разсказать вамъ о рыцаряхъ, отправленныхъ съ посланіемъ. Выслушавъ ихъ, Мой Сидъ де-Биваръ, съ довольнымъ сердцемъ, весьма обрадовался. Изъ собственныхъ устъ онъ произнесъ слѣдующее: „Кто посылаетъ такихъ доб-

[1]) Хроника передаетъ, что Сидъ съ нарочнымъ возвратилъ евреямъ деньги, извинившись, что въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ обману. Узнавъ объ этомъ, всѣ въ Бургосѣ восхваляли честность и благородство Сида. (Гл. 216).

рыхъ вѣстниковъ, заслуживаетъ, съ своей стороны, получить тоже. Выходите, Муньо Густіозъ, Перо Бермуэцъ, Мартинъ Антолинецъ, достопочтенный Бургосецъ, и вы, достойнѣйшій епископъ донъ-Іеронимъ, поѣзжайте вмѣстѣ съ сотней рыцарей, готовыхъ ко всѣмъ случайностямъ битвы. Поѣзжайте мимо Св. Маріи, прямо до Молины, которая будетъ подальше. Синьоромъ въ ней Абегальвонъ; это надежный и вѣрный другъ. Онъ, конечно, отправится съ вами въ сопровожденіи ста другихъ рыцарей. Какъ можно скорѣе поспѣшайте къ Мединѣ. Тамъ, какъ мнѣ говорили, вы можете найти мою жену и моихъ дочерей, вмѣстѣ съ Минайей Альваромъ Фаньезомъ. Проведите ихъ сюда съ величайшими почестями. Я остаюсь въ Валенсіи, завоеваніе которой мнѣ стоило такъ много. Оставить ее безъ охраны было-бы совершеннымъ безуміемъ; я остаюсь здѣсь, она стала моимъ наслѣдіемъ".

Когда это было сказано, стали готовиться къ отъѣзду. Они скачутъ и, поскольку это зависитъ отъ нихъ, быстро подвигаются впередъ. Они миновали св. Марію и, остановившись на отдыхъ передъ этимъ городомъ, на слѣдующій день, были уже передъ Молиной.

Какъ только мавръ Абегальвонъ узналъ, что прибыли люди Кампеадора, онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, выражая большую радость. „Пожалуйте, вассалы вѣрнаго друга! Услуга, которой онъ отъ меня желаетъ, не тяжела мнѣ; это мнѣ просто въ радость—такъ и знайте".

Муньо Густіозъ заговорилъ, не ожидая никого: „Мой Сидъ кланяется вамъ и просилъ васъ немедленно отправиться въ путь съ сотней всадниковъ. Его жена и дочери находятся въ Мединѣ. Онъ желаетъ, чтобы вы поѣхали за ними и привезли ихъ въ эту страну, и чтобы до самой Валенсіи вы не отлучались отъ нихъ".

Абегальвонъ отвѣчалъ: „Сдѣлаю это весьма охотно".

Въ тотъ вечеръ, онъ въ изобиліи распредѣлилъ между ними съѣстные припасы. Съ утра стали готовиться къ отъѣзду. Отъ него требовали только сотню людей, онъ взялъ съ

собою двѣсти. Они переходятъ горы, высокія и крутыя, переходятъ Мата-де-Торанзъ безъ малѣйшей боязни, потомъ Арбухедо, и весь отрядъ очутился въ Мединѣ.

Минайя Альваръ Фаньезъ посылаетъ двухъ рыцарей разузнать повѣрнѣе, что происходитъ. Недолго пришлось ему ждать, ибо посыльные въ сердцѣ своемъ имѣли его порученіе. Одинъ изъ нихъ остался съ прибывшими, другой возвратился къ Альвару Фаньезу.

„Воины Кампеадора пришли за нами, сказалъ онъ. Вы тотчасъ ихъ увидите; это Перо Бермуэцъ и Муньо Густіозъ, ваши два вѣрные друга; Мартинъ Антолинецъ, житель Бургоса, достопочтенный и святой епископъ донъ-Іеронимъ и мавръ Абегальвонъ со своею свитой. Они дѣйствуютъ согласно желаніямъ Моего Сида и отдаютъ ему великую честь. Всѣ они идутъ сюда вмѣстѣ и сейчасъ будутъ здѣсь“.

Тогда Минайя сказалъ: „Теперь на коней!“ Это было исполнено тотчасъ-же, никто не пожелалъ отстать отъ другихъ.

Выступила сотня всадниковъ съ прекрасной посадкой, на добрыхъ коняхъ, съ нагрудниками, бубенчиками и шелковыми чапраками; щиты висѣли у нихъ на шеѣ. Въ рукѣ держали они копье со значкомъ на готовѣ, чтобы всякъ зналъ, какъ остороженъ Альваръ Фаньезъ. О, какъ пышно выѣхали изъ Кастиліи Альваръ Фаньезъ и дамы, которыхъ онъ сопровождалъ!

Ѣхавшіе въ первыхъ рядахъ, въ качествѣ развѣдчиковъ, держали руки на оружіи и быстро смыкали ряды; но когда они присоединились къ остальному отряду, на берегахъ Шалона, то-то была радость — всѣ пошли выразить уваженіе Минайѣ Альвару Фаньезу.

Какъ только увидѣлъ его Абегальвонъ, подъѣхавшій къ этому мѣсту, тотчасъ побѣжалъ обнять его съ улыбкой на устахъ и, по обычаю своему, совершилъ съ нимъ обрядъ цѣлованія. „Какой счастливый день сегодня, соединившій насъ, Минайя Альваръ Фаньезъ! Кто не возгордился-бы присут-

ствіемъ этихъ дамъ, которыхъ вы были путеводителемъ! Жена Сида воителя и вы, его знатныя дочери, — таково приказаніе Кампеадора, чтобы всѣ мы достойно почтили васъ. Если-бы мы и пожелали ему зла, намъ невозможно осуществить это. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время, мы всегда въ его власти. И я считаю совершеннымъ безумцемъ того, кто не видитъ истины въ томъ, что я говорю".

Улыбка показалась на губахъ Минайи Альвара Фаньеза: „Вы вѣдь его почтеннѣйшій другъ, Абегальвонъ, прибавилъ онъ. Если Господь приведетъ меня къ Сиду, и я увижу его въ живыхъ, вы не потеряете на томъ, что сдѣлано было вами. Пойдемъ отдохнемъ: ужинъ, должно быть, готовъ уже".

Абегальвонъ отвѣчалъ: „Это предложеніе мнѣ нравится, и не пройдетъ и трехъ дней, какъ я вамъ отплачу за него вдвойнѣ".

Они вступили въ Мединy: Минайя приказалъ служить имъ, и всѣ были довольны, какъ онъ управился съ этимъ дѣломъ.

Привратникъ короля торопилъ отъѣздъ. Мой Сидъ въ Валенсіи, гдѣ онъ находился, призналъ за великую честь обиліе съѣстныхъ припасовъ, собранныхъ въ Мединѣ ради него. Король принялъ на себя всѣ расходы, вмѣсто него, и Минайя могъ выѣхать безъ долга. Прошла ночь, наступило утро; прослушали обѣдню и тотчасъ-же поѣхали. Они выступили изъ Медины и переправились за Шалонъ. Поднявшись на Арбухуэло, они могли двинуться быстрѣе. Скоро они переѣхали долину Торансіо и очутились въ Молинѣ, которою управлялъ Абегальвонъ.

Епископъ донъ-Іеронимъ, по истинѣ добрый христіанинъ, день и ночь не спуская глазъ съ дамъ, скакалъ на росломъ конѣ, въ сопровожденіи своихъ воиновъ. Дамы ѣхали вмѣстѣ, между Альваромъ Фаньезомъ и имъ.

Они вступили въ Молину, хорошій и богатый городъ. По истинѣ, мавръ Абегальвонъ принялъ ихъ весьма хорошо. Ни въ чемъ не было имъ отказа изъ того, что онѣ желали.

Онъ снабдилъ ихъ всѣмъ, до подковъ для ихъ коней включительно. Боже! какія почести оказывалъ онъ Минайѣ и дамамъ.

На другой день, очень рано, они быстро поскакали далѣе. Въ самой Валенсіи не было услуги, которой не оказалъ-бы имъ Абегальвонъ. Мавръ все устраивалъ на свой счетъ, и ничего не хотѣлъ принять отъ нихъ.

Слухи объ этихъ удовольствіяхъ и почестяхъ слѣдовали за ними. Вотъ они уже близъ Валенсіи, за три льё до нея ровнымъ счетомъ.

Мой Сидъ, что въ добрый часъ родился, увидѣлъ посланнаго, явившагося въ Валенсію. Никогда еще бо̀льшей, никогда такой радости не бывало для Моего Сида; ибо онъ получилъ вѣсть о тѣхъ, кто были ему дороже всего. Онъ немедленно приказалъ выступить двумъ-стамъ рыцарямъ, чтобы встрѣтить Минайю и благородныхъ дамъ. Что касается до него самого, онъ остался въ Валенсіи въ ожиданіи ихъ и для приготовленій, хорошо убѣжденный въ томъ, что Альваръ Фаньезъ во всемъ дѣйствуетъ разумно.

Всѣ эти рыцари сдѣлали блестящій пріемъ Минайѣ, дамамъ, молодымъ дѣвицамъ и остальному обществу. Мой Сидъ отдалъ приказанія своимъ домашнимъ относительно охраны Альказара, самыхъ высокихъ башенъ, всѣхъ дверей, выходовъ и входовъ; потомъ онъ велѣлъ привести себѣ Бабіеку [1]), котораго добылъ недавно. Не зналъ онъ еще, Мой Сидъ, что въ добрый часъ опоясался мечемъ, каковъ конь на бѣгу и каковъ на осадкѣ. У воротъ Валенсіи, гдѣ ему нечего было опасаться, онъ хотѣлъ показаться во всеоружіи, по случаю пріѣзда его жены и дочерей.

Между тѣмъ, пока съ большими почестями принимали дамъ, епископъ донъ-Іеронимъ выѣхалъ впередъ и, оставивъ

---

[1]) Прозаическая хроника сообщаетъ, что Сидъ, еще въ ранней молодости, получилъ, въ подарокъ отъ своего крестнаго отца, плохую лошаденку, которую тогда-же назвалъ Бабіекой, что значитъ глупышъ (прованс. baBau).

своего коня, направился къ капеллѣ, въ сопровожденіи всѣхъ, кого могъ собрать въ эту минуту. Съ ихъ серебряными распятіями, одѣтые въ стихари, вышли они на встрѣчу дамамъ и доброму Минайѣ.

Тотъ-же, что въ добрый часъ родился, не терялъ напрасно время. Онъ взялъ свое оружіе и надѣлъ кафтанъ. Видна была его длинная борода. Затѣмъ, онъ сѣлъ на Бабіеку, котораго осѣдлали ему и покрыли коврами. Гарцованіе его на этомъ конѣ, котораго звали Бабіека, показалось весьма необычно, и не нашлось ни одного человѣка, который не изумлялся бы его бѣгу. Съ этого-то дня и оцѣнили Бабіеку во всей великой Испаніи.

Наконецъ, Мой Сидъ остановился и слѣзъ съ коня. Онъ подошелъ къ своей женѣ и двумъ своимъ дочерямъ. Донья Химена, увидя его, бросилась къ его ногамъ: „Спасибо, Кампеадоръ, въ добрый часъ вы опоясались мечемъ. Вы избавили меня отъ весьма печальныхъ униженій. Видите, мы теперь передъ вами, синьоръ, я и ваши двѣ дочери, которыя теперь хорошо воспитаны, благодаря Бога и васъ“. Мой Сидъ неустанно обнималъ мать и дочерей, и отъ радости глаза ихъ были полны слезъ.

Всѣ дружины устроили себѣ большое празднество и съ оружіемъ въ рукахъ разбивали tablados (мишени).

Послушайте, что сказалъ тотъ, что въ добрый часъ родился: „Дорогая и достойная супруга и вы, мои дочери, сердце мое и жизнь, войдите, вмѣстѣ со мною, въ городъ Валенсію, которую я завоевалъ для васъ въ наслѣдіе“. Мать и дочери поцѣловали у него руки.

Всѣ вошли въ Валенсію, окруженные великими почестями. Вмѣстѣ съ ними, Мой Сидъ направился къ Альказару, поднялся на самое возвышенное мѣсто, и оттуда взоры этихъ прекрасныхъ глазъ могли перенестись во всѣ стороны. Эти дамы восхищались Валенсіей и расположеніемъ этого города и моремъ, которымъ онѣ любовались съ другого мѣста. Онѣ восхищались плодовымъ садомъ, его богатствомъ и величиной и вознесли руки къ небу, благодаря Бога.

Мой Сидъ и его дружина не нарадуются выгодамъ и важности такого завоеванія. Однако, вотъ и зима проходитъ, скоро наступаетъ мартъ мѣсяцъ.

Я хочу вамъ разсказать, что происходило по ту сторону моря, про мароккскаго короля Іосифа. Этотъ король былъ очень раздраженъ противъ Моего Сида донъ-Родриго: „Онъ насиліемъ вторгнулся въ мои вотчины и не даетъ пощады никому, ниже самому Господу".

Этотъ король мароккскій собралъ свои войска. Всего ихъ набралось пятьдесятъ тысячъ вооруженныхъ воиновъ. Ихъ посадили на суда, и они пустились по морю, направляясь въ Валенсію, чтобы разыскать Моего Сида донъ-Родриго. Вотъ и пришли корабли, они высадились уже на берегъ. Они идутъ прямо на Валенсію, городъ, завоеванный Моимъ Сидомъ; всѣ эти трибы невѣрныхъ разбили вокругъ шатры и расположились лагеремъ.

Вѣсть объ этомъ дошла до Моего Сида: „Да благословенъ будетъ Создатель и Отецъ душъ нашихъ! воскликнулъ онъ; все мое достояніе теперь—передъ глазами. Не безъ труда завоевалъ я Валенсію; теперь она моя вотчина, и одна смерть можетъ заставить меня ее покинуть. Благодареніе за это Создателю и св. Маріи, Матери Его. Жена моя и мои дочери, услада моей жизни, присоединились ко мнѣ на этихъ берегахъ; онѣ теперь со мною. Мнѣ не избѣжать того: придется прибѣгнуть къ оружію. Жена моя и мои дочери увидятъ, какъ я сражаюсь, увидятъ, какъ добываютъ себѣ кровъ на чужбинѣ, какъ зарабатывается кусокъ хлѣба".

Онъ приказалъ отвести на башню Альказаръ свою жену и дочерей. Онѣ подняли глаза и увидѣли раскинутые шатры. „Что это такое, Сидъ? Да спасетъ насъ Творецъ!"

„Не бойся, почтенная женщина, не тревожься. Это чудо Божіе! несмѣтныя богатства присоединятся къ нашимъ. Вы только что пріѣхали, вамъ хотятъ принести даръ на новоселье; у васъ дочери невѣсты — вотъ вамъ и приносятъ приданое".

„Приношу благодарность вамъ, Сидъ, и Отцу душъ человѣческихъ".

„Жена, оставайтесь въ этомъ дворцѣ и, если хотите, на башнѣ Алькасаръ. Не бойтесь, увидя меня въ сраженіи. Благодаря Бога и Пречистой Маріи, Матери Божьей, ваше присутствіе здѣсь увеличиваетъ мою храбрость. Это сраженіе, съ Божьей помощью, я выиграю".

Шатры раскинуты, наступилъ разсвѣтъ. Поспѣшно забили барабаны, и Мой Сидъ въ восторгѣ воскликнулъ: „Какой прекрасный день сегодня"!

Донья Химена боится, сердце ея трепещетъ, едва не разорвется. Дамы и обѣ дочери ея въ такомъ-же состояніи: со дня своего рожденія имъ не приходилось испытывать такого страха.

И взялъ себя за бороду добрый Сидъ Кампеадоръ: „Не страшитесь-же, все это дѣлается лишь для вашей пользы. Если угодно будетъ Господу, не пройдетъ двухъ недѣль, и эти барабаны будутъ передъ вами, и вы увидите, что это такое. Затѣмъ, ихъ передадутъ епископу донъ-Іеронимо, который сложитъ ихъ у подножія Пречистой Маріи, Матери Божіей". Таковъ былъ обѣтъ, данный Сидомъ Кампеадоромъ. Дамы веселы, и страхъ ихъ разсѣялся мало по малу.

Мароккскіе мавры скачутъ неутомимо. Вотъ они отважно появились посреди садовъ. Увидя это, часовой (atalaya) зазвонилъ въ колоколъ. Отряды христіанъ бросились къ оружію, они готовы уже и, полные отваги, устремились за городъ. Вездѣ, встрѣчая мавровъ, они тотчасъ-же нападаютъ на нихъ. Скоро они самымъ лучшимъ образомъ вытѣснили ихъ изъ садовъ. Въ этотъ день, они убили изъ нихъ пятьсотъ. Пораженіе шло до самого лагеря. Велики были ихъ подвиги, христіане подумали и о возвратѣ. Въ эту битву, Альваръ Сальвадоресъ попалъ въ плѣнъ.

Къ Моему Сиду обратились тѣ, что ѣдятъ его хлѣбъ. Снова разсказали ему то, что онъ видѣлъ своими глазами. Мой Сидъ доволенъ всѣми ихъ подвигами. „Послушайте,

рыцари, сказалъ онъ имъ, мы не остановимся на этомъ: се годня выдался добрый денекъ, завтра будетъ еще лучшій. Завтра до разсвѣта будьте всѣ при оружіи. Прослушаете обѣдню, и въ походъ: епископъ донъ Іеронимо дастъ вамъ разрѣшеніе отъ грѣховъ. Мы ударимъ на мавровъ во имя Божье и апостола св. Іакова. Не лучше-ли разбить ихъ, чѣмъ предоставить имъ разорять такимъ образомъ равнину?"

На эти рѣчи послѣдовалъ отвѣтъ: „Такова и наша воля, мы всѣ желаемъ этого!"

Минайя немедленно сказалъ: „Если таковы ваши предположенія, Сидъ, прикажите мнѣ иное дѣло. Поручите мнѣ сто тридцать рыцарей, чтобы сражаться, въ случаѣ нужды. Какъ только вы начнете аттаку, я съ противоположной стороны проложу себѣ дорогу. Обоимъ намъ или, по крайней мѣрѣ, одному изъ насъ Господь пошлетъ побѣду". Сидъ сказалъ тогда: „Согласенъ отъ всего сердца!"

День окончился, и ночь наступила. Христіанскіе отряды безотлагательно готовятся къ бою. Съ первымъ крикомъ пѣтуха, до разсвѣта, епископъ донъ-Іеронимо отпѣлъ имъ обѣдню. По окончаніи обѣдни, онъ далъ общее разрѣшеніе отъ грѣховъ. „Освобождаю отъ грѣховъ всякаго: кто сраженъ будетъ на-повалъ въ бою, Господь да пріиметъ его душу. Что же касается васъ, Сидъ донъ-Родриго, въ добрый часъ вы опоясались мечемъ,—я отпѣлъ вамъ обѣдню сегодня утромъ, теперь прошу васъ не отказать мнѣ въ милости—удостойте меня чести нанесть первые удары". Кампеадоръ отвѣтилъ: „Съ этой минуты, они считаются за вами".

Всѣ вооруженные выступили изъ башенъ Валенсіи. Мой Сидъ, какъ могъ, пріободрялъ своихъ вассаловъ и оставилъ у воротъ людей самыхъ осторожныхъ.

Мой Сидъ устремляется на своемъ конѣ Бабіекѣ, вся сбруя котораго въ превосходномъ состояніи. Они развертываютъ знамя и бросаются изъ воротъ Валенсіи. Четыре тысячи часовыхъ безъ тридцати мчатся впередъ и, во главѣ ихъ, Мой Сидъ. Они весело идутъ ударить на пятьдесятъ тысячъ

*

мавровъ. Альваръ Альварецъ и Минайя Альваръ Фаньезъ поддерживаютъ ихъ съ другой стороны. Таково было благоизволеніе Создателя, чтобы христіане остались побѣдителями. Мой Сидъ прибѣгнулъ къ копью и положилъ руку на мечъ. Онъ перебилъ такое множество мавровъ, что и счесть ихъ никогда не могли. Изъ нижней части локтя закапала у него кровь. Тремя ударами онъ сразилъ мавританскаго короля, который ускользнулъ отъ него на длину меча и спасся, лишь благодаря чрезвычайной быстротѣ своего коня. Онъ достигъ укрѣпленнаго замка Гюйера. До самаго этого мѣста, преслѣдовалъ его Мой Сидъ де-Биваръ въ обществѣ нѣсколькихъ добрыхъ своихъ вассаловъ.

Отсюда повернулъ назадъ тотъ, что въ добрый часъ родился. Онъ былъ въ великой радости отъ удачнаго преслѣдованія, и съ этого дня оцѣнилъ Бабіеку съ головы до ногъ. Вся добыча осталась въ его распоряженіи. Счетомъ всего оказалось пятьдесятъ тысячъ плѣнниковъ. Едва-едва успѣло спастись изъ этого числа сто четыре. Дружины Моего Сида расхитили лагерь. Какъ золотомъ, такъ и серебромъ найдено было три тысячи марокъ; остальную добычу не могли и счесть. Радостны были Мой Сидъ и всѣ его вассалы, что Господь милостивъ къ нимъ и помогъ одержать побѣду.

Разбивъ такимъ образомъ мавританскаго короля, Мой Сидъ предоставилъ Альвару Фаньезу развѣдать о положеніи всего, а самъ съ сотней рыцарей возвратился въ Валенсію.

Лицо его, освобожденное отъ шлема, казалось утомленнымъ. Мой Сидъ совершаетъ въѣздъ верхомъ на Бабіекѣ и съ мечомъ въ рукѣ. Дамы, ожидавшія его, спѣшатъ къ нему на встрѣчу. Передъ ними останавливается Мой Сидъ и беретъ своего коня за поводъ. „Поздравляю васъ! Я добылъ вамъ великое богатство. Пока вы оберегали Валенсію, я тамъ, на полѣ, одержалъ побѣду. Такова была, конечно, воля Господня и всѣхъ Его святыхъ, пославшихъ намъ такую добычу къ вашему пріѣзду. Вы видѣли мой мечъ въ крови и моего взмыленнаго коня? Съ этакимъ-то конемъ и побѣждать мав-

ровъ на полѣ битвы. Помолитесь Творцу, чтобы онъ прожилъ еще для васъ нѣсколько лѣтъ, и вы вернетесь въ великой чести и вамъ будутъ цѣловать руки.“ Такъ выразился Мой Сидъ о конѣ своемъ Бабіекѣ.

Когда увидѣли его сошедшимъ съ коня, дамы, его дочери, донья Химена, женщина весьма достойная,—всѣ пали къ ногамъ Кампеадора: „Всѣ мы благодаримъ васъ, пошли вамъ Богъ много, много лѣтъ жизни!“

На возвратномъ пути, онѣ вошли, вмѣстѣ съ нимъ, во дворецъ и усѣлись, въ его обществѣ, на скамьяхъ со спинками изъ драгоцѣннаго дерева. „А! донья Химена, жена моя, вы, кажется, просили меня о чемъ-то. Этихъ дамъ, которыхъ вы привели съ собою и которыя оказываютъ вамъ столько услугъ, я хочу обвѣнчать съ моими вассалами. Каждой изъ нихъ я даю по двѣсти марокъ серебромъ—пусть знаютъ въ Кастиліи, какого рода людямъ оказали онѣ столько услугъ. Что же касается вашихъ дочерей, то наступитъ и для нихъ пора, но спустя нѣкоторое время“. Всѣ поднялись съ мѣстъ и поцѣловали у него руки: велико было ликованье, наставшее послѣ того во дворцѣ.

Между тѣмъ, исполнялись приказанія Моего Сида. Минайя Альваръ Фаньезъ, записывая и сосчитывая, отправился въ лагерь со всѣми войсками. Шатровъ, оружія, драгоцѣнныхъ одѣяній оказалось такъ много, что это дѣло просто необыкновенное. А то, что я вамъ скажу, еще болѣе замѣчательно: они никакъ не могли опредѣлить числа лошадей. Взнузданныя, онѣ носились по полямъ, и некому брать ихъ; много захватили мавры изъ окрестныхъ мѣстъ. При всемъ томъ, на долю славному Кампеадору пришлось тысячу и пятьсотъ лучшихъ коней. Если Мой Сидъ получилъ столько при раздѣлѣ, то и прочіе, конечно, должны были остаться довольны.

Сколько шатровъ изъ драгоцѣнныхъ тканей съ открытыми полами получили Мой Сидъ и всѣ его вассалы? Шатеръ мавританскаго короля, самый важный, былъ растянутъ на двухъ копьяхъ, искусно украшенныхъ золотомъ. Мой Сидъ

Рюи-Діазъ пожелалъ, чтобы онъ остался, какъ былъ, и чтобы никто изъ христіанъ не снималъ его. „Вотъ этакій-то шатеръ, сказалъ онъ, шатеръ, привезенный прямо изъ Марокко, я хочу послать Альфонсу Кастильскому, чтобы онъ повѣрилъ тому, что передаютъ ему о богатствахъ Моего Сида".

Обремененные всѣми этими богатствами, они возвратились въ Валенсію.

Какъ утомился обѣими руками наносить удары епископъ донъ-Іеронимо, этотъ доблестный новопостриженный ставленникъ! Онъ и числа не знаетъ избитыхъ имъ мавровъ. Добыча, доставшаяся ему на долю при раздѣлѣ, по-истинѣ великолѣпна, но Мой Сидъ донъ-Родриго прибавилъ ему еще отъ себя десятую часть своей пятины.

Ликуетъ въ Валенсіи христіанскій людъ отъ всего, что досталось ему конями, оружіемъ и драгоцѣнностями. Ликуютъ донья Химена и ея обѣ дочери со всѣми прочими дамами, которыхъ считаютъ уже теперь замужними. И говоритъ, не медля болѣе, храбрый Кампеадоръ, Мой Сидъ: „Гдѣ же вы, доблестный Минайя? Идите сюда, безъ всякихъ благодарностей за то, что досталось вамъ на вашъ пай! Говорю вамъ безъ притворства, возьмите изъ моей пятины, сколько вамъ угодно будетъ, и оставьте остальное. Но завтра утромъ вы отправитесь непремѣнно съ лошадьми, взятыми изъ моей доли добычи, каждый имѣя мечъ въ рукахъ, при сѣдлѣ и сбруѣ. Вы сдѣлаете это изъ любви къ моей женѣ и двумъ моимъ дочерямъ, которыя будутъ довольны дѣлаемымъ мною даромъ. Получивъ въ подаромъ эти двѣсти лошадей, король Альфонсъ не осудитъ того, кто управляетъ Валенсіей". Онъ отдалъ приказаніе Перо Бермуэцу сопровождать Минайю.

На другой день утромъ, они живо уѣхали, прихвативъ съ собою вмѣстѣ двѣсти человѣкъ. Они везутъ поклонъ отъ Моего Сида королю Альфонсу: онъ цѣлуетъ у него руки, посылаетъ въ даръ двѣсти лошадей, взятыхъ въ этомъ послѣднемъ сраженіи, и обязуется служить ему до послѣдняго издыханія.

Они выступили изъ Валенсіи и полагаютъ отправиться. Всѣ изумляются щедрой добычѣ, которую они ведутъ съ собою. День и ночь ѣдутъ они, и вотъ перебрались уже по ту сторону сіэрры (горной цѣпи), раздѣляющей обѣ страны. Они разспрашиваютъ о мѣстопребываніи короля Альфонса и, перейдя сіэрры, горы и рѣки, проникаютъ въ Валладолидъ, гдѣ находился, въ то время, король Альфонсъ. Перо Бермуэцъ и Минайя отправляютъ гонца, чтобы отдано было приказаніе принять эту дружину, которой Мой Сидъ изъ Валенсіи поручилъ привезти отъ него даръ.

Король былъ радостенъ; никогда вы не видывали такого удовольствія. Онъ тотчасъ-же повелѣлъ сѣсть на коня всѣмъ своимъ царедворцамъ. Король, изъ первыхъ, бросился изъ дворца, чтобы видѣть этихъ гонцовъ, которыхъ посылаетъ къ нему тотъ, что въ добрый часъ родился. Инфанты Карріона прибѣжали, знайте это, а также графъ донъ-Гарсія, злѣйшій врагъ его. Одни радуются, другіе опечалены.

Люди Кампеадора храбраго, что въ добрый часъ родился, видя, что тѣ приближаются безъ герольда, полагали, что это войско. Король донъ-Альфонсъ останавливается, крестясь.

Минайя и Перо Бермуэцъ явились передъ нимъ. Они сходятъ съ своихъ коней: вотъ они и на землѣ уже, склоняютъ колѣна передъ королемъ Альфонсомъ, цѣлуя прахъ и лобызая его ноги. „Кланяемся низко вамъ, король Альфонсъ, благоговѣйно почитаемъ васъ; отъ имени Моего Сида Кампеадора цѣлуемъ ваши стопы—онъ высоко цѣнитъ честь, оказываемую ему вами. Онъ признаетъ васъ своимъ господиномъ и считаетъ себя вашимъ вассаломъ. Недавно, король, онъ одержалъ побѣду надъ этимъ мавританскимъ королемъ, котораго зовутъ Іосифомъ.

„Онъ разбилъ на полѣ его пятьдесятъ тысячъ людей. Добыча, доставшаяся ему, по-истинѣ изумительна; богаты стали всѣ его вассалы; онъ посылаетъ вамъ двѣсти коней и цѣлуетъ ваши руки“.

Король Альфонсъ отвѣчалъ: „Съ удовольствіемъ принимаю ихъ. Благодарю Моего Сида за присылку мнѣ такого дара. Да настанетъ скоро часъ, когда и его я могъ-бы отдарить, въ свою очередь“. Толпа радуется, и ему цѣлуютъ руки.

Графъ донъ-Гарсія раздосадованъ этимъ и весьма прогнѣванъ. Съ десятью своими родичами онъ отходитъ въ сторону. „Не дивно-ли, говорятъ они между собою, что слава Сида растетъ такимъ образомъ? Мы опозорены пріобрѣтенной имъ славой. Какъ! потому лишь, что онъ презрѣннымъ образомъ одолѣлъ тамъ королей въ какой-то битвѣ, посылать сюда ихъ коней, точно всѣ они погибли отъ его руки! Все, что онъ дѣлаетъ тамъ, создастъ для насъ затрудненія“.

Король донъ-Альфонсъ заговорилъ и сказалъ слѣдующее: „Благодареніе Творцу и святому Исидору Леонскому! Эти двѣсти коней, которыхъ посылаетъ мнѣ Мой Сидъ, дадутъ мнѣ возможность лучше сослужить службу моему государству. Что же касается васъ, Минайя Альваръ Фаньезъ и Перо Бермуэцъ, вамъ будутъ здѣсь оказаны съ почетомъ всѣ услуги, васъ снабдятъ одеждами и всякаго рода оружіемъ, какого вы пожелаете, чтобы вы могли приличнымъ образомъ явиться передъ Рюи-Діазомъ Моимъ Сидомъ. Даю вамъ три коня, которыхъ вы можете выбрать изъ этихъ. Такъ я полагаю, и слова мои выражаютъ мою волю. Все, что случилось, обратится во благо“.

Они поцѣловали у него руки и удалились, чтобы отдохнуть. Король приказалъ подать имъ все, въ чемъ они нуждались.

Я хочу теперь сказать вамъ объ инфантахъ Карріона. Они имѣли свою тайну и совѣщались между собою, говоря: „Слава Сида быстро растетъ. Будемъ просить у него дочерей, чтобы жениться на нихъ: это подниметъ наше значеніе и можетъ вывести насъ далеко“.

Съ такимъ намѣреніемъ они пришли къ королю Альфонсу: „Просимъ милости у васъ, какъ у нашего короля и законнаго господина. Если на то будетъ ваша воля, мы готовы

исполнить ее. Удостойте попросить намъ дочерей Кампеадора: мы желаемъ жениться на нихъ, къ ихъ чести, а намъ на пользу".

Въ теченіе цѣлаго долгаго часа, король думалъ и раздумывалъ. „Я изгналъ изъ государства добраго Кампеадора; я причинилъ ему великое зло, а онъ ничего, кромѣ добра, никогда мнѣ не оказывалъ; не знаю, по сердцу-ли ему придется этотъ бракъ. Но если таково ваше желаніе, начнемъ это дѣло".

Король донъ-Альфонсъ призвалъ тотчасъ Минайю Альвара Фаньеза и Перо Бермуэца и удалился съ ними въ одну изъ залъ. „Послушайте, Минайя, и вы, Перо Бермуэцъ, сказалъ онъ имъ. Мой Сидъ Кампеадоръ служилъ мнѣ съ преданностью, я обязанъ ему благодарностью, и онъ получитъ отъ меня прощеніе. Пусть онъ пріѣдетъ ко мнѣ, если того желаетъ. При дворѣ моемъ составляются нѣкоторыя предположенія: Діэго и Фернандъ, инфанты Карріона, имѣютъ въ мысли жениться на двухъ его дочеряхъ. Будьте добрыми вѣстниками и, прошу васъ, передайте это храброму Кампеадору: онъ увеличитъ добрую славу о себѣ и добудетъ чести, принявъ въ зятья инфантовъ Карріона".

Такъ сказалъ онъ Минайѣ, и Перо Бермуэцъ былъ доволенъ его рѣчами. „Мы передадимъ ему то, что вы говорите, и пусть затѣмъ Сидъ дѣлаетъ то, что признаетъ за благо".

„Вы скажете Рюи-Діазу, тому, что въ добрый часъ родился, прибавилъ король, что я отправлюсь на свиданіе съ нимъ въ приличествующее тому мѣсто, которое самъ онъ пусть назначитъ; пусть это будетъ на границѣ. Хочу навѣстить моего Сида по чести и доброй моей волѣ".

Они простились съ королемъ и отправились въ обратный путь съ этимъ порученіемъ. Со всѣми своими они направились къ Валенсіи.

Узнавъ объ этомъ, добрый Кампеадоръ тотчасъ-же сѣлъ на коня и поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Мой Сидъ обнялъ

ихъ, улыбаясь. „Добро пожаловать, Минайя, и вы, Перо Бермуэцъ, сказалъ онъ имъ. Такіе два вассала, какъ вы, рѣдки на землѣ. Какой же поклонъ шлетъ мнѣ Альфонсъ, мой господинъ? Доволенъ-ли онъ и принялъ-ли мой даръ?“

Минайя сказалъ: „Отъ души и сердца доволенъ, и посылаетъ вамъ свой привѣтъ“. Мой Сидъ воскликнулъ: „Слава Богу!“

Сказавъ это, они перешли къ своему порученію: король Альфонсъ проситъ его выдать своихъ дочерей за инфантовъ Карріона, что принесетъ ему честь, а также увеличитъ значеніе его; наконецъ, онъ совѣтуетъ это ему отъ души и сердца.

Мой Сидъ, добрый Кампеадоръ, выслушавъ ихъ, въ теченіе цѣлаго часа, думалъ и раздумывалъ. „За все это благодарю Христа, моего Господа, сказалъ онъ. Меня прогнали изъ моей земли, отняли честь мою, и только съ большимъ трудомъ добылъ я то, чѣмъ владѣю теперь: наконецъ, — и благодарю Бога за это!—король возвратилъ мнѣ свое благоволеніе и проситъ моихъ дочерей для инфантовъ Карріона. Они весьма честолюбивы и придворные люди, сердце мое не лежитъ къ этому браку; но если это совѣтуетъ тотъ, кто получше насъ, нужно обсудить это предложеніе и принять участіе въ его исполненіи. Да пошлетъ Господь Небесный, чтобы мы столковались на счастье“.

„Альфонсъ велѣлъ передать вамъ, сверхъ того, чтобы вы прибыли на свиданіе съ нимъ, гдѣ вамъ будетъ угодно. Онъ желалъ-бы повидаться съ вами и выразить вамъ свое уваженіе. Вы могли-бы при этомъ лучше переговорить обо всемъ.“

Сидъ отвѣтилъ тогда: „Согласенъ отъ всего сердца!“

„Вамъ рѣшить, сказалъ Минайя, въ какомъ именно мѣстѣ угодно будетъ вамъ имѣть это свиданіе“.

„Это нетрудно, отвѣчалъ Кампеадоръ, если таково желаніе короля Альфонса. Чтобы выразить ему почтеніе, какое подобаетъ королю нашей страны, мы отправились-бы искать его

сами, пока не нашли-бы. Но чего желаетъ онъ, то—и наше желаніе. Свиданіе наше произойдетъ на берегахъ Таго, самой значительной рѣки на границѣ, какъ то угодно моему господину [1])".

Пишутъ письмо, тщательно запечатываютъ его, и два рыцаря немедленно отправляются съ нимъ. Кампеадоръ ждетъ приказаній короля, чтобы ихъ тотчасъ исполнить.

Рыцари являются передъ лицомъ доблестнаго короля и вручаютъ ему письмо. Увидя его, донъ-Альфонсъ обрадовался въ душѣ: „Поклонитесь отъ меня Моему Сиду, что въ добрый часъ опоясался мечемъ. Это свиданіе состоится черезъ три недѣли, и, если буду живъ, вò время явлюсь туда".

Безъ дальнѣйшихъ промедленій, они вернулись къ Моему Сиду.

Съ обѣихъ сторонъ стали снаряжаться къ свиданію. Кто когда-либо видѣлъ въ Кастиліи столько цѣнныхъ муловъ, столько легкихъ дамскихъ коней? столько прекрасныхъ лошадей и быстрыхъ скакуновъ? столько блестящихъ рыцарскихъ значковъ, прикрѣпленныхъ къ сверкающимъ копьямъ? столько щитовъ съ золотыми и серебряными кольцами? столько плащей, мѣховъ и богатыхъ тканей изъ Адріи? Король приказалъ доставить съѣстныхъ припасовъ въ изобиліи къ берегамъ Таго, на мѣсто, гдѣ готовилось свиданіе.

Король ведетъ съ собою многочисленную, добрую свиту. Инфанты Карріона весело совершали путь, покупая одно и забирая другое въ долгъ, — до того они считали себя уже разбогатѣвшими, обладателями желанныхъ богатствъ въ золотѣ и серебрѣ. Король донъ-Альфонсъ быстро ѣхалъ. Потомъ слѣдовали графы и вельможи, а также многочисленныя войска. Инфанты Карріона предводительствовали сильными отрядами. Съ королемъ были также леонцы и галисійская

---

[1]) Начиная со словъ «Альфонсъ велѣлъ вамъ передать», текстъ переведенъ согласно поправкѣ, принятой въ одномъ изъ лучшихъ комментированныхъ изданій поэмы Дама-Гинара.

милиція; что же до кастильцевъ, то—запомните это себѣ — ихъ и счесть было невозможно. Они опускаютъ повода и направляются къ мѣсту, назначенному для свиданія.

Въ Валенсіи, Мой Сидъ Кампеадоръ, не теряя времени, готовится къ свиданію. Сколько рослыхъ муловъ и молодыхъ дамскихъ лошадей! сколько прекраснаго оружія и добрыхъ скаковыхъ коней! сколько красивыхъ плащей, сколько епанчей, сколько шубъ! Большіе и малые, всѣ блистательно одѣты. Минайя Альваръ Фаньезъ и Перо Бермуэцъ, Мартинъ Муньозъ и Мартинъ Антолинецъ, храбрый Бургосецъ, епископъ донъ-Іеронимо, лучшій изъ клерковъ, Альваръ Альварецъ и Альваръ Сальвадоресъ, Муньо Густіозъ, рыцарь, преисполненный чувства чести, Галинъ Гарсія, прибывшій изъ Арагоніи, и всѣ прочіе готовятся сопутствовать Кампеадору. Но Кампеадоръ пожелалъ, чтобы Альваръ Сальвадоресъ и Галинъ Гарсія арагонецъ остались охранять Валенсію, по сердцу и душѣ, со всѣми, кто находился у нихъ въ распоряженіи. Они не должны были открывать воротъ Альказара ни днемъ, ни ночью, ибо его жена и дочери, въ которыхъ онъ полагалъ все свое счастіе и всю свою привязанность, были заперты тамъ, вмѣстѣ съ другими дамами, ихъ вѣрными слугами. Какъ добрый господинъ, онъ воспретилъ, чтобы ни одна изъ нихъ не выходила изъ Альказара до возвращенія того, кто въ добрый часъ родился.

Они выступаютъ изъ Валенсіи, подгоняютъ своихъ коней и пришпориваютъ ихъ. Все это лихіе бѣгуны, рослые; Мой Сидъ ни отъ кого не получилъ ихъ въ даръ; онъ самъ ихъ добылъ. Въ эту минуту, онъ отправляется на свиданіе, которое условлено имъ съ королемъ.

Король донъ-Альфонсъ прибылъ за день впередъ. Когда люди его увидѣли, что пріѣхалъ добрый Кампеадоръ, они съ великимъ торжествомъ вышли, чтобы встрѣтить его. Едва тотъ, что въ добрый часъ родился, увидѣлъ короля предъ собою, онъ остановилъ всѣхъ своихъ, опричь рыцарей, которыхъ любилъ отъ всего сердца. Какъ было условлено, съ

пятнадцатью изъ нихъ, тотъ, что въ добрый часъ родился, слѣзъ съ коня, оперся колѣнами и руками о землю, взялъ въ зубы полевыя травы, и изъ глазъ его полились слёзы—до того онъ былъ преисполненъ восторга. Такъ сумѣлъ онъ почтить своего господина—Альфонса.

Король донъ-Альфонсъ былъ весьма растроганъ, видя его распростертымъ у своихъ ногъ. „Встаньте, сказалъ онъ ему, поднимитесь, Сидъ Кампеадоръ. Цѣлуйте руки, а не ноги. Если не послушаете меня, я лишу васъ моей дружбы".

Кампеадоръ оставался на колѣняхъ. „Умоляю васъ, мой законный повелитель, окажите мнѣ прощеніе. Пока я стою, такимъ образомъ, передъ вами, верните мнѣ вашу дружбу, чтобы всѣ, присутствующіе здѣсь, могли слышать ваше обѣщаніе".

Король сказалъ: „Дѣлаю это отъ всего сердца. Въ эту минуту, прощаю васъ, возвращаю вамъ мою дружбу и съ сегодняшняго дня дарую вамъ полную свободу въ моемъ государствѣ".

Заговорилъ Мой Сидъ и сказалъ: „Спасибо! все принимаю, мой повелитель Альфонсъ! Благодарю за это Господа небесъ, затѣмъ васъ и дружину вашу, что насъ окружаетъ".

На колѣняхъ на землѣ, онъ поцѣловалъ у него руки, потомъ, вставая, устно привѣтствовалъ его. Всѣмъ присутствующимъ это доставило удовольствіе; но Альваръ Діазъ и Гарсія Ордоньезъ были крайне тѣмъ раздражены.

Мой Сидъ пожелалъ еще говорить и сказалъ слѣдующія слова: „Да благословенъ будетъ Создатель! Теперь мнѣ возвращено благоволеніе донъ-Альфонса, моего господина. Днемъ и ночью, Господь да охранитъ меня. Благоволите, синьоръ, принять мое гостепріимство".

Король отвѣчалъ: „Сегодня такъ не подобаетъ: вы только что прибыли, а мы здѣсь со вчерашняго дня. Вы будете моимъ гостемъ, Сидъ Кампеадоръ; завтра-же сдѣлаемъ такъ, какъ вамъ будетъ угодно". Мой Сидъ уступилъ и поцѣловалъ у него руку.

Тогда инфанты Карріона подошли привѣтствовать его: „Привѣтствуемъ васъ, Сидъ, въ добрый часъ родились вы! Насколько это зависитъ отъ насъ, мы желаемъ прійти помочь вамъ, къ вашему благополучію“. Мой Сидъ отвѣчалъ: „Да будетъ на то воля Божія!“

Мой Сидъ Рюи-Діазъ, что въ добрый часъ родился, былъ, въ тотъ день, гостемъ у короля. Донъ Альфонсъ не можетъ достаточно насладиться бесѣдою съ нимъ—до того сердечно любитъ онъ его: глядитъ и любуется онъ его бородой, вмигъ быстро выросшей у Сида. Всѣ, какъ есть, восхищаются Моимъ Сидомъ.

День кончился, наступила ночь. На другой день утромъ, солнце поднялось лучезарно. Кампеадоръ приказалъ своимъ изготовить завтракъ для всѣхъ присутствующихъ. Мой Сидъ Кампеадоръ угостилъ ихъ такъ хорошо, что всѣ были довольны и единогласно сказали, что за послѣдніе три года имъ не случалось имѣть лучшаго завтрака.

На другой день утромъ, при восходѣ солнца, епископъ донъ-Іеронимо отпѣлъ обѣдню. По выходѣ отъ обѣдни, всѣ собрались, и король, не медля болѣе, держалъ къ нимъ слѣдующую рѣчь: „Послушайте меня, воины, графы и инфанты. У меня есть просьба къ Моему Сиду Кампеадору. Да пошлетъ Христосъ, чтобы то было ему во благо. Я прошу васъ, Кампеадоръ, отдать дочерей вашихъ: донью Эльвиру и донью Соль въ жены инфантамъ Карріона. Этотъ бракъ мнѣ кажется почтеннымъ и представляетъ великія преимущества. Инфанты просятъ васъ объ этомъ, и я совѣтую исполнить ихъ просьбу. Пусть всѣ, кого то или иное дѣло привело сюда, ваши и мои люди, присоединятся къ нашимъ просьбамъ. Исполните ихъ, Мой Сидъ, и да хранитъ васъ Создатель!“

„Я могъ-бы еще не выдавать въ замужество моихъ дочерей, отвѣчалъ Кампеадоръ, ибо имъ еще мало лѣтъ и онѣ очень юны. Инфанты Карріона носятъ великое имя; они приличествуютъ моимъ дочерямъ и даже болѣе благороднаго

происхожденія дѣвицамъ. Обѣ онѣ — мое рожденіе, а вы, синьоръ, сдѣлали ихъ тѣмъ, что онѣ есть; поэтому и онѣ, и я—мы въ вашей волѣ. Вотъ вамъ донья Эльвира и донья Соль; отдайте ихъ, кому вамъ угодно, я буду всѣмъ доволенъ".—„Благодарю, сказалъ король, васъ и все собраніе".

Тотчасъ инфанты Карріона встали, облобызали руки того, что въ добрый часъ родился, и обмѣнялись своими мечами на глазахъ короля Альфонса.

Король донъ-Альфонсъ, добрый господинъ, сказалъ еще: „Благодареніе, прежде всего, Создателю, а затѣмъ вамъ, добрѣйшій мой Сидъ, за даръ, который приносите вы мнѣ въ лицѣ вашихъ дочерей, отдавая ихъ за инфантовъ Карріона. Въ настоящую минуту, беру за руку донью Эльвиру и донью Соль и отдаю ихъ въ невѣсты инфантамъ Карріона. Я самъ, съ вашего согласія, желаю выдать замужъ вашихъ дочерей. Да пошлетъ Творецъ, чтобы вы порадовались ихъ счастіемъ! Оставляю въ вашихъ рукахъ инфантовъ Карріона, которые пусть сопровождаютъ васъ, а самъ отправлюсь въ обратный путь. Даю имъ триста марокъ серебромъ, которыя они пусть употребятъ на свадебные свои расходы, тамъ, гдѣ вы пожелаете, хотя бы въ великой Валенсіи. Они принадлежатъ вамъ: зятья и дочери, отнынѣ всѣ они ваши дѣти — дѣлайте съ ними, что вамъ будетъ угодно, добрый Кампеадоръ".

Мой Сидъ принялъ ихъ и поцѣловалъ руки королю: „Безконечно признателенъ вамъ, какъ моему королю и господину. Вы выдаете моихъ дочерей, я-же ихъ предоставляю лишь вамъ".

Сговорились, что на другой день утромъ, при восходѣ солнца, каждый возвратится туда, откуда пріѣхалъ. Мой Сидъ Кампеадоръ принялся тогда за покупки. Сколько рослыхъ муловъ и молодыхъ коней пожаловалъ Мой Сидъ всѣмъ, кто желалъ получить ихъ въ даръ! сколько хорошихъ шелковыхъ одеждъ! Каждый получаетъ, что проситъ, и никто не отказывается отъ того, что ему предлагаютъ. Мой Сидъ

роздалъ, такимъ образомъ, въ подарокъ шестьдесятъ изъ числа своихъ лошадей. Всѣ, какъ они есть, остались довольны свиданіемъ. Наконецъ, они пожелали ѣхать, ибо ночь наступила.

Король взялъ за руки инфантовъ и вручилъ ихъ подъ начало Моего Сида Кампеадора: „Смотрите на нихъ, какъ на дѣтей своихъ, сказалъ онъ ему, ибо въ дѣйствительности они—ваши зятья. Съ этихъ поръ, вы сами будете знать, какъ къ нимъ относиться, Кампеадоръ!“

„Благодарю васъ, король, и принимаю вашъ даръ, въ надеждѣ, что Богъ, съ небеси, вознаградитъ меня за это“.

Мой Сидъ бросился на своего коня Бабіеку. „Теперь, говорю это въ присутствіи моего господина, короля Альфонса, кто пожелаетъ отправиться со мною на свадьбу и получить отъ меня подарокъ, извлечетъ, я такъ полагаю, изъ этого путешествія нѣкоторую для себя пользу. Прошу еще одной милости у васъ, какъ у моего законнаго короля, — взявъ у меня дочерей и выдавая ихъ по своему усмотрѣнію, благоволите поручить кому-либо право выдать ихъ, ибо я лично ихъ не выдамъ за нихъ, и они никогда не похвастаются, что получили ихъ изъ моихъ рукъ“.

Король отвѣчалъ: „Очень хорошо, вотъ Альваръ Фаньезъ приметъ на себя позаботиться объ этомъ. Примите ихъ и передайте инфантамъ, какъ я бы самъ сдѣлалъ это, еслибы свадьба происходила въ моемъ присутствіи; будьте ихъ посаженнымъ отцомъ въ теченіе всего свадебнаго времени, и разскажите мнѣ всю правду, когда мы снова встрѣтимся“. Альваръ Фаньезъ сказалъ: „Синьоръ, я согласенъ“. Все было, такимъ образомъ, распредѣлено, знайте это, съ большою ловкостью.

Кампеадоръ сказалъ тогда: „Теперь, король донъ-Альфонсъ, высокопочитаемый господинъ, не оставляйте этого свиданія, не принявъ отъ меня нѣкотораго дара. Я привелъ вамъ двадцать упряжныхъ лошадей съ прекрасной сбруей и тридцать верховыхъ, богато осѣдланныхъ. Примите этотъ даръ, и я поцѣлую ваши руки“.

Король донъ-Альфонсъ сказалъ: „Не безъ большого затрудненія соглашаюсь я принять твой даръ, и только потому, что кони приведены сюда для меня. Дай Господь и всѣ Его святые, чтобы за это удовольствіе, которое ты мнѣ дѣлаешь, ты получилъ добрую награду! Мой Сидъ, Рюи-Діазъ, вы оказали мнѣ великія почести, большія услуги, и я вами доволенъ. Да настанетъ нѣкогда день, когда и я могъ-бы быть полезенъ вамъ! Помоги вамъ Господь! Что касается меня, то я уѣзжаю, довольный этимъ свиданіемъ, гдѣ волею Божью все устроилось къ лучшему".

Вотъ Мой Сидъ простился съ своимъ господиномъ, Альфонсомъ, и они тотчасъ разлучились, ибо король не пожелалъ, чтобы тотъ провожалъ его.

Тогда можно было увидѣть, что рыцари въ богатомъ одѣяніи отдѣлились отъ короля Альфонса. Они цѣловали у него руки и говорили: „Таковъ былъ вашъ приказъ и потому извините насъ: мы поѣдемъ, руководимые Моимъ Сидомъ, въ великую Валенсію и будемъ присутствовать на свадьбѣ инфантовъ Карріона съ дочерьми Моего Сида: доньей Эльвирой, и доньей Соль". Это понравилось королю, который предоставилъ имъ на то полную свободу.

Число спутниковъ Сида увеличилось, число служащихъ короля уменьшилось: много народа ѣдетъ съ Кампеадоромъ. Всѣ скачутъ по направленію къ Валенсіи, городу, завоеванному въ счастливую минуту. Донъ-Фернандъ и донъ-Діэго поручены были охранѣ Перо Бермуэца и Муньо Густіоза. Въ домѣ Моего Сида не было никого болѣе способнаго вывѣдать привычки инфантовъ Карріона. Вмѣстѣ съ ними, былъ шумливый Асуръ Гонзалесъ, храбрый на словахъ, но на дѣлѣ не слишкомъ опасный.

Великія почести оказаны были инфантамъ Карріона. Вотъ они и въ самой Валенсіи, завоеванной Моимъ Сидомъ. Съ прибытіемъ ихъ, возросла радость. Мой Сидъ говоритъ донъ-Перо и Муньо Густіозу: „Отведите дворецъ инфантамъ Карріона и останьтесь съ ними, я требую этого. Утромъ, какъ вста-

нетъ солнышко, они увидятъ своихъ женъ, донью Эльвиру и донью Соль". На ночь всѣ оказались по своимъ домамъ.

Мой Сидъ Кампеадоръ вошелъ въ Альказаръ, гдѣ его приняла донья Химена и ихъ двѣ дочери. „Придите, о Кампеадоръ, въ добрый часъ опоясались вы мечемъ. Дай Богъ намъ много, много дней еще видѣть васъ очами нашего лица".

„Слава Творцу, вотъ я и вернулся, достойная супруга! Привожу вамъ зятьевъ, которые дѣлаютъ намъ честь. Поблагодарите-же меня за нихъ, мои дочери, ибо я васъ хорошо просваталъ".

Жена и обѣ дочери и всѣ дамы, прислуживавшія имъ, поцѣловали у него руки. Донья Химена сказала: „Благодареніе Творцу и вамъ, Сидъ прекраснобородый. Все, что вы дѣлаете, конечно, лучше всего. При вашей жизни, ваши дочери не будутъ въ нуждѣ".—„Да, выданныя замужъ вами, мы будемъ очень богаты".

„Жена донья Химена, сказалъ Сидъ, благодарю Создателя. Говорю вамъ, донья Эльвира и донья Соль, дочери мои, ваше замужество сдѣлаетъ насъ болѣе знаменитыми; но, да будетъ вамъ извѣстна истина—не я рѣшилъ его. Мой господинъ Альфонсъ просилъ васъ въ жены инфантамъ и такъ рѣшительно, отъ всего сердца пожелалъ этого, что я никоимъ образомъ не осмѣлился ему сказать: нѣтъ. Васъ обѣихъ, мои дочери, я отдалъ въ его руки. Вѣрьте мнѣ, онъ, а не я, просваталъ васъ".

Тогда подумали объ украшеніи дворца—сверху до низу покрыли его тканями: сколько пурпура, атласа, дорогихъ матерій! Вы съ удовольствіемъ остались-бы и жить въ этомъ дворцѣ!

Скоро собрались всѣ рыцари; послали за инфантами Карріона, и вотъ инфанты, въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ и блистательно вооруженные, ѣдутъ впереди, направляясь ко дворцу. Боже! когда они вошли, какое спокойствіе, какое счастіе распространилось вокругъ! Мой Сидъ встрѣтилъ ихъ

со всѣми своими вассалами. Они привѣтствовали Кампеадора и его жену и усѣлись на скамьѣ съ богато украшенной спинкой.

Всѣ люди Моего Сида собрались и внимательно прислушиваются къ тому, что хочетъ сказать тотъ, что въ добрый часъ родился. Всталъ на ноги Кампеадоръ: „Если ужъ мы должны это сдѣлать, не зачѣмъ медлить намъ долѣе. Подойдите сюда, Альваръ Фаньезъ, котораго я такъ люблю и который мнѣ такъ дорогъ. Вотъ передъ вами мои двѣ дочери: передаю ихъ въ ваши руки. Вамъ извѣстно, что такъ мы условились съ королемъ. Я ни въ чемъ не хочу измѣнить того, что предуказано имъ. Передайте ихъ своей рукою инфантамъ Карріона, пусть имъ дадутъ брачное благословеніе, и чтобы все было совершено съ разумомъ".

Минайя отвѣчалъ тогда: „Я сдѣлаю это охотно".

Онѣ приподнялись, и Минайя передалъ ихъ въ руку инфантамъ Карріона, сказавъ: „Передъ Минайей вотъ вы здѣсь, оба брата. Рукою короля Альфонса и согласно его приказаніямъ, я передаю вамъ этихъ дамъ—обѣ благороднорожденныя—чтобы вы, честно и какъ слѣдуетъ, приняли ихъ себѣ въ жены".

Оба они, принявъ дѣвицъ съ любовью и благодарностью, поцѣловали руки Моему Сиду и его женѣ. Сдѣлавъ это, они вышли изъ дворца и тотчасъ же направились въ церковь св. Маріи.

Епископъ донъ-Іеронимо живо облачился и ожидалъ ихъ у дверей храма. Онъ далъ имъ благословеніе и отпѣлъ мессу.

По выходѣ изъ церкви, они быстро вскочили на коней. Они устремились изъ воротъ Валенсіи и поѣхали на берегъ. Боже, какъ хорошо упражнялись оружіемъ Сидъ и его вассалы! Три раза перемѣнилъ коня тотъ, что въ добрый часъ родился. Мой Сидъ былъ очень доволенъ всѣмъ, что видѣлъ, и инфанты Карріона хорошо скакали на коняхъ.

Они возвратились вмѣстѣ съ дамами и въѣхали въ Валенсію. Пышно отпраздновались обѣ свадьбы въ славномъ Альказарѣ. На другой день, Мой Сидъ велѣлъ выставить семь

мишеней (tablados). Всѣ онѣ были разбиты прежде, чѣмъ отправились на обѣдъ.

Такимъ образомъ продолжались свадебныя празднества въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль.

Уже двѣ недѣли подходятъ къ концу, уже уѣзжаютъ придворные. Мой Сидъ донъ-Родриго, что въ добрый часъ родился, лишилъ себя упряжныхъ лошадей, муловъ и скаковыхъ, всего до сотни головъ, чтобы подарить имъ. Онъ далъ также плащей, шубъ, прочихъ прекрасныхъ одеждъ; серебряной монетой одарилъ безъ счета. Вассалы Моего Сида тоже сговорились, чтобы каждый, отъ себя, далъ подарки. Кто искалъ серебра, получилъ его вдоволь. Побывавшіе на свадьбѣ возвратились въ Кастилію, разбогатѣвъ.

Уже гости начинали разъѣзжаться, прощаясь съ Рюи-Діазомъ, что въ добрый часъ родился, прощаясь со всѣми, и дамами, и рыцарями. Они отправляются, довольные Моимъ Сидомъ и его вассалами и распространяя повсюду, какъ и слѣдовало, по справедливости, много добраго о нихъ.

Діэго и Фернардъ, сыновья графа донъ-Гонзало, были въ великой радости.

Гости возвратились въ Кастилію, между тѣмъ какъ Сидъ съ своими зятьями остались въ Валенсіи. Инфанты пробыли въ этомъ мѣстѣ почти два года. Любовь, которою они были окружены, по-истинѣ необычайна. Доволенъ Сидъ, а также всѣ его вассалы. Да пошлетъ-же св. Марія и Отецъ Небесный, чтобы Мой Сидъ и тотъ, кто покровительствовалъ этимъ союзамъ, всегда оставались довольны ими.

Здѣсь оканчиваются строфы этой пѣсни. Да будетъ вамъ въ помощь Создатель и всѣ Его святые!

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мой Сидъ оставался въ Валенсіи со всѣми своими вассалами; оба его зятя, инфанты Карріона, были съ нимъ. Однажды, когда Кампеадоръ спалъ, лежа на скамьѣ со спин-

кой, знайте это, случилась серьезная тревога. Левъ выскочилъ изъ своей клѣтки и оборвалъ цѣпь. Великій страхъ объялъ собравшихся; люди Кампеадора обернули себѣ руки плащами, окружили скамью со спинкой и сдвинулись въ рядъ вокругъ своего господина. Фернандъ Гонзалесъ не видитъ нигдѣ спасенія: ни башни, ни открытой залы; онъ прячется подъ скамью, до того имъ овладѣлъ страхъ. Діэго Гонзалесъ бросается въ двери, произнося изъ своихъ устъ: „Никогда мнѣ не увидѣть болѣе Карріона!“ Весь дрожа, прячется онъ за перекладиной: вылѣзая оттуда, онъ перепачкалъ весь плащъ и кафтанъ свой.

Въ это время, тотъ, что въ добрый часъ родился, пробудился и, увидя, что скамья окружена его добрыми баронами, сказалъ: „Что случилось, мои молодцы, что вамъ нужно?“— „Ахъ, высокопочитаемый господинъ, левъ — причина этого безпорядка!“

Мой Сидъ, опершись локтемъ на скамью, всталъ. Имѣя плащъ на шеѣ, онъ прямо пошелъ на льва. При видѣ его, левъ смутился, нагнулъ голову и опустилъ морду передъ Моимъ Сидомъ. Мой Сидъ донъ-Родриго своей рукою схватилъ его за гриву, повелъ и заперъ въ клѣткѣ.

Всѣ присутствующіе, пораженные этимъ, возвратились на дворъ дворца. Мой Сидъ зоветъ своихъ зятьевъ и не можетъ ихъ найти. Тщетно кличутъ ихъ — ни тотъ, ни другой не отзываются. Когда наконецъ ихъ отыскали, они явились, дрожащіе и блѣдные. Никогда вы не видывали такого веселія, какое овладѣло всѣмъ обществомъ. Мой Сидъ Кампеадоръ прекратилъ его.

Инфанты Карріона сочли себя жестоко оскорбленными, и этотъ случай причинилъ имъ большую непріятность.

Между тѣмъ, пока они переживали эту досаду, явились войска мавровъ и обложили Валенсію. Пятьдесятъ тысячъ шатровъ начальниковъ растянулись вокругъ: то былъ король Букаръ, о дѣяніяхъ котораго вы, можетъ быть, слыхали уже. Мой Сидъ и всѣ его бароны возликовали; благодаря Создателю, добыча ихъ росла.

Но—знайте это—душа инфантовъ Карріона затосковала, ибо они не чувствовали нималѣйшаго удовольствія при видѣ этихъ мавританскихъ шатровъ. Оба брата удалились въ сторону: „Вотъ добыча, мы видимъ ее, но не видимъ того зла, которое можетъ случиться. Придется принять участіе въ этой битвѣ; такимъ образомъ, не видать намъ болѣе Карріона, и останутся вдовами дочери Кампеадора“.

Муньо Густіозъ подслушалъ ихъ тайну. Съ вѣстью объ этомъ онъ явился къ Моему Сиду Рюи-Діазу Кампеадору. „Вотъ ваши зятья и струсили, сказалъ онъ ему, экой храбрый народъ! Нужно итти въ битву, а они сокрушаются о Карріонѣ. Подите, ободрите ихъ, и да поможетъ вамъ въ этомъ Господь! Они могутъ оставаться въ мирѣ — обойдутся безъ нихъ въ часъ дѣлежа. Съ вами мы побѣдимъ, если Создатель поможетъ намъ“.

Мой Сидъ донъ-Родриго вышелъ, улыбаясь: „Спаси васъ Богъ, мои зятья, инфанты Карріона! Держите въ своихъ объятіяхъ моихъ дочерей, которыя бѣлы, какъ солнце. Я ищу сраженій, тогда какъ вы ищете Карріона. Въ Валенсіи вы можете расположиться попокойнѣе, въ свое удовольствіе, ибо я знаю мавровъ и крѣпко убѣжденъ, что съ Божьей помощью прогоню ихъ изъ страны [1]) . . . . . .

. . . . . .

. . . . „Да наступитъ день, когда онъ (Кампеадоръ) будетъ обязанъ вамъ благодарностью!“

Оба они возвратились изъ кампаніи, по согласію на то донъ-Перо и къ великой радости Фернанда. Мой Сидъ и всѣ его вассалы были довольны при видѣ добычи, доставленной инфантомъ. „Да, воскликнулъ Кампеадоръ, если такова воля

---

[1]) Здѣсь въ рукописи не достаетъ одной страницы. Инфанты желаютъ участвовать въ битвѣ. Въ небольшой стычкѣ, передъ сраженіемъ, донъ-Фернандъ обратился въ бѣгство передъ маврами. Является Перо Бермуэцъ, убиваетъ мавра и отдаетъ свою лошадь донъ-Фернанду. Позднѣе онъ укоряетъ инфанта трусостью. Разсказъ возобновляется его рѣчами.

Господня, нашего Отца, иже есть на небеси, мои оба зятя будутъ люди храбрые на полѣ".

Пока они говорили, непріятель приблизился. Зазвучали барабаны въ переднихъ рядахъ мавровъ. Великое множество христіанъ въ удивленіи; вновь прибывшіе никогда не видали такого зрѣлища.

Діэго и Фернандъ еще болѣе удивлены. По доброй волѣ, они никогда не пришли-бы на это мѣсто. Слушайте, что говоритъ тотъ, что въ добрый часъ родился: „Эй, Перо Бермуэцъ, мой дорогой племянникъ! Позаботьтесь-ка о донъ-Діэго и донъ-Фернандѣ, моихъ двухъ зятьяхъ, которыхъ я такъ люблю. Ибо, съ Божьей помощью, я не допущу мавровъ утвердиться на этомъ полѣ".

„Говорю вамъ, Сидъ, отвѣчаетъ Перо Бермуэцъ, по чистой правдѣ: сегодня я и не подумаю оберегать инфантовъ. Пусть охраняетъ ихъ, кто хочетъ; до меня это не касается. Я и мои люди хотимъ ударить на переднихъ, вы же съ вашими держитесь покрѣпче въ аррьергардѣ. Если окажется опасность, вамъ легко будетъ мнѣ подсобить".

Въ эту минуту, пришелъ Минайя Альваръ Фаньезъ: „Выслушайте меня, доблестный Сидъ Кампеадоръ! Господь и вы, столь достойные Его милости, предоставите намъ эту побѣду. Прикажите-же намъ ударить на нихъ, съ какой вамъ угодно стороны: каждый готовъ исполнить то, что ему будетъ назначено, смотря по ходу дѣла, съ помощью Божьей и вашей поддержкой".

Мой Сидъ сказалъ: „Нечего такъ торопиться".

Епископъ донъ-Іеронимъ является во всеоружіи; всегда въ добрый часъ, онъ останавливается передъ Кампеадоромъ: „Сегодня я отслужилъ вамъ мессу св. Троицѣ. Я покинулъ мой край и явился къ вамъ, чтобы удовлетворить желанію, овладѣвшему мною, убить нѣсколькихъ мавровъ. Я хочу добыть славу моему званію и моему имени и, для совершенія этого подвига, прошу пустить меня первымъ. У меня легкое копье и отборное оружіе. Если дастъ Богъ, я хочу испробовать его,

чтобы потѣшить свою душу и чтобы вы, Мой Сидъ, были болѣе довольны мною. Если вы мнѣ не окажете этой дружбы, я хочу уйти отъ васъ".

Тогда мой Сидъ отвѣтилъ: „Мнѣ любо ваше желаніе. Вонъ показались мавры, не хотите-ли перевѣдаться съ ними; отсюда мы будемъ смотрѣть, какъ сражается аббатъ".

Епископъ донъ-Іеронимъ далъ шпоры коню и понесся, чтобы ударить на врага, на край поля. Благодаря судьбѣ своей и Богу, возлюбившему его, первыми ударами копья онъ убилъ двухъ мавровъ. Такъ какъ древко копья сломалось, то онъ взялся рукой за мечъ. Онъ испытывалъ себя, добрый епископъ; Боже, какъ хорошо онъ бился! Двое умерли отъ его копья, пять—подъ мечемъ. Мавры многочисленны, они окружаютъ его и наносятъ сильные удары, но не могутъ одолѣть его брони.

Тотъ, что въ добрый часъ родился, не спускалъ глазъ съ него. Онъ прижимаетъ къ себѣ щитъ, опускаетъ копье и, стиснувъ ногами Бабіеку, лихого скакуна, мчится ударить на нихъ отъ души и сердца. Кампеадоръ нападаетъ на первые батальоны, семь мавровъ пали раненые и четверо убитые. По волѣ Божіей, тутъ началось бѣгство. Мой Сидъ со своими бросился преслѣдовать ихъ. Сколько канатовъ перервано, сколько веревокъ обрѣзанныхъ валяется по землѣ, сколько палатокъ прекрасной работы брошены подальше! Рыцари Моего Сида выманили изъ ихъ шатровъ людей Букара, выманили изъ шатровъ и бросились преслѣдовать. Вы могли бы увидѣть валяющимися, въ разныхъ мѣстахъ поля, множество рукъ, вооруженныхъ мечемъ, множество головъ со шлемомъ; кони безъ всадниковъ мчались, куда глаза глядятъ. Преслѣдованіе продолжалось цѣлыхъ семь миль.

Мой Сидъ устремился въ погоню за королемъ Букаромъ. „Поворачивай сюда, Букаръ! Вѣдь ты-же пожаловалъ сюда изъ-за моря. Вернись, повидаешься съ Сидомъ длиннобородымъ; мы поклонимся другъ другу и подружимся".

Букаръ отвѣчалъ Сиду: „Богъ не допуститъ такой дружбы. У тебя въ рукахъ обнаженный мечъ, и ты пришпориваешь коня; мнѣ кажется, тебѣ такъ и не терпится испробовать его на мнѣ. Но если конь мой не споткнется и не увлечетъ меня за собою въ своемъ паденіи, тебѣ не нагнать меня до самого моря".

Мой Сидъ отвѣтилъ тогда: „Ну, этого не скажутъ".

У Букара добрый конь, дѣлающій большіе скачки; но Бабіека, конь Моего Сида, все болѣе и болѣе выигрываетъ въ разстояніи. Сидъ настигъ Букара въ двадцати футахъ отъ моря; онъ взмахнулъ на воздухъ Коладой и нанесъ ему страшный ударъ ею. Посыпались камни со шлема; самый шлемъ и все прочее мечъ разсѣкъ, разгромилъ, разнесъ до пояса. Такъ Кампеадоръ убилъ Букара, заморскаго короля, и добылъ Тизону, мечъ, стоимостью въ тысячу марокъ золотомъ. Онъ одержалъ великую и дивную побѣду. Тутъ Мой Сидъ и всѣ рыцари его дружинъ стяжали себѣ славу.

Всѣ они самымъ лучшимъ образомъ, знайте это, ограбили лагерь и возвращались, обремененные добычей. Они дошли, такимъ образомъ, до самыхъ отдаленныхъ шатровъ, гдѣ остановился тотъ, что въ добрый часъ родился. Мой Сидъ Рюи-Діазъ, знаменитый Кампеадоръ, съ двумя мечами, столь высоко цѣнимыми имъ, поспѣшно пробирался среди этой сѣчи; изъ-за разстегнувшагося шлема его выглядывало утомленное лицо, а на головѣ взъерошенные волосы.

Мой Сидъ видитъ нѣчто, обрадовавшее его; поднявъ глаза, онъ видитъ передъ собою подбѣгающихъ къ нему Діэго и Фернанда, двухъ сыновей графа донъ-Гонзало. Какое удовольствіе для Моего Сида! Съ любезной улыбкой онъ сказалъ имъ: „Пожалуйте, мои зятья; я признаю васъ моими сыновьями, ибо ясно вижу, что сраженіе вамъ любо. Въ Карріонъ проникнутъ добрыя вѣсти о васъ о томъ, какъ мы разгромили короля Букара. По вѣрѣ моей въ Бога и всѣхъ Его святыхъ, я убѣжденъ, что мы останемся довольны этой побѣдой".

Въ эту минуту, подошелъ Минайя Альваръ Фаньезъ: на шеѣ у него щитъ, весь покрытый ударами мечей и безчисленнымъ количествомъ ударовъ копій; но нанесшіе ихъ не имѣли успѣха. Изъ нижней части локтя его каплетъ кровь; онъ убилъ болѣе двадцати мавровъ. Со всѣхъ сторонъ, прибываютъ вассалы Кампеадора.

Минайя говоритъ: „Благодареніе Богу, Отцу небесному, и вамъ, Сидъ, что въ добрый часъ родился. Вы сразили Букара, и поле битвы осталось за нами. Всѣ эти сокровища ваши и вашихъ вассаловъ. Сегодня ваши зятья показали себя и благородно потрудились, сражаясь съ маврами на полѣ".

Мой Сидъ отвѣчалъ: „Я счастливъ этимъ. Теперь—заслуга, а тамъ и почетъ". Сказанное Сидомъ въ похвалу, они приняли въ обиду.

Всю добычу перевезли въ Валенсію. Мой Сидъ и всѣ его соратники въ восторгѣ, что на долю каждаго пришлось по шестисотъ марокъ серебра. Получивъ свою долю добычи и имѣя ее въ рукахъ, зятья Моего Сида были убѣждены, что отнынѣ имъ не придется никогда знать нужды. Они превосходно нарядились въ Валенсіи. Свѣжіе припасы, прекрасныя кожи, хорошіе плащи — нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Велика радость Моего Сида и его вассаловъ. Сегодня дворъ у Кампеадора былъ очень многочисленъ.

Послѣ такой одержанной имъ побѣды и смерти короля Букара, Мой Сидъ, поднявъ руку и взявшись за бороду, сказалъ своимъ рыцарямъ: „Слава Господу, Владыкѣ вселенной, я вижу наконецъ то, что такъ сердечно жаждалъ видѣть: мои оба зятя сражались вмѣстѣ со мною на полѣ битвы. Добрыя вѣсти о нихъ дойдутъ до Карріона о томъ, какъ они добыли себѣ чести и намъ пользы. Сокровища, добытыя всѣми нами, громадны; часть причитается намъ, остальное отдайте имъ".

Мой Сидъ, что въ добрый часъ родился, желалъ, чтобы каждый за одержанную ими побѣду получилъ щедрой рукой назначенную сумму, но чтобы и принадлежащая ему пятина

не была забыта. Такъ всѣ они поступали съ общаго согласія. Шестьсотъ лошадей, нѣкоторое число верблюдовъ и вьючнаго скота выдѣлены были Сиду въ счетъ его пятой части. Всѣ эти богатства, полученныя Кампеадоромъ, такъ велики, что ихъ и не оцѣнить. „Слава да будетъ Господу, Творцу міра! Нѣкогда я былъ въ бѣдности, теперь богатъ; ибо у меня есть деньги, земли, сокровища, почести и мои зятья—инфанты Карріона. Съ попущенія Божія, я одерживаю побѣды: мавры и христіане боятся меня. Тамъ, въ Марокко, этой странѣ мечетей, я могу ихъ когда-нибудь въ ночь застигнуть врасплохъ; этого они страшатся, но я не помышляю о томъ. Нѣтъ, я не пойду къ нимъ, я останусь въ Валенсіи. Съ помощью Создателя, они будутъ мнѣ платить подати, будутъ платить мнѣ или кому-бы то ни было другому, какъ будетъ на то мое желаніе“.

Мой Сидъ Кампеадоръ желаетъ, чтобы въ Валенсіи всѣ его соратники и всѣ его вассалы пользовались великими удовольствіями. Оба его зятя въ великой радости, что имъ удалось выказать храбрость въ бою; обоимъ досталась сумма въ пять тысячъ марокъ. Инфанты Карріона считаютъ себя очень богатыми.

Вмѣстѣ съ другими, они пришли во дворъ. Тамъ, вмѣстѣ съ Моимъ Сидомъ, находились епископъ донъ-Іеронимъ, добрый Альваръ Фаньезъ, достойный рыцарь, и многіе другіе изъ дома Кампеадора. При ихъ появленіи, Минайя отъ имени Моего Сида Кампеадора привѣтствовалъ ихъ: „Пожалуйте сюда, родные, вы дѣлаете намъ честь“.

Кампеадоръ обрадовался ихъ приходу: „Вы видите, въ эту минуту, мои зятья, мою добродѣтельную жену и моихъ двухъ дочерей, донью Эльвиру и донью Соль. Пусть онѣ обнимутъ васъ и съ удовольствіемъ исполнятъ ваши желанія. Мавры побѣждены и убитъ король Букаръ, извѣстный негодяй. Благодаря Пречистой Маріи, Матери Господа Бога нашего, вашъ бракъ принесетъ вамъ честь. Добрыя вѣсти пойдутъ въ земли Карріона“.

При этихъ словахъ, Фернандъ Гонзалесъ отвѣчалъ: „Благодаря Создателя и васъ, славный Сидъ, мы получили такія богатства, что ихъ и не счесть. Благодаря вамъ, мы побѣдили, благодаря вамъ, добыли себѣ чести. Обратите ваши заботы на другихъ; мы же достойно награждены уже“.

Вассалы Моего Сида стали улыбаться. Среди наиболѣе пылкихъ въ бою, среди наиболѣе пылкихъ въ преслѣдованіи, они не встрѣчали ни Діэго, ни Фернанда.

И ночь, и день горько подшучивали они надъ ними; а такъ какъ эти насмѣшки все увеличивались, то два инфанта стали совѣтоваться между собою. Оба, раздраженные, удалились въ сторону; они вѣдь по истинѣ братья: „Не станемъ обращать вниманія на толки этихъ людей, сказали они себѣ; мы здѣсь черезчуръ засидѣлись. Возвратимся въ Карріонъ. Богатства, которыми мы располагаемъ, велики и прекрасны; въ теченіе всей нашей жизни, намъ не прожить ихъ. Потребуемъ нашихъ женъ у Кампеадора; скажемъ ему, что хотимъ отвезти ихъ въ Карріонскія земли, чтобы показать, гдѣ находятся ихъ владѣнія. Удаливъ ихъ, такимъ образомъ, изъ Валенсіи и изъ рукъ Кампеадора, мы можемъ, въ дорогѣ, дѣйствовать, какъ намъ будетъ угодно—не напомнятъ намъ про случай со львомъ. По рожденію, мы графы Карріона; увеземъ съ собою богатства значительной цѣнности. Да, мы обезславимъ дочерей Кампеадора. Эти сокровища сдѣлаютъ насъ богатыми навсегда, и мы можемъ жениться на дочеряхъ короля или императора, потому что по своему роду мы графы Карріонскіе. И такъ, рѣшено, мы лучше обезславимъ дочерей Кампеадора, чѣмъ позволять оскорблять насъ приключеніемъ со львомъ“.

Съ такимъ намѣреніемъ оба вернулись, и Фернандъ Гонзалесъ, попросивъ молчанія, такъ заговорилъ: „Ахъ, да хранитъ васъ Богъ, Сидъ Кампеадоръ! Не благоугодно-ли будетъ, прежде всего, вамъ, затѣмъ доньѣ Хименѣ, Минайѣ Альвару Фаньезу и всѣмъ здѣсь присутствующимъ отдать намъ тѣхъ, которыя, по брачному благословенію, сдѣлались

нашими женами. Мы отвеземъ ихъ въ наши Карріонскія земли и укрѣпимъ за ними тѣ города, которые мы имъ дали въ наслѣдственное владѣніе, по праву вѣна [1]). Ваши дочери увидятъ, каковы наши владѣнія и что достанется въ раздѣлъ дѣтямъ, которыя родятся отъ насъ".

Кампеадоръ отвѣчалъ: „Я отдамъ вамъ моихъ дочерей и часть моего имущества. — Сидъ и не помышлялъ о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя его ожидали. — „Вы дали имъ въ задатокъ и въ ленное владѣніе города и земли въ странѣ Карріона; я-же хочу дать имъ въ приданое три тысячи марокъ серебромъ, а вамъ муловъ и молодыхъ упряжныхъ доброй породы, неутомимыхъ верховыхъ и скаковыхъ, а также много одеждъ изъ сукна и прочихъ тканей. Дамъ я вамъ еще въ даръ два меча—Коладу и Тизону: знайте, что я добылъ ихъ, какъ храбрый воинъ. Такъ какъ я отдаю вамъ обѣихъ моихъ дочерей, то оба вы — мои сыновья. Вы далеко уносите съ собою покровы моего сердца. Пусть знаютъ въ Галисіи, Кастиліи и Леонѣ, что я не отпускаю моихъ зятьевъ иначе, какъ надѣливъ ихъ богатствами. Служите хорошо моимъ дочерямъ, потому что онѣ ваши жены, и тогда получите отъ меня хорошее вознагражденіе".

---

[1]) Въ то время, жена, по различію своихъ общественныхъ отношеній къ мужу, имѣла двоякое названіе: mugier (законная жена) и barragana (жена въ своего рода морганатическомъ бракѣ). Бракъ съ обѣими заключался законнымъ порядкомъ, но mugier называлась она, если была равныхъ съ мужемъ по рожденію правъ и одного съ нимъ сословія; если-же жена была ниже мужа по общественному положенію, то называлась barragana. Бракъ съ послѣднею заключался съ меньшей торжественностью и безъ предварительныхъ юридическихъ актовъ задатка—своего рода вѣна, по которому женихъ отдавалъ своей невѣстѣ въ ленъ извѣстныя имѣнія и, въ случаѣ неисполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ, самъ лишался ихъ. Инфанты Карріона, признавъ дочерей Сида сперва за своихъ mugier, впослѣдствіи пожелали низвести ихъ до степени barragana, воспользовавшись тѣмъ, что актъ задатка не былъ заключенъ до свадьбы.

Инфанты Карріона соглашаются. Тотчасъ были вручены имъ дочери Кампеадора, и они стали получать, что было обѣщано имъ Сидомъ.

Высказавъ всѣмъ свои пожеланія, инфанты Карріона принялись нагружать муловъ. Вѣсть объ ихъ отъѣздѣ взволновала великую Валенсію; всѣ берутся за оружіе и ѣдутъ, полные желанія сопровождать дочерей Кампеадора въ Карріонскія земли.

Уже обѣ сестры, донья Эльвира и донья Соль, подумываютъ объ отъѣздѣ и прощаются со всѣми. Онѣ падаютъ на колѣни передъ Сидомъ Кампеадоромъ: „Ахъ, да хранитъ васъ Создатель! Отецъ, мы просимъ вашего благословенія; вы и матушка — виновники дней нашихъ, и теперь еще передъ нами вы — господинъ и госпожа наши. Мы отправляемся въ Карріонскія земли, ибо долгъ нашъ—исполнять ваши приказанія. Но обѣ мы просимъ у васъ, какъ милости, послать своихъ гонцевъ въ Карріонскія земли“.

Мой Сидъ обнималъ ихъ и прощался съ обѣими; тоже, послѣ него, дѣлаетъ мать. „Вы покидаете эти мѣста, мои дочери, говоритъ она, и да хранитъ васъ Создатель! Вы уносите съ собою любовь вашего отца и мою. Отправляйтесь въ Карріонъ, гдѣ находятся ваши владѣнія. Да, я увѣрена, я хорошо выдала васъ замужъ“.

Своему отцу и своей матери онѣ цѣлуютъ руки, а тѣ оба, вмѣстѣ съ своей любовью, даютъ имъ благословеніе.

Мой Сидъ подумываетъ объ отъѣздѣ; дружина сопровождаетъ его верхомъ, вооруженная, съ благородной осанкой. Инфанты выѣзжаютъ изъ Валенсіи, блестящаго города, раскланиваясь съ дамами и всѣми ихъ подругами. Они ѣдутъ черезъ городской садъ, держа копья свои въ рукѣ.

Мой Сидъ шелъ веселый, вмѣстѣ со всѣми своими соратниками, когда тотъ, что въ добрый часъ опоясалъ себя мечемъ, увидѣлъ, по разнымъ предзнаменованіямъ, что молодымъ скоро предстоитъ какое-то происшествіе. Обѣ его дочери замужемъ — онъ не можетъ отрицать этого. „Гдѣ ты,

племянникъ мой, Фелезъ Муньозъ? Ты двоюродный братъ обѣихъ моихъ дочерей и преданъ имъ душею и сердцемъ. Поручаю тебѣ сопутствовать имъ до самаго Карріона; ты увидишь, какія вѣна даны моимъ дочерямъ и возвратишься къ Кампеадору съ этими вѣстями".

Фелезъ Муньозъ говоритъ: „Отъ всего сердца и души готовъ!"

Минайя Альваръ Фаньезъ остановился передъ Моимъ Сидомъ: „Вернемся, Сидъ, въ великую Валенсію; если угодно будетъ Богу, Отцу Создателю, мы поѣдемъ повидаться съ ними въ Карріонскую землю. Донью Эльвиру и донью Соль поручимъ Богу и пожелаемъ, чтобы мы никогда не испытывали иного чувства, кромѣ удовольствія, при разсказѣ о томъ, что онѣ тамъ будутъ дѣлать" Зятья отвѣтили: „Дай Богъ!"

Велики были горести, когда пришлось разставаться. Отецъ и дочери плакали сердечно, рыцари Кампеадора тоже.

„Послушай ты, племянникъ Фелезъ Муньозъ, сказалъ Сидъ; вы возьмете путь на Молину, и тамъ останетесь ночевать. Кланяйтесь другу моему, мавру Абенгальвону. Пусть онъ приметъ моихъ зятьевъ какъ можно лучше. Ты скажешь ему, что я посылаю дочерей своихъ въ Карріонскую землю; пусть имъ окажутъ всѣ услуги, какія понадобятся имъ изъ прихоти или по нуждѣ. Изъ любви ко мнѣ, пусть онъ затѣмъ проведетъ ихъ до Медоны. За все, что онъ сдѣлаетъ, я хорошо его награжу".

Какъ ноготь отъ тѣла, донья Эльвира и донья Соль разстались съ Кампеадоромъ; тотъ, что въ добрый часъ родился, возвратился въ Валенсію.

Инфанты Карріона только и думаютъ о томъ, какъ-бы уѣхать. Первый привалъ сдѣлали лишь у св. Маріи Альбарасинской. Инфанты Карріона торопятся, какъ только могутъ. Они уже въ Молинѣ, у мавра Абенгальвона. При извѣстіи объ этомъ, обрадованный мавръ выходитъ къ нимъ на встрѣчу со всѣми знаками удовольствія. Боже, какъ хорошо служитъ онъ имъ, исполняя всѣ ихъ желанія!

На другой день утромъ, онъ отправился верхомъ вмѣстѣ съ ними и приказалъ двумстамъ всадникамъ сопровождать ихъ при переходѣ черезъ горы, называемыя Лузонскими. Мавръ предложилъ отъ себя подарки дочерямъ Сида, и далъ по доброму коню каждому изъ инфантовъ. Они миновали Арбуксуэлло и прибыли къ Шалону. Остановились они въ мѣстности, называемой Ансарера. Мавръ во всемъ этомъ дѣйствовалъ такъ лишь изъ любви къ Сиду Кампеадору.

Инфанты Карріона замѣтили щедрость, выказанную мавромъ, и оба брата замыслили межъ собой предательство. „Разумѣется, такъ какъ мы рѣшились взять дочерей Кампеадора, то не удастся-ли намъ, быть можетъ, убить мавра Абенгальвона—въ такомъ случаѣ, всѣ богатства, которыми онъ владѣетъ, достались-бы намъ. Они неминуемо были-бы наши, какъ Карріонскія земли; никогда Сидъ Кампеадоръ не потребовалъ-бы въ томъ отъ насъ отчета“.

Пока инфанты Карріона замышляли эту низость, одинъ мавръ, понимавшій по-романски, услышалъ ихъ. Это перестало быть ихъ тайной: мавръ тотчасъ-же сообщилъ объ этомъ Абенгальвону. „Господинъ, сказалъ онъ, ты мнѣ синьоръ, берегись ихъ; я слышалъ, что инфанты Карріона замыслили смерть твою“.

Мавръ Абенгальвонъ былъ добрый вояка. Онъ поѣхалъ верхомъ съ своими двумястами всадниками. Съ оружіемъ въ рукѣ онъ остановился передъ инфантами, и тѣ, далеко не съ удовольствіемъ, услышали слова мавра: „Скажите мнѣ, что я вамъ сдѣлалъ, инфанты Карріона? Межъ тѣмъ какъ я служу вамъ съ полной искренностью, вы затѣваете умертвить меня. Еслибы не удерживало меня имя Моего Сида де-Бивара, я поступилъ-бы съ вами такъ, что это надѣлало-бы шуму въ свѣтѣ, и немедля болѣе отвезъ-бы дочерей къ доблестному Кампеадору. Никогда вамъ не пришлось-бы вернуться въ Карріонъ. Съ этой минуты, бросаю васъ совсѣмъ, предатели и нечестивцы. Предоставьте мнѣ удалиться, донья Эльвира и донья Соль. Меня весьма мало озабочиваетъ репутація инфан-

товъ Карріона. Дай Богъ, Творецъ и Повелитель вселенной, чтобы Кампеадоръ могъ порадоваться этимъ бракомъ".

Сказавъ это, мавръ удалился; всадники его съ приподнятыми мечами проѣзжали проходъ Шалонскій. Какъ человѣкъ умный, онъ вернулся въ Молину.

Инфанты Карріона удалились тогда изъ Ансареры. День и ночь торопливо совершаютъ они свою поѣздку. Они оставляютъ влѣво Атинецу, хорошо укрѣпленную скалу, минуютъ затѣмъ Сіэрру де-Міэдесъ и проходятъ между этими двумя высокими горами. Оставляютъ по лѣвой сторонѣ отъ себя Гризу и пещеры, гдѣ запертъ былъ Эльфъ; они оставляютъ по правой сторонѣ и подалѣе отъ себя Сантестебанъ.

Инфанты вступили въ дубраву Корпесъ. Высоки были дѣревья въ этомъ лѣсу, вѣтки ихъ подымались до облаковъ, и хищные звѣри бродили вокругъ. Они нашли садъ съ свѣтлымъ ключемъ. Инфанты Карріона приказали раскинуть здѣсь свой шатеръ и провели ночь вмѣстѣ со всѣми сопровождавшими ихъ людьми. Они выражали любовь своимъ женамъ, обнимая ихъ, но съ восходомъ солнца сдѣлали имъ немало зла.

Они приказали навьючить муловъ ихъ цѣнными богатствами; шатеръ, раскинутый на ночь, былъ убранъ; слуги отосланы впередъ. Инфанты Карріона дали строгій приказъ, чтобы никто, ни изъ мужчинъ, ни изъ женщинъ, не оставались здѣсь, за исключеніемъ ихъ обѣихъ женъ: доньи Эльвиры и доньи Соль — они-де желаютъ позабавиться съ ними безъ всякой помѣхи.

Всѣ уѣхали; только они вчетверомъ остались. На какое ужасное дѣло рѣшились инфанты Карріона! „Да будетъ вамъ извѣстно, донья Эльвира и донья Соль, что въ этомъ дикомъ лѣсу вы будете обезславлены. Вы будете покинуты нами, ибо мы ѣдемъ. Вамъ не придется дѣлить между собою земель Карріона—вѣсти объ этомъ дойдутъ до Сида Кампеадора, и мы будемъ, такимъ образомъ, отмщены за происшествіе со львомъ".

Они сорвали съ нихъ плащи и мѣха, и оставили на тѣлѣ однѣ сорочки да туники. У ногъ этихъ злыхъ предателей прикрѣплены были шпоры. Они берутъ въ руки толстыя и твердыя подпруги.

При видѣ этого, донья Соль воскликнула: „Ради Бога, умоляемъ васъ, донъ-Діэго и донъ-Фернандъ, у васъ два острыхъ меча доброй закалки, которыхъ называютъ: одинъ Колада и другой Тизонъ, отрубите намъ головы, мы будемъ мученицы. Мавры и христіане единогласно будутъ говорить, что мы не заслужили такой кары. Не будьте такъ жестоки къ намъ. Если вы будете насъ бить, вы только сами себя обезславите, и отъ васъ потребуютъ въ томъ отчета при дворѣ и въ кортесахъ".

Всѣ мольбы этихъ дамъ оказались безполезны; инфанты Карріона принялись наносить имъ удары. Своими гибкими подпругами они ужасно бьютъ ихъ; острыми шпорами они разрываютъ на нихъ рубахи и тѣло — жестокое для нихъ мученіе; яркая кровь течетъ по ихъ туникамъ. Обѣимъ имъ больно было до самаго сердца. Какое счастіе, если бы въ эту минуту, по благому соизволенію Создателя, могъ явиться Сидъ Кампеадоръ!

Они бьютъ ихъ такъ сильно, что ихъ сорочки и туники всѣ въ крови, и онѣ едва въ силахъ держаться. Сами они, соревнуя между собою, кто получше можетъ наносить удары, утомились бить.

Уже донья Эльвира и донья Соль не могутъ вымолвить ни слова. Они оставили ихъ полумертвыми въ дубравѣ Корпесъ. Унося съ собою ихъ плащи и горностаевые мѣха, они покинули ихъ въ однихъ туникахъ и сорочкахъ, беззащитныхъ отъ горныхъ птицъ и дикихъ звѣрей. Они оставили ихъ, считая мертвыми, знайте это, а не живыми еще! Какое счастье, если бы въ это мгновеніе могъ явиться Сидъ Кампеадоръ!

Инфанты Карріона оставили ихъ полумертвыми въ этой дубравѣ Корпесъ: одна не можетъ помочь другой. И идутъ

они чрезъ эти горы, дорогою поздравляя себя: „Ну, теперь мы отдѣлались отъ нашихъ женъ и хорошо отмстили за себя! Намъ не подобало взять ихъ за себя даже въ барраганы [1]) безъ усиленныхъ упрашиваній; онѣ не ровня намъ, чтобы быть въ нашихъ объятіяхъ. Вотъ какъ мы отомстили за безчестіе, нанесенное намъ этимъ львомъ“. Такъ поздравляли себя дорогою инфанты Карріона.

Но я хочу повѣдать вамъ объ этомъ Фелезѣ Муньозѣ, который былъ племянникомъ Сида Кампеадора. Инфанты Карріона приказали ему итти впередъ, чему онъ неохотно повиновался; все время, пока онъ шелъ, сердце у него болѣло. Въ сторонѣ, вдали отъ другихъ, онъ улизнулъ отъ нихъ. Фелезъ Муньозъ спрятался въ густой чащѣ зелени, чтобы подсмотрѣть, когда прибудутъ его двоюродныя сестры или узнать, что сдѣлаютъ инфанты Карріона. Онъ видѣлъ, какъ онѣ прибыли, и услыхалъ нѣсколько словъ. Тѣ не замѣтили его и ничего не подозрѣвали. Знайте, что замѣть они его, ему бы не избѣжать смерти.

Инфанты удалились, умчавшись вскачь. Фелезъ Муньозъ отправился по ихъ слѣдамъ и нашелъ двухъ своихъ двоюродныхъ сестеръ полумертвыми. Закричавъ: Кузины! кузины! онъ быстро соскочилъ съ коня, взялъ его подъ уздцы и направился къ нимъ. „Ахъ! кузины, дорогія мои кузины, донья Эльвира и донья Соль, сколько зла надѣлали тутъ инфанты Карріона! Пошли-же Господь и святая Марія, чтобы они были тяжко покараны за это!“

Сказавъ это, онъ обращается къ нимъ; но онѣ такъ взволнованы, что не могутъ ничего сказать, и сердце его надрывается, глядя на нихъ. Онъ кричитъ имъ: „Кузины! кузины! донья Эльвира и донья Соль! Очнитесь, кузины, ради любви къ Создателю! Теперь какъ разъ ночь готовится смѣнить собою день. Хоть-бы стада хищныхъ звѣрей не растерзали насъ въ этомъ лѣсу!“

---

[1]) См. послѣднее наше примѣчаніе.

*

Мало по малу, донья Эльвира и донья Соль приходятъ въ сознаніе; онѣ открываютъ глаза и смотрятъ на Фелеза Муньоза. „Прійдите-же въ себя, кузины, ради любви къ Создателю! Какъ только инфанты Карріона замѣтятъ мое отсутствіе, немедленно-же пошлютъ на поиски за мной. Если Господь не охранитъ насъ, мы погибнемъ въ этихъ мѣстахъ!“

Съ большимъ трудомъ заговорила донья Соль: „Если имя Кампеадоръ, нашего отца, достаточно, чтобы склонить васъ исполнить нашу просьбу, дайте намъ воды, кузенъ, и да благословитъ васъ Создатель!“

Фелезъ Муньозъ зачерпнулъ воды въ новую блестящую шляпу, взятую имъ изъ Валенсіи, и подалъ своимъ двоюроднымъ сестрамъ. Обѣ онѣ утолили свою жажду. Онѣ были совсѣмъ истерзаны; онъ умолялъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ согласились присѣсть. Тогда онъ принимается уговаривать и ободрять ихъ, пока онѣ не успокоились. Скоро онъ беретъ ихъ одну за другой и усаживаетъ на своего коня, прикрывъ ихъ обѣихъ своимъ плащемъ. Беретъ онъ коня подъ уздцы и торопливо удаляетъ ихъ отъ этого мѣста. Всѣ трое, сообща, между днемъ и ночью, выбрались изъ этихъ горъ дубравою Корпесъ.

Вотъ они прибыли къ берегамъ Дуэро. Фелезъ Муньозъ, оставивъ ихъ въ башнѣ доньи Урраки, прибылъ въ Сантестебанъ. Онъ нашелъ тамъ Діэго Теллеза, который служилъ Альвару Фаньезу. Оскорблена была душа его, когда онъ услыхалъ о происшедшемъ. Онъ забралъ съ собою лошадей и приличныхъ одѣяній и отправился на встрѣчу къ доньѣ Эльвирѣ и доньѣ Соль. Онъ привезъ ихъ въ Сантестебанъ и окружилъ здѣсь всѣми возможными почестями.

Обыватели Сантестебана всегда отличались любезностью; узнавъ о томъ, что произошло, они сердечно опечалились. Они пріободрили дочерей Сида, и тѣ остались у нихъ до своего выздоровленія. Да будутъ прокляты инфанты Карріона! Сердечно опечалился добрый король донъ-Альфонсъ.

Эти вѣсти дошли и до великой Валенсіи. Узнавъ объ этомъ, Мой Сидъ Кампеодоръ, въ теченіе долгаго часа, думалъ и раздумывалъ. Поднявъ руку и взявъ себя за бороду, онъ сказалъ: „Слава Христу, Господу земли и неба! Если инфанты Карріона такъ меня почтили,—этой бородой, которой никто никогда не касался, клянусь, что не на пользу имъ то будетъ, этимъ инфантамъ Карріона; ибо что касается моихъ дочерей, я ихъ еще хорошо выдамъ замужъ".

Мой Сидъ, весь дворъ его и Альваръ Фаньезъ были душою и сердцемъ въ горѣ. Минайя поѣхалъ верхомъ вмѣстѣ съ Перо Бермуэцомъ, Мартиномъ Антолинецомъ, благороднымъ Бургосцемъ, и двумястами рыцарей, которыхъ поручилъ ему Мой Сидъ. Послѣдній крѣпко-на-крѣпко приказалъ имъ ѣхать день и ночь и привезти его дочерей въ великую Валенсію.

Безъ промедленія они исполняютъ распоряженіе своего господина; они быстро несутся, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью. Прибываютъ они въ сильно укрѣпленный замокъ Сантестебанъ де-Гормазъ. Тамъ, правда, они останавливаются для ночлега.

Въ Сантестебанѣ распространился слухъ, что Минайя пріѣхалъ за двумя своими двоюродными сестрами. Жители Сантестебана приняли Минайю и всѣхъ его рыцарей, какъ почетныхъ гостей. Въ ту же ночь, они устроили Минайѣ большой пиръ, котораго онъ не пожелалъ принять, но за который весьма благодарилъ ихъ. „Благодарю васъ, жители Сантестебана, за ваше доброе расположеніе. За чествованіе, которымъ вы встрѣчаете насъ при этихъ обстоятельствахъ, Мой Сидъ Кампеадоръ вамъ шлетъ свою признательность оттуда, гдѣ онъ находится. Тоже дѣлаю и я, находящійся нынѣ здѣсь. Господь небесный да вознаградитъ васъ за это!" Всѣ поблагодарили его и были довольны.

Рыцари отправились на поиски квартиры, гдѣ они могли бы отдохнуть въ теченіе ночи. Минайя пошелъ туда, гдѣ находились его кузины, чтобы повидаться съ ними. Донья

Эльвира и донья Соль устремили глаза на него. „Мы такъ благодарны вамъ, какъ если бы вы были самимъ Творцомъ, Которому вы обязаны благодарностью за то, что застали насъ въ живыхъ. На досугѣ, мы поразскажемъ вамъ всѣ наши несчастія“.

Дамы и Альваръ Фаньезъ плачутъ своими глазами, но Перо Бермуэцъ думаетъ совсѣмъ не то. „Донья Эльвира и донья Соль, не тревожьтесь теперь, разъ всѣ живы и здоровы и горя нѣтъ болѣе надъ нами. Вы потеряли хорошее замужество, можете найти еще получше. Да суждено будетъ намъ увидѣть день, когда мщеніе за васъ окажется въ нашихъ рукахъ“!

Они проводятъ ночь въ этомъ городѣ въ великомъ удовольствіи. На другой день утромъ, думаютъ тронуться въ путь. Жители Сантестебана дѣлаютъ имъ удовольствіе, провожая ихъ до Ріо-Д'аморъ. Тамъ они разстались съ ними и подумали о возвращеніи. Минайя, вмѣстѣ съ дамами, продолжалъ свой путь.

Они переѣхали Алкоцебу вправо отъ Сантестебана де-Гормазъ, чтобы остановиться въ мѣстѣ, наз. Вадо-де-Рей. Затѣмъ, они отдохнули въ городѣ Берланга и, на другой день утромъ, пустились въ путь. Они подкрѣпились пищею въ городѣ именемъ Медина и, на утро, были уже на пути изъ Медины въ Молину.

Мавръ Абенгалвонъ обрадовался этому въ сердцѣ своемъ. По доброй волѣ, онъ вышелъ, чтобы принять ихъ. По дружбѣ къ Моему Сиду, онъ приготовилъ имъ великолѣпный ужинъ. Отсюда они направились прямо въ Валенсію.

Дошла вѣсть объ этомъ и до того, кто въ добрый часъ родился. Онъ сѣлъ тотчасъ на коня и выѣхалъ съ оружіемъ въ рукахъ на встрѣчу къ нимъ. Дорогою, онъ выказывалъ большую радость.

Мой Сидъ пошелъ обнять своихъ дочерей и, лаская ихъ, сталъ улыбаться. „Пожалуйте, дочери мои, Господь охрани васъ отъ зла! Если я принялъ этотъ союзъ, то потому лишь,

что не дерзнулъ противорѣчить. Пошли Создатель, сущій на небеси, чтобы впредь вамъ послала судьба замужество получше! Да поможетъ мнѣ также Богъ отмстить моимъ Карріонскимъ зятьямъ!“ Дочери поцѣловали руки у отца. Они вернулись и съ оружіемъ вошли въ городъ. Донья Химена, мать ихъ, была очень счастлива, увидя дочерей своихъ.

Тотъ, что въ добрый часъ родился, не пожелалъ медлить. Онъ посовѣтовался, по своему обыкновенію, съ домашними о намѣреніи послать гонца къ королю Альфонсу Кастильскому. „Гдѣ ты, Муньо Густіозъ, мой благородный вассалъ? Въ добрый часъ я выкормилъ тебя въ моемъ домѣ. Отвези это посланіе въ Кастилію, королю Альфонсу. За меня отъ души и сердца поцѣлуй у него руку, какъ у господина, у котораго я состою вассаломъ. Пусть онъ опечалится душею и сердцемъ, добрый король, по поводу оскорбленія, нанесеннаго мнѣ инфантами Карріона. Онъ вѣдь выдалъ моихъ дочерей замужъ, ибо я не отдалъ-бы ихъ инфантамъ. Если по великой подлости своей, они бросили ихъ, и нѣкоторое безславіе падетъ на насъ, оно вѣдь цѣликомъ перейдетъ на моего господина. Они увезли отъ меня громадныя богатства, и это обстоятельство, въ соединеніи съ другимъ—оскорбленіемъ, даетъ мнѣ право считать себя обиженнымъ. Пусть онъ приведетъ ихъ на свиданіе со мною во дворцѣ-ли или на судѣ кортесовъ, и пусть они тамъ дадутъ мнѣ удовлетвореніе, ибо велика обида, которую я храню въ сердцѣ моемъ.“

Муньо Густіозъ тотчасъ уѣхалъ на конѣ, съ двумя рыцарями, чтобы исполнить всѣ его распоряженія, и оруженосцами изъ его двора. Они выѣзжаютъ изъ Валенсіи и спѣшатъ какъ можно скорѣе, не давая себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью.

Онъ нашелъ короля въ Санъ-Фагунтѣ. Это — король Кастиліи, и король Леона, и король Астуріи въ Санъ-Сальвадорѣ. До самаго Сантъ-Яго, онъ верховный господинъ, да и галисійскіе графы признаютъ его своимъ сюзереномъ.

Сходя съ коня, Муньо Густіозъ возблагодарилъ Святыхъ и помолился Создателю. Онъ направился ко дворцу, гдѣ на-

ходился дворъ, въ сопровожденіи двухъ рыцарей, которые считали его своимъ господиномъ.

Когда они вошли въ средину собранія, король замѣтилъ ихъ и узналъ Муньо Густіоза. Король приподнялся и принялъ его самымъ лучшимъ образомъ. Муньо Густіозъ преклонилъ колѣни передъ королемъ, Муньо Густіозъ поцѣловалъ у него ноги. „Примите мою благодарность, король Альфонсъ, котораго обширнѣйшія государства признаютъ своимъ господиномъ. Кампеадоръ цѣлуетъ вамъ ноги и руки. Онъ вашъ вассалъ, а вы—его господинъ. Вы выдали дочерей его за инфантовъ Карріона; благороденъ былъ этотъ союзъ, котораго вы сами желали. Но вамъ извѣстно, какая честь досталась намъ отъ него, какъ уничижили насъ инфанты Карріона. Они злобно избили дочерей Кампеадора и въ дубравѣ Корпесъ недостойнымъ образомъ бросили ихъ, окровавленныхъ и раздѣтыхъ, беззащитныхъ предъ хищными звѣрями и горными птицами. Теперь его дочери возвратились въ Валенсію. Онъ цѣлуетъ вамъ руки, какъ вассалъ своему господину, въ надеждѣ, что вы призовете инфантовъ къ суду при дворѣ или кортесахъ. Онъ считаетъ себя обиженнымъ, но вы еще болѣе его оскорблены, король, ибо вы освѣдомлены обо всемъ этомъ. Пусть-же инфанты Карріона дадутъ въ томъ отвѣтъ Моему Сиду?“

Король, въ теченіе долгаго часа, раздумывалъ въ молчаніи. „Скажу тебѣ по истинѣ: опечалило это мою душу, и ты правду говоришь, Муньо Густіозъ, что я самъ выдалъ его дочерей за инфантовъ Карріона. Я полагалъ, что поступаю хорошо и къ его выгодѣ. Ахъ! я желалъ-бы, чтобы этого брака совсѣмъ не существовало въ настоящую минуту! Я, подобно Моему Сиду, удрученъ до глубины сердца. Онъ имѣетъ право на поддержку съ моей стороны, хотя я полагалъ, что такъ скоро мнѣ не придется оказывать ее ему. Да поможетъ намъ Создатель! Мои гонцы объѣдутъ все мое царство, объявляя, что я собираю кортесы въ стѣнахъ Толедо, для каковой цѣли имѣютъ собраться ко мнѣ въ этотъ городъ графы и инфанты. Прикажу, чтобы туда-же явились инфанты

Карріона и дали удовлетвореніе Моему Сиду Кампеадору. Запрещаю, и имѣю на то право, прибѣгать къ мести. Передайте Кампеадору, что въ добрый часъ родился, чтобы онъ и его вассалы приготовились и черезъ семь недѣль явились ко мнѣ въ Толедо: такова отсрочка, которую я ему даю. Изъ любви къ Моему Сиду назначаю я это собраніе. Поклонитесь отъ меня имъ всѣмъ, по старшинству. То, что случилось съ ними, будетъ имъ въ честь".

Муньо Густіозъ простился съ королемъ и возвратился къ Моему Сиду.

Какъ онъ и сказалъ, Альфонсъ Кастильскій близко принялъ къ сердцу это дѣло и знать не хочетъ ни о какихъ препятствіяхъ. Онъ разсылаетъ отъ себя грамоты въ Леонъ и Сантъ-Яго, къ португальцамъ и галисійцамъ, къ инфантамъ Карріона и кастильскимъ баронамъ. Этотъ доблестный король объявлялъ въ нихъ, что собираетъ кортесы въ Толедо, и чтобы черезъ семь недѣль всѣ явились туда, что не прійти на это собраніе равносильно непризнанію его сюзеренныхъ правъ.

Во всѣхъ его земляхъ признано было, что не должно противиться приказаніямъ, даннымъ королемъ.

Встревожились тогда инфанты Карріона по поводу двора, который король собираетъ въ Толедо. Они боятся, что Мой Сидъ Кампеадоръ придетъ туда. Они собрали совѣтъ изъ родичей своихъ и просили короля освободить ихъ отъ этого собранія.

Король сказалъ: „Боже сохрани! не сдѣлаю того, ибо туда прійдетъ Мой Сидъ Кампеадоръ. Онъ ждетъ удовлетворенія отъ васъ, и вы, по справедливости, должны исполнить его требованіе. Кто не можетъ исполнить этого и не явится въ кортесы, пусть убирается изъ моего государства, я лишаю его моей милости".

Инфанты Карріона видятъ, что имъ невозможно поступить иначе. Они собираютъ совѣтъ изъ родичей своихъ. Графъ донъ-Гарсія, исконный недругъ Моего Сида, всегда стараю-

щійся причинить ему какую-нибудь непріятность, присоединяется къ этой интригѣ, чтобы своими совѣтами помочь инфантамъ Карріона.

Срокъ кортесовъ приближался, они собираются ѣхать ко двору. Изъ первыхъ отправились туда: добрый король Альфонсъ, графъ Генрихъ и графъ Ремондъ, отецъ добраго императора [1]), графъ Велла и графъ Бертранъ. Тамъ собралось большое число мудрѣйшихъ его царства, всѣ лучшіе люди Кастиліи.

Графъ донъ-Гарсія и инфанты Карріона, Асуръ Гонзалесъ и Гонзало Асурезъ, Діэго и Фернандъ — оба тамъ; съ собою они приводятъ ко двору многочисленную свою партію. Они намѣрены вызвать Моего Сида Кампеадора.

Тотъ, что въ добрый часъ родился, не явился еще. Король недоволенъ этимъ опозданіемъ. Наконецъ, на пятый день, пріѣзжаетъ Мой Сидъ Кампеадоръ. Онъ выслалъ впередъ Альвара Фаньеза, чтобы поцѣловать руки королю, его господину, и возвѣстить пріѣздъ его къ вечеру.

При этой вѣсти, король обрадовался въ сердцѣ своемъ. Съ большою свитою, верхомъ, король выѣзжаетъ, чтобы встрѣтить того, что въ добрый часъ родился. Сидъ и всѣ его люди — добрая дружина подъ началомъ такого господина — приближаются въ великолѣпномъ видѣ.

Когда онъ увидѣлъ добраго короля, донъ-Альфонса, Мой Сидъ Кампеадоръ бросился на землю: онъ хотѣлъ опуститься, чтобы почтить своего господина. Когда замѣтилъ его король, тотчасъ-же сказалъ ему: „Ради св. Исидора! по истинѣ, этого не должно быть сегодня! На коня, Сидъ—не то я буду недоволенъ. Мы обнимемся отъ души и сердца. То, что удручаетъ васъ, печалитъ и мое сердце. Дай Богъ, чтобъ сегодня кортесы дѣйствовали въ вашемъ дѣлѣ себѣ во славу!“

„Аминь!“ сказалъ Мой Сидъ Кампеадоръ. Онъ поцѣловалъ у него руки, и затѣмъ они обнялись. „Слава Богу, я вижу

---

[1]) Раймондъ Бургонскій, отецъ Альфонса VIII.

васъ, синьоръ! Приношу благодарность мою вамъ и графу Ремонду, графу Генриху и всѣмъ присутствующимъ здѣсь. Да хранитъ Господь нашихъ друзей и въ особенности васъ, синьоръ! Жена моя, донья Химена, благородная дама, и мои двѣ дочери цѣлуютъ ваши руки. Примите участіе въ горѣ, постигшемъ насъ, синьоръ!"

Король отвѣчалъ: „Это я и дѣлаю, и да поможетъ мнѣ Богъ!"

Король возвращается по дорогѣ въ Толедо, но Мой Сидъ не хочетъ сегодня вечеромъ переправляться черезъ Таго. „Много милостей, король, для меня, да хранитъ васъ Создатель! Возвращайтесь, синьоръ, въ городъ; я-же со своими останусь въ Санъ-Сервано. Моя дружина прибудетъ сегодня ночью, а я проведу ночь здѣсь. Завтра утромъ пріѣду въ городъ и, еще до обѣденнаго часа, явлюсь ко двору".

Король сказалъ: „Это любо мнѣ, согласенъ".

Король донъ-Альфонсъ возвращается въ Толедо. Мой Сидъ Рюи-Діазъ останавливается въ Санъ-Сервано. Онъ приказываетъ изготовить восковыхъ свѣчей и поставить ихъ на алтарѣ. Онъ чувствуетъ потребность побыть въ храмѣ, чтобы помолиться Создателю и высказать ему все отъ сердца.

Съ Минайей и прочими храбрецами, собравшимися здѣсь, Мой Сидъ сговорился, что имъ дѣлать сегодня утромъ. Они читаютъ молитвы до восхода солнца. Къ этому времени, обѣдня кончилась, и они сдѣлали богатое и великолѣпное приношеніе на храмъ.

Мой Сидъ сказалъ: „Вы, Минайя Альваръ Фаньезъ, моя лучшая рука, пойдете со мною, равно какъ епископъ донъ-Іеронимъ, Перо Бермуэцъ, Муньо Густіозъ, Мартинъ Антолинецъ, благородный Бургосецъ, Альваръ Альварецъ, Альваръ Сальвадорецъ, Мартинъ Муньозъ, что родился въ счастливую минуту, и племянникъ мой Фелезъ Муньозъ. Со мной пойдутъ еще Маланда хитроумный и Галимъ Гарсіазъ, Арагонскій удалецъ. Кромѣ этихъ, остальныхъ до сотни пусть выберутъ кого получше изъ числа находящихся здѣсь. Надѣньте нагруд-

ники, чтобы лучше выдержать удары оружія; сверху—латы, сверкающія, какъ солнце; на латы-же—горностай и мѣха. Да чтобы ремни были затянуты получше, такъ чтобы не видно было оружія. Вотъ такимъ-то образомъ я хочу выступить къ кортесамъ, чтобы потребовать признанія моихъ правъ, потребовать удовлетворенія. Пусть инфанты Карріона задираютъ меня—имѣя возможность располагать сотней людей такихъ, какъ вы, я вездѣ буду безъ страха".

Всѣ отвѣтили: „Таковы и наши желанія, синьоръ". Они скоро нарядились такъ, какъ онъ желалъ.

Тотъ, что въ добрый часъ родился, не опаздываетъ ни въ чемъ. Онъ надѣлъ себѣ на ноги чулки изъ крѣпкой ткани, и поверхъ башмаки прекрасной работы. Онъ надѣваетъ сорочку тонкаго полотна, бѣлую, какъ снѣгъ, всѣ застежки на ней золотыя и серебрянныя. Онѣ приспособлены къ кисти, по его желанію. Поверхъ всего шелковый плащъ съ золотыми отворотами во многихъ мѣстахъ. Затѣмъ, пурпуровый мѣхъ, расшитый золотомъ, о которомъ всегда мечталъ Мой Сидъ Кампеадоръ. На волосахъ шапочка изъ тонкой шарлаховой ткани, съ золотымъ отворотомъ, сдѣланная съ тою цѣлью, чтобы волосы добраго Сида Кампеадора не могли быть отсѣчены. Длинная борода его была подвязана шнуркомъ. Все это сдѣлано, чтобы обезопасить его особу. Наконецъ, онъ прикрывается плащемъ значительной цѣнности, которымъ могли восхищаться всѣ присутствующіе. Съ этой сотней рыцарей, которыхъ онъ тоже принарядилъ, Сидъ быстро выѣзжаетъ изъ Санъ-Сервана. Съ такой обстановкой Мой Сидъ выступилъ при дворѣ.

Видя входящимъ того, что въ добрый часъ родился, всталъ на ноги добрый король донъ-Альфонсъ, и графъ Генрихъ, и графъ Ремондъ, и такъ далѣе, знайте это, всѣ прочіе. Съ великимъ почетомъ встрѣтили того, что въ добрый часъ родился. Курчавый Граньонъ не пожелалъ встать, а также всѣ члены партіи инфантовъ Карріона.

Король сказалъ Сиду: „Перейдите на эту сторону, сиръ Кампеадоръ. На этой скамьѣ со спинкой, которую вы мнѣ подарили, хотя нѣкоторымъ это причинило досаду, вы удобнѣе расположитесь, чѣмъ даже мы сами“.

Тотъ, что завоевалъ Валенсію, оказалъ ему тогда большую любезность: „Оставайтесь на вашей скамьѣ со спинкой, какъ король и господинъ, я же буду здѣсь вмѣстѣ съ моими людьми“.

Король въ сердцѣ своемъ былъ въ восхищеніи отъ словъ Сида. Тогда Мой Сидъ занялъ мѣсто на скамьѣ съ точеной спинкой, а близъ него его стража изъ ста рыцарей. Всѣ присутствующіе въ собраніи не наглядятся на Моего Сида и его длинную бороду, обвязанную шнуркомъ. По осанкѣ своей, онъ, право, смахиваетъ на барона. Пристыженные инфанты Карріона не могутъ взглянуть на него.

Между тѣмъ, всталъ на ноги добрый король донъ-Альфонсъ: „Слушайте, господа, и да хранитъ васъ Создатель! Съ тѣхъ поръ, какъ я король, два раза лишь всего собиралъ я кортесовъ: одинъ разъ въ Бургосѣ и другой — въ Карріонѣ. Сегодня, я явился открыть въ Толедо этотъ третій, изъ дружбы къ Моему Сиду, что въ добрый часъ родился, чтобы дать ему удовлетвореніе отъ инфантовъ Карріона. Они причинили ему тяжкую обиду, мы всѣ это знаемъ. Пусть въ этомъ домѣ служатъ намъ алкадами графъ Генрихъ, графъ Ремондъ и всѣ другіе графы, не принадлежащіе къ какой-нибудь партіи. Отдайте этому дѣлу все вниманіе ваше вы, люди опытные въ опредѣленіи права, ибо я не хочу дать приказа несправедливаго. И та, и другая сторона да будутъ сегодня покойны. Клянусь св. Исидоромъ, всякаго, кто произведетъ смуту при моемъ дворѣ, лишу моей милости и изгоню изъ моего государства. Я присоединяюсь къ тому, кто признанъ будетъ правымъ. Теперь пусть Мой Сидъ Кампеадоръ объяснитъ, чего онъ желаетъ: мы узнаемъ затѣмъ, что отвѣтятъ на это инфанты Карріона“.

Мой Сидъ поцѣловалъ руку королю, потомъ всталъ на ноги. „Я весьма благодаренъ вамъ, какъ моему королю и господину, что вы изъявили желаніе собрать эти кортесы изъ любви ко мнѣ. Вотъ чего я требую отъ инфантовъ Карріона. Не я оскорбленъ тѣмъ, что брошены мои дочери, но вы, король, выдавшіе ихъ замужъ, и сегодня вы увидите, что вамъ должно дѣлать. Но я душею и сердцемъ полюбилъ ихъ въ то время, когда они увозили моихъ дочерей изъ великой Валенсіи; я подарилъ имъ два меча: Коладу и Тизана, которыхъ я добылъ, какъ истый баронъ, подарилъ, чтобы они принесли имъ честь, а вамъ службу. Оставляя моихъ дочерей въ дубравѣ Корпесъ, они тѣмъ засвидѣтельствовали, что не желаютъ болѣе имѣть ничего общаго со мною, и потеряли мою любовь. Пусть-же возвратятъ они мнѣ мои мечи, ибо они уже не зятья мнѣ“.

Алкады провозгласили: „Это совершенно естественно!“

Графъ донъ-Гарсія сказалъ: „Поговоримъ объ этомъ предметѣ“.

Тогда инфанты Карріона отошли въ сторону со всѣми своими родными и тѣми изъ ихъ партіи, которые находились тутъ. Они быстро посовѣтовались между собою и пришли къ согласію относительно этого предложенія: „Сидъ Кампеадоръ оказываетъ намъ большое одолженіе, не требуя отъ насъ сегодня ничего за обезславленіе своихъ дочерей. Мы легко сговоримся съ королемъ донъ-Альфонсомъ. Возвратимъ ему его мечи, такъ какъ онъ не требуетъ ничего болѣе, а разъ онъ ихъ приметъ, кортесы могутъ и разъѣзжаться. Такимъ образомъ, никогда не получитъ отъ насъ удовлетворенія Сидъ Кампеадоръ“.

Поговоривъ такимъ образомъ, они возвратились въ собраніе. „Примите нашу признательность, король донъ-Альфонсъ, вы господинъ нашъ. Мы не можемъ отрицать, что онъ дѣйствительно далъ намъ два меча. Такъ какъ ему жаль ихъ, и онъ требуетъ ихъ назадъ, мы возвратимъ эти мечи ему въ вашемъ присутствіи“.

Они вынули мечи Коладу и Тизона и передали ихъ въ руки короля, своего господина. Послѣдній обнажилъ ихъ, и всѣ пришли въ восхищеніе: рукоятки и чашки ихъ были изъ массивнаго золота. Всѣ синьоры кортесовъ были въ восторгѣ отъ нихъ.

Мой Сидъ получилъ мечи, поцѣловалъ руки королю и возвратился на скамью со спинкой, на которой прежде сидѣлъ. Онъ держитъ оба этихъ меча въ рукахъ своихъ и глядитъ на нихъ. Ихъ не могли перемѣнить, ибо Сидъ хорошо ихъ знаетъ. Все существо его было преисполнено радости, и сердце его улыбалось. Поднявъ руку и взявшись за бороду, онъ сказалъ: „Этой бородою, которой не касалась ничья рука, клянусь, что такъ будутъ отомщены донья Эльвира и донья Соль!“

Онъ кликнулъ своего племянника по имени и, протянувъ руку, подалъ ему Тизона: „Возьмите его, племянникъ—онъ будетъ у лучшаго хозяина“.

Мартину Антолинецу Мой Сидъ протянулъ руку и подалъ мечъ Коладу: „Мартинъ Антолинецъ, мой благородный вассалъ, возьмите себѣ Коладу. Я добылъ его у благороднаго синьора, графа донъ-Ремонда Беранжера изъ Барцелоны великой. Вамъ даю этотъ мечъ, потому что вы сумѣете сохранить его. Я знаю, что если то будетъ возможно, вы добудете этимъ мечемъ много чести и славы“. Мартинъ Антолинецъ поцѣловалъ у него руку и принялъ въ даръ мечъ.

Тотчасъ-же всталъ Мой Сидъ Кампеадоръ: „Благодарю Создателя моего и васъ, синьоръ король. Я снова владѣлецъ моихъ двухъ мечей: Колады и Тизона. Но есть у меня и еще претензія къ инфантамъ Карріона. Когда они увозили изъ Валенсіи моихъ двухъ дочерей, я вручилъ имъ какъ золотомъ, такъ и серебромъ, сумму въ три тысячи марокъ. Вотъ что я сдѣлалъ и вотъ что они совершили. Пусть же они возвратятъ мнѣ мои богатства, такъ какъ они уже не зятья мнѣ“.

Въ эту минуту, вы увидали бы сѣтованіе инфантовъ Карріона. Графъ донъ-Ремондъ воскликнулъ: „Говорите—да или нѣтъ“.

Инфанты Карріона дали тогда слѣдующій отвѣтъ: „Если мы возвратили Сиду Кампеадору его два меча, то въ надеждѣ, что онъ не потребуетъ отъ насъ ничего болѣе и что бесѣда наша на томъ и будетъ кончена. Если угодно королю, вотъ что мы скажемъ ему“.

Король отвѣтилъ: „Удовлетворите требованіе Сида“. И добрый король сказалъ еще: „Такова моя воля!“

Альваръ Фаньезъ сказалъ: „Встаньте на ноги, Сидъ Кампеадоръ! Это богатство, которое я передалъ вамъ, инфанты Карріона, возвратите мнѣ, или приведите основанія вашего отказа“.

Тогда инфанты Карріона удалились въ сторону. Они подаютъ мнѣніе за отказъ, ибо сумма велика, а инфанты Карріона истратили ее. Съ такимъ рѣшеніемъ они возвращаются и говорятъ, какъ могутъ: „Побѣдитель Валенсіи насъ весьма безпокоитъ. Если у него разыгрался аппетитъ на наше имущество, мы заплатимъ ему изъ нашихъ наслѣдій въ вотчинахъ Карріона“.

Алкады отвѣтили на это предложеніе: „Если угодно будетъ Сиду, мы не станемъ тому препятствовать; но мы постановляемъ, и таково наше окончательное рѣшеніе, чтобы счетъ этотъ былъ покончень здѣсь же, въ засѣданіи кортесовъ“.

При этихъ словахъ, король донъ-Альфонсъ сказалъ: „Мы хорошо вѣдаемъ споръ и удовлетвореніе, какого требуетъ Сидъ Кампеадоръ. У меня двѣсти изъ этихъ трехъ тысячъ марокъ: между ними двумя ихъ дали мнѣ инфанты Карріона. Я желаю возвратить ихъ и приготовилъ уже. Пусть они вернутъ ихъ Моему Сиду, что въ добрый часъ родился: если ихъ приходится возвращать, онѣ не нужны мнѣ“.

Фернандъ Гонзалесъ сказалъ: „У насъ нѣтъ столько денегъ монетою“.

Тотчасъ графъ донъ-Ремондъ отвѣчалъ: „Золото и серебро вы издержали. Но вотъ приговоръ, который мы передаемъ въ присутствіи короля донъ-Альфонса: вы сочтетесь другими признанными цѣнностями, и Кампеадоръ приметъ ихъ".

Инфанты Карріона видятъ, наконецъ, что приходится подчиниться этому рѣшенію. Сколько—посмотрѣли-бы вы – привели скаковыхъ лошадей, высокихъ муловъ, молодыхъ вьючныхъ, прекрасныхъ верховыхъ коней, со всѣми принадлежностями! Мой Сидъ принялъ все это по оцѣнкѣ, какая сдѣлана была въ собраніи. Уплативъ двѣсти марокъ короля Альфонса, они все-таки не могли пополнить всей суммы изъ своихъ средствъ, и потому инфанты расчитались съ тѣмъ, что въ добрый часъ родился, лишь призанявъ у другихъ. Они вышли изъ этого долга, знайте это, тяжело поплатившись.

Всѣ эти цѣнности принялъ Мой Сидъ; его люди охраняютъ и оберегаютъ ихъ.

Но едва съ этимъ покончили, весьма быстро зачалось новое дѣло. Мой Сидъ говоритъ: „Ахъ, спасибо вамъ, король и синьоры, за вашу доброту! Какъ забыть мнѣ самую великую обиду, нанесенную мнѣ? Послушайте меня всѣ вы, гг. придворные, и примите участіе въ моемъ горѣ. Я не могу оставить безъ удовлетворенія инфантовъ Карріона, которые меня такъ злобно обезславили. Скажите, въ чемъ я худо заслужилъ предъ вами, инфанты, въ шуткѣ ли, или серьезномъ дѣлѣ—я далъ вамъ здѣсь удовлетвореніе, по приговору кортесовъ, въ какомъ бы то ни было родѣ. Зачѣмъ же вы растерзали покровы моего сердца? При вашемъ отъѣздѣ изъ Валенсіи, съ великими почестями и счетнымъ имуществомъ, я передалъ вамъ своихъ дочерей. Если съ той минуты онѣ были вамъ болѣе не любы,—подлыя собаки, зачѣмъ же увезли вы ихъ изъ Валенсіи, ихъ леннаго владѣнія? Зачѣмъ били вы ихъ своими шпорами и подпругами? Зачѣмъ въ дубравѣ Корпесъ вы бросили ихъ однихъ на жертву хищнымъ звѣрямъ и горнымъ птицамъ? Все, что вы сдѣлали, во всемъ ваша

неправда. Если вы сами не дадите мнѣ удовлетворенія, пусть присудятъ его кортесы!“

Графъ донъ-Гарсія всталъ на ноги: „Ахъ, спасибо вамъ, король, лучше котораго нѣтъ во всей Испаніи! На этомъ собраніи кортесовъ, созванныхъ герольдами, вы видите Моего Сида, что отростилъ себѣ бороду и носитъ ее длинную, предлинную: одни дивятся ей, другимъ она вселяетъ страхъ. Инфанты Карріона такого высокаго рожденія, что имъ не слѣдовало желать его дочерей даже въ барраганы; кто же осмѣлился имъ дать ихъ, какъ равныхъ по происхожденію, въ законныя жены? Они поступили только вполнѣ справедливо, покинувъ ихъ, и мы не придаемъ никакого значенія всѣмъ его рѣчамъ!“

Тогда Кампеадоръ взялся за бороду: „Да воздана будетъ слава Богу, Творцу неба и земли! Если борода у меня длинна, то потому, что была она надлежащимъ образомъ выхолена мною. Что вамъ, графъ, разбирать мою бороду? Съ тѣхъ поръ, какъ показались первые волосы, она росла по моей волѣ и обычаю, и ни одинъ человѣкъ, рожденный женщиною, не притронулся къ ней, не рвалъ ее никогда ни сынъ мавра, ни христіанинъ, какъ оборвалъ бороду я вамъ, графъ, въ замкѣ Кабрійскомъ. Когда овладѣлъ я Каброй, и взялъ васъ за бороду, не было тогда ни одного мальчишки-шалуна, который не вырвалъ бы у васъ изъ нея клока. Та, что у васъ теперь, все-таки много поменьше той, которую я вырвалъ у васъ въ то время!“

Фернандъ Гонзалесъ всталъ на ноги, и послушайте, что сказалъ онъ громкимъ голосомъ: „Вы, Сидъ, оставьте всѣ эти разговоры. Вы получили назадъ все свое имущество; этотъ споръ между вами и нами не къ чему продолжать далѣе. По рожденію, мы сдѣлались графы Карріона: намъ пристойно жениться на дочеряхъ короля или императора, дочери же такихъ, какъ вы, намъ неприличны. Мы хорошо поступили, бросивъ ихъ. Мы считаемъ себя получше ихъ, знайте это, а не хуже“.

Мой Сидъ Рюи-Діазъ взглянулъ на Перо Бермуэца: „Говори, Перо-Нѣмышъ, человѣкъ молчаливый. Это мои дочери, а тебѣ—двоюродныя сестры. Когда выражаются такимъ образомъ, это по твоей части. Если я еще отвѣчу, тебѣ не зачѣмъ будетъ выходить на поле".

Перо Бермуэцъ сталъ говорить. Ему трудно вести споръ, ибо онъ косноязыченъ, но разъ начавъ, знайте это, онъ не дастъ отдыха противнику. „Скажу вамъ, Сидъ, что у васъ престранныя привычки: въ засѣданіи кортесовъ вы всегда зовете меня Перо-Нѣмышъ. Вы прекрасно знаете, что я тутъ не могу болѣе. Что же касается данныхъ мнѣ порученій, то не по моей винѣ они останутся когда-либо не исполненными.— Ты лжешь, Фернандъ, во всѣхъ своихъ рѣчахъ. Благодаря Кампеадора, честь твоя возросла. Я тебѣ разскажу всѣ твои штуки. Припомни день битвы подъ великой Валенсіей. Ты просилъ у доблестнаго Кампеадора позволенія нанести первые удары. Ты увидѣлъ мавра и долженъ былъ напасть на него; но ты бѣжалъ, еще не дойдя до врага. Если бы я не помогъ тебѣ, мавръ поразвѣдался бы съ тобою по-своему. Я сталъ на твое мѣсто и догналъ мавра. Съ первыхъ ударовъ я свалилъ его. Я тебѣ далъ коня, что и сохранилъ все въ тайнѣ—до сегодняшняго дня я не говорилъ объ этомъ никому. Передъ Моимъ Сидомъ и передъ всѣми, ты могъ, такимъ образомъ, хвастаться, что убилъ мавра и совершилъ подвигъ. Всѣ повѣрили тебѣ и не знали истины. О! ты прекрасный, но трусливый воинъ! Языкъ-то у тебя есть, да рукъ нѣтъ,—какъ-же ты смѣешь говорить? Что-же ты молчишь, Фернандъ, сознайся, что память не измѣняетъ мнѣ. Не приходитъ-ли тебѣ—главное—на умъ случай со львомъ въ Валенсіи? Сидъ спалъ, и левъ сорвался съ цѣпи. Что-же сдѣлалъ ты, Фернандъ, отъ страха? Ты спрятался за скамью Моего Сида Кампеадора; тамъ ты притаился, и немногаго стоитъ честь твоя нынче. Что же касается насъ, то чтобы защитить нашего господина, мы окружили скамью и стояли такъ до тѣхъ поръ, пока пробудился Мой Сидъ, побѣди-

тель Валенсіи. Вставъ со своего мѣста, онъ пошелъ прямо ко льву. Левъ, опустивъ голову, ожидалъ Моего Сида, далъ взять себя за шею и посадить въ клѣтку. Когда добрый Кампеадоръ возвратился къ своимъ вассаламъ, онъ увидѣлъ ихъ вокругъ себя. Онъ кликнулъ своихъ зятьевъ, но не нашелъ ни одного, ни другого. Я вызываю тебя лично, какъ подлеца и предателя. Въ защиту чести дочерей Сида, доньи Эльвиры и доньи Соль, я докажу это тебѣ на поединкѣ тутъ-же, въ присутствіи короля Альфонса. Вы бросили ихъ, и въ этомъ вы неправы. Онѣ вѣдь женщины, вы же мужчины, и однако, онѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, лучше васъ. Когда наступитъ часъ битвы, если угодно будетъ Создателю, какъ трусъ, ты самъ это признаешь. Я докажу тебѣ правду всѣхъ моихъ словъ". Тутъ прекратился между ними двумя споръ.

Послушайте, что сказалъ Діэго Гонзалесъ: „По природѣ, мы графы, и изъ лучшихъ; эти браки, въ которыхъ тестемъ нашимъ былъ Мой Сидъ донъ-Родриго, не могли быть уважаемы; поэтому мы не раскаиваемся въ томъ, что оставили его дочерей. Отнынѣ онѣ могутъ вести жизнь, наполняя ее вздохами и унынiемъ. Все имъ будетъ напоминать, что мы сдѣлали имъ. Я смѣло готовъ биться на томъ, что покинувъ ихъ, мы поступили честно".

Мартинъ Антолинецъ всталъ на ноги: „Перестань-же, подлецъ, лживыя уста—не забывай происшествія со львомъ. Ты бросился въ двери, забился въ курятникъ и спрятался за бревномъ; но не пришлось тебѣ уже надѣть ни плаща, ни кафтана. На этомъ я готовъ биться, иначе не можетъ быть. Почему вы покинули дочерей Сида? Знайте-же, что во всѣхъ отношеніяхъ, онѣ выше и лучше васъ. Въ концѣ поединка, ты собственными устами признаешь, что ты подлецъ и что всѣ слова твои не болѣе какъ ложь". Бесѣда ихъ двухъ прекратилась.

Асуръ Гонзалесъ приходитъ во дворецъ: онъ въ горностаевомъ плащѣ; лицо румяное, ибо онъ уже позавтракалъ.

Въ рѣчахъ его не замѣтна большая осторожность. „Ахъ, бароны, видалъ-ли кто такое несчастіе? Кто знаетъ новыя вѣсти о Моемъ Сидѣ де-Биварѣ? Не лучше-ли отправиться ему въ Ріодовирну, толкать свои жернова и собирать деньги за помолъ, по своему обычаю? Кто это вбилъ ему въ голову породниться съ инфантами Карріона?“

Въ эту минуту, Муньо Густіозъ всталъ на ноги: „Молчать, постыдный и злобный негодяй! Ты завтракаешь раньше, чѣмъ итти къ утренней молитвѣ; ты опротивѣлъ всѣмъ вокругъ себя, кому кланяешься. Ты не скажешь правды ни другу, ни господину, предъ всѣми лжешь и особенно передъ Создателемъ! Не хочу быть причастнымъ твоей дружбѣ. Я заставлю тебя признать себя такимъ, какъ я говорю“.

Король Альфонсъ сказалъ: „Оставимъ эти разговоры: вызвавшіе и вызванные на поединокъ должны драться, и да хранитъ ихъ Богъ!“

Пока они кончали, такимъ образомъ, спорить между собою, два рыцаря вошли въ собраніе—одинъ отъ имени Оарры, другой — отъ Іенего Хименеца. Первый явился отъ инфанта Наварры, второй—отъ инфанта Арагоніи. Они цѣлуютъ руки королю донъ-Альфонсу и просятъ у Моего Сида Кампеадора его дочерей въ замужество за королей Наваррскаго и Арагонскаго, чтобы онъ выдалъ ихъ со всякой честью и благословеніемъ.

Всталъ на ноги Мой Сидъ Кампеадоръ: „Спасибо, король Альфонсъ, вы мой господинъ. Благодарю Создателю, что ихъ просятъ у меня изъ домовъ Наваррскаго и Арагонскаго королей. Нѣкогда вы, а не я, выдавали ихъ замужъ. Вручаю и теперь моихъ дочерей въ ваши руки: распоряжайтесь ими— безъ вашего приказанія я ничего не сдѣлаю“.

Король всталъ и повелѣлъ собранію умолкнуть. „Прошу ихъ у васъ, Сидъ, славный Кампеадоръ: если хотите, я благословлю ихъ; пусть будетъ этотъ бракъ заключенъ сегодня-же, предъ лицомъ кортесовъ; вы возвыситесь, такимъ образомъ, въ почетѣ и достоинствѣ и увеличите свои владѣнія“.

Мой Сидъ всталъ и поцѣловалъ руки у короля: „Если вамъ такъ угодно, я согласенъ, синьоръ“.

Король сказалъ тогда: „Да вознаградитъ васъ Господь! Оарра и Іенего Хименецъ, я отдаю вамъ обоимъ руки дочерей Кампеадора, доньи Эльвиры и доньи Соль, для инфантовъ Наварры и Арагоніи: вы получите ихъ съ честью и благословеніемъ“.

Оарра и Іенего Хименецъ встали на ноги, поцѣловали руки у короля и затѣмъ у Моего Сида Кампеадора. Они выразили ему свое почтеніе и дали обѣщаніе, что все будетъ, какъ сказано, или еще лучше, если возможно.

Много радовались въ собраніи этимъ свадьбамъ, — не на радость были онѣ лишь инфантамъ Карріона.

Минайя Альваръ Фаньезъ всталъ на ноги: „Прошу милости у васъ, какъ у моего короля и господина. Пусть не безпокоится Сидъ Кампеадоръ. Въ теченіе всего продолженія кортесовъ, я оставилъ васъ въ покоѣ; теперь я желалъ-бы поговорить въ полное свое удовольствіе“.

Король сказалъ: „Это любо моему сердцу. Говорите, Минайя, о чемъ хотите“.

„Прошу васъ всѣхъ выслушать меня, синьоры кортесы, ибо у меня много есть претензій къ инфантамъ Карріона. По приказанію короля Альфонса, я отдалъ имъ моихъ двоюродныхъ сестеръ; получили они ихъ съ должной честью и съ благословенія. Мой Сидъ Кампеадоръ присоединилъ къ этому большія богатства. Но, къ нашему великому огорченію, они покинули дочерей Моего Сида, донью Эльвиру и донью Соль. Вызываю ихъ лично, какъ людей злобныхъ и предателей. Вы ведете свое происхожденіе отъ рода Вани Гомеца, оттуда вышли достойные и храбрые графы: каковы ихъ обычаи, мы отнынѣ знаемъ очень хорошо, и я только благодарю Создателя за все. Теперь, когда инфанты Наваррскій и Арагонскій просятъ руки моихъ кузинъ, доньи Эльвиры и доньи Соль,— теперь вамъ придется тѣмъ-же, которыхъ вы держали въ своихъ объятіяхъ, какъ равныхъ, цѣловать руки, называть сво-

ими госпожами и служить имъ, какого бы труда это вамъ ни стоило, и за это благодарю Небеснаго Создателя и короля донъ-Альфонса. Такъ растетъ добрая слава Моего Сида Кампеадора! Во всѣхъ отношеніяхъ, вы таковы, какъ я говорю. Если найдется кто-либо, отвѣчающій или утверждающій противное, я къ его услугамъ, я, Альваръ Фаньезъ, умѣющій во всемъ постоять за себя".

Гомецъ Пелэйетъ всталъ на ноги: „Чего желаете вы отъ насъ, Минайя, всей этой рѣчью? При дворѣ найдется немало синьоровъ вашего мнѣнія; ну, а для того, кто стоялъ-бы за противное, смерть, что-ли? Если Богу угодно будетъ, и мы счастливо покинемъ это собраніе, вы увидите, что утверждаете нѣчто ложное".

Король сказалъ: „Окончить этотъ споръ! Чтобы никто не произносилъ болѣе вызововъ! Завтра, при восходѣ солнца, быть бою, трое противу трехъ, изъ тѣхъ, которые сдѣлали вызовъ въ присутствіи кортесовъ".

Тотчасъ заговорили инфанты Карріона: „Дайте намъ отсрочку, король, ибо этому невозможно быть завтра; люди Кампеадора при оружіи и на коняхъ; что-же касается насъ, то намъ необходимо отправиться сперва въ Карріонскія земли".

Король сказалъ Кампеадору: „Этому бою быть тамъ, гдѣ вамъ угодно".

Тогда Мой Сидъ сказалъ: „Я не стану мѣшаться въ это, синьоръ; я лучше поѣду въ Валенсію, чѣмъ въ земли Карріона".

На это король отвѣчалъ: „Не безпокойтесь, Кампеадоръ. Оставьте мнѣ вашихъ рыцарей со всѣмъ ихъ снаряженіемъ; они будутъ сопровождать меня, и я буду ихъ покровителемъ. Я обязуюсь передъ вами, какъ могъ-бы только сдѣлать добрый вассалъ передъ своимъ сюзереномъ, что имъ не будетъ никакого насилія ни отъ графа, ни отъ инфанта. Здѣсь-же, пока мы еще въ собраніи кортесовъ, я опредѣлю имъ отсрочку: къ концу трехъ недѣль, на поляхъ Карріона, долженъ состояться поединокъ въ моемъ присутствіи. Пусть тотъ,

кто не явится послѣ отсрочки, утратитъ право вызова и, въ силу этого одного, будетъ признанъ, какъ человѣкъ презрѣнный и какъ побѣжденный". Инфанты Карріона приняли эти предложенія.

Мой Сидъ поцѣловалъ руки короля и сказалъ: „Это любо и мнѣ, синьоръ. Вотъ вамъ передаю въ руки моихъ трехъ рыцарей и съ этой минуты, предоставляю ихъ вамъ, какъ своему королю и синьору. Они снаряжены такъ, что могутъ выполнить все, касающееся до нихъ. Ради любви къ Создателю, возвратите ихъ мнѣ съ честью въ Валенсію".

Въ эту минуту, король отвѣтилъ: „Да будетъ на то воля Божія!"

Тогда Сидъ Кампеадоръ снялъ свою шапочку, повязку изъ тонкаго полотна, бѣлую, точно снѣгъ, и, развязавъ узелъ, распустилъ свою бороду. Всѣ, сколько ни было во дворѣ кортесовъ, не могли налюбоваться имъ.

Онъ идетъ прямо къ графу Генриху и графу донъ-Ремонду и, счастливый, обнимаетъ ихъ, прося отъ сердца взять изъ его добра, сколько имъ будетъ угодно. Ко всѣмъ, и къ тѣмъ, и къ другимъ изъ партіи добрыхъ, обращается онъ съ просьбой сказать, чего имъ желалось-бы; были тамъ такіе, что и взяли, были такіе, что нѣтъ. Двѣсти марокъ онъ вручилъ королю, который выбралъ себѣ изъ остального, что ему угодно было.

„Испрашиваю у васъ, король, позволенія, ради любви Создателя и, съ вашего разрѣшенія, цѣлую ваши руки. Такъ какъ всѣ эти дѣла уладились такимъ образомъ, то я желаю вернуться въ Валенсію, городъ, добытый моими трудами".

Король, поднявъ руку, осѣнилъ себѣ лицо крестомъ: „Клянусь св. Исидоромъ Леонскимъ, во всѣхъ моихъ земляхъ нѣтъ такого добраго барона!"

Мой Сидъ подъѣхалъ на конѣ, чтобы поцѣловать руку у своего синьора, Альфонса: „Вы приказали мнѣ привести скакуна Бабіеку. Ни у мавровъ, ни у христіанъ нѣтъ теперь другого подобнаго. Я отдаю его вамъ въ даръ! прикажите принять его, синьоръ".

Король сказалъ тогда: „Это не моя мысль. Еслибы я взялъ его у васъ, конь этотъ не имѣлъ-бы такого хорошаго хозяина. Для такого коня, какъ этотъ, нуженъ хозяинъ такой, какъ вы, чтобы разбивать мавровъ на немъ и преслѣдовать ихъ. Да откажетъ въ своей помощи Создатель тому, кто пожелалъ-бы взять этого коня у васъ; ибо чрезъ васъ и чрезъ этого коня мы добыли славу".

Тогда они простились, и скоро собраніе кортесовъ разошлось.

Кампеадоръ далъ лучшія наставленія тѣмъ, которые шли сразиться: „Ну, Мартинъ Антолинезъ, и вы, Перо Бермуэцъ и Муньо Густіозъ, держитесь стойко въ бою, какъ истые воины. Пусть въ Валенсію ко мнѣ прійдутъ добрыя о васъ вѣсти".

Мартинъ Антолинезъ сказалъ: „Почему вы такъ говорите, синьоръ? Мы приняли это, какъ долгъ, и выполнимъ его. Вы, можетъ быть, услышите о нашей смерти, но никогда не услышите о нашемъ пораженіи".

Радостенъ былъ этотъ отвѣтъ тому, кто въ добрый часъ родился. Онъ распростился со всѣми изъ своихъ друзей, которые были тамъ. Мой Сидъ поворотилъ къ Валенсіи, а король—къ Карріонской землѣ.

Три недѣли отсрочки сполна протекли. Въ назначенный день, вотъ и люди Кампеадора: они хотятъ исполнить порученіе, данное имъ ихъ господиномъ. Они находятся подъ покровительствомъ короля донъ-Альфонса Леонскаго.

Два дня ожидали инфантовъ Карріона. Наконецъ, они явились, весьма хорошо снабженные людьми и лошадьми: всѣ ихъ родные съ ними. Еслибы они могли отвлечь куда-нибудь въ сторонку людей Кампеадора, они поубивали-бы число ихъ въ полѣ, къ посрамленію ихъ господина—дурное дѣло, котораго они даже и не попытались осуществить, ибо весьма опасались Альфонса Леонскаго.

Ночь они простояли съ оружіемъ въ рукахъ и молились Создателю. Мракъ исчезаетъ, уже заря прогоняетъ его. Же-

ланіе видѣть этотъ бой пособрало много добрыхъ зажиточныхъ людей. Тамъ-же, кромѣ всѣхъ прочихъ, находится король донъ-Альфонсъ, чтобы поддержать право и не допустить неправія.

Уже стали съ оружіемъ въ рукахъ люди Кампеадора, всѣ трое согласно, какъ одинъ, ибо у нихъ одинъ господинъ.

Въ другомъ мѣстѣ, обряжаются инфанты Карріона, и графъ донъ-Гарсія весьма озабоченъ, давая имъ свои указанія.

Они встрѣтили одно затрудненіе и идутъ сказать королю Альфонсу, что не должно употреблять, во время поединка, острые мечи Коладу и Тизона, что люди Кампеадора не должны сражаться ими. Инфанты были весьма опечалены, что возвратили ихъ имъ. Они сказали объ этомъ королю, но король не похвалилъ ихъ за это.

„Пока у насъ продолжались засѣданія кортесовъ, вы не обнажали ни того, ни другого изъ этихъ мечей. Если ваши мечи хороши, вамъ-же будетъ лучше; въ такихъ-же условіяхъ находятся и люди Кампеадора. Пора, бѣгите въ поле, инфанты Карріона. Вамъ нужно сражаться, какъ бравымъ воинамъ, ибо на сторонѣ людей Кампеадора нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Великая честь будетъ вамъ, если вы съ побѣдой вернетесь съ поля; но если будете побѣждены, не вините въ томъ насъ: ибо всѣ знаютъ, что вы сами вызвали этотъ поединокъ“.

Уже ѣдутъ, раскаиваясь, инфанты Карріона. Они весьма огорчены своими дѣяніями и отдали бы все, что есть въ Карріонѣ, чтобы поступки ихъ были иные.

Три бойца Кампеадора вооружены. Король донъ-Альфонсъ осмотрѣлъ ихъ, и люди Кампеадора сказали ему: „Цѣлуемъ ваши руки, какъ нашему королю и господину; благоволите быть сегодня судьею между ими и нами. Поддержите насъ въ нашихъ правахъ и противъ всякой несправедливости. Здѣсь мѣсто вызова инфантовъ Карріона. Мы не знаемъ, что могли вообразить они себѣ. Нашъ господинъ отдалъ насъ въ ваши руки, окажите-же намъ правосудіе, ради любви Создателя“.

Король отвѣтилъ имъ тогда: „Отъ души и сердца!“

Имъ подводятъ легкихъ и крѣпкихъ коней. На сѣдлахъ своихъ они дѣлаютъ изображеніе креста и смѣло ѣдутъ, хорошо повязавъ на шею щиты. Въ руку берутъ они по копью съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, каждый изъ трехъ имѣетъ свой особый значекъ. Вокругъ нихъ множество статныхъ синьоровъ.

Вскорѣ они выѣзжаютъ на поле, окруженное баррьерами. Люди Кампеадора всѣ трое сговорились, что врага своего будутъ разить какъ можно лучше.

Вотъ, съ другой стороны, инфанты Карріона въ весьма хорошемъ обществѣ, ибо тутъ-же присутствуетъ множество ихъ родичей. Король указалъ имъ посредниковъ, чтобы рѣшить, кто правъ и кто не правъ, и чтобы они не спорили между собою относительно—да и нѣтъ.

Король донъ-Альфонсъ подъѣхалъ къ той сторонѣ поля, гдѣ они находились, и сказалъ имъ: „Выслушайте мои слова, инфанты Карріона. Вы могли-бы сдѣлать этотъ поединокъ въ Толедо, но вы не пожелали этого. Эти три рыцаря Моего Сида Кампеадора мною лично и подъ моей охраной приведены въ Карріонскія земли. Стойте за ваше право, не прибѣгайте ни къ какому вѣроломству, ибо если кто замыслитъ злое, я тотчасъ-же воспрепятствую этому, и все государство мое будетъ раздражено этимъ“. Тогда еще болѣе увеличилось смущеніе инфантовъ Карріона.

Посредники и король указали баррьеры, и вся вдругъ площадь была очищена. Они хорошо подтвердили всѣмъ шестерымъ, какъ они есть, что кто переступитъ ограду, тѣмъ самымъ признанъ будетъ побѣжденнымъ. Всѣ очистили ристалище для поединка, такъ чтобы никто не подходилъ къ баррьеру на разстояніе менѣе шести древокъ копья. Каждому указали, по жребію, мѣсто и раздѣлили между ними солнце. Посредники удалились изъ среды ихъ: они стали лицомъ къ лицу.

Тогда рыцари Моего Сида подбѣжали къ инфантамъ Карріона, и инфанты Карріона—къ рыцарямъ Моего Сида. Каждый думаетъ только о своемъ противникѣ. Взявъ щиты на руку и поставивъ ихъ передъ грудью, они опускаютъ свои копья, на которыхъ развѣваются значки, наклоняютъ головы къ лукѣ и ударами шпоръ подгоняютъ своихъ коней. Земля точно задрожала подъ бѣгомъ ихъ.

Каждый изъ нихъ только и думаетъ о своемъ противникѣ. Всѣ разомъ, трое противу трехъ, они сошлись. Стоящіе вокругъ думаютъ, что они сейчасъ падутъ мертвыми.

Перо Бермуэцъ, сдѣлавшій первый вызовъ, подъѣхалъ лицомъ къ лицу къ Фернанду Гонзалесу. Безъ малѣйшаго страха они ударили другъ друга по щитамъ. Фернандъ Гонзалесъ пробилъ щитъ Перо Бермуэца, но въ пустое пространство, не задѣвъ его тѣла. Два раза ломалось его копье. Перо Бермуэцъ стоитъ твердо, все это и не пошатнуло его. Онъ получилъ ударъ, самъ нанесъ его. Онъ разбилъ пряжку на щитѣ, отбросилъ ее въ сторону, проткнулъ самый щитъ; ничто уже не могло болѣе охранить инфанта. Онъ пронзилъ грудь его копьемъ. Фернандъ имѣлъ на себѣ три двойныхъ кольчуги, что и помогло ему: ибо когда прорвались двѣ первыя, осталась третья. Нагрудникъ, одежда, сорочка на палецъ вошли въ его тѣло; кровь выступила у него на губахъ. Ремни лопнули, ни одинъ не могъ уже служить ему. Со спины коня онъ былъ сброшенъ на землю, и всѣ присутствующіе убѣдились, что онъ смертельно раненъ. Перо Бермуэцъ выпустилъ копье и положилъ руку на мечъ. Взглянувъ на него, Фернандъ Гонзалесъ узналъ Тизонъ. Не ожидая удара, онъ крикнулъ: „Я побѣжденъ!“ Посредники согласились съ этимъ, и Перо Бермуэцъ оставилъ его.

Мартинъ Антолинецъ и Діэго Гонзалесъ ударили другъ друга копьями. Ударъ былъ таковъ, что копья разлетѣлись въ куски. Мартинъ Антолинецъ взялся рукой за мечъ: по всему полю сверкнуло, такъ онъ былъ свѣтелъ и блестѣлъ. Онъ нанесъ ему боковой ударъ и сшибъ съ него каску да-

леко отъ головы. Ремни шлема были разсѣчены, самый шлемъ сорванъ; мечъ, проникнувъ до волосъ, снесъ все: и шлемъ, и шапку; часть срѣзанныхъ волосъ и кожи осталась на головѣ, часть упала на землю. Когда драгоцѣнный мечъ Колада нанесъ этотъ ударъ, Діэго Гонзалесъ смекнулъ, что ему не быть живу. Онъ дернулъ за поводъ своего коня, чтобы повернуться лицомъ. Въ эту минуту, Мартинъ Антолинецъ, не рубя его, хватилъ плашмя своимъ мечемъ. Діэго Гонзалесъ тоже держалъ въ рукѣ свой мечъ, но не могъ употребить его въ дѣло. Между тѣмъ, инфантъ заоралъ во все горло: „Спаси меня, Господь Саваоѳъ, спаси отъ этого меча!“ Онъ живо схватилъ за уздцы коня, который, на разстояніи одной шпаги, перескочилъ черезъ барьеръ; Мартинъ Антолинецъ остался на полѣ. Король сказалъ тогда: „Прійдите ко мнѣ; вы столько сдѣлали, что васъ теперь слѣдуетъ признать побѣдителемъ въ этомъ поединкѣ“. Посредники признали справедливыми слова, сказанныя королемъ.

Эти оба восторжествовали. Я хочу теперь разсказать вамъ о Муньо Густіозѣ и о дѣлѣ его съ Асуромъ Гонзалесомъ. Они нанесли по щитамъ другъ другу нѣсколько сильныхъ ударовъ. Асуръ Гонзалесъ, столь же сильный, какъ и храбрый, ударивъ такимъ образомъ по щиту Муньо Густіоза, сквозь щитъ испортилъ ему кольчугу. Но копье прошло вбокъ и не задѣло за-живо. На этотъ ударъ Муньо Густіозъ отвѣтилъ другимъ ударомъ, который сквозь щитъ Асура Гонзалеса испортилъ его кольчугу. Щитъ былъ разбитъ въ самой срединѣ, пряжки и кольчуга испорчена, ибо невозможно было избѣжать такого удара. Муньо Густіозъ, неудержный въ своемъ пылу, хватилъ его, въ отместку за гибель кольчуги. Онъ воткнулъ ему въ тѣло копье со значкомъ, такъ что оно вышло по другую сторону тѣла на цѣлую сажень. Онъ пригнулъ его, пошатнулъ на сѣдлѣ и сбросилъ на землю, вытащивъ свое копье. Покраснѣло отъ крови древко, наконечникъ и значокъ. Всѣ порѣшили, что Асуръ Гонзалесъ раненъ на смерть. Муньо Густіозъ приподнялъ копье и подъѣхалъ къ

нему, но Гонзало Асурецъ закричалъ: „Ради Бога, не бейте его. Если это такъ окончилось, онъ побѣжденъ въ бою". Посредники сказали: „Мы такого-же мнѣнія".

Добрый король донъ-Альфонсъ пожелалъ, чтобы очистили мѣсто и взялъ себѣ оставшееся на полѣ оружіе.

Рыцари добраго Кампеадора удаляются съ честью: они побѣдили въ этой борьбѣ, слава Создателю! Велики сокрушенія въ земляхъ Карріона.

Король ночью отослалъ вассаловъ Моего Сида: такимъ образомъ, на нихъ не могли напасть, и имъ нечего было бояться. Какъ люди прославившіеся, день и ночь, ѣдутъ они до прибытія своего въ Валенсію, къ Моему Сиду Кампеадору. Они оставили инфантовъ Карріона, общепризнанныхъ за людей злобныхъ, и выполнили такимъ образомъ порученіе, данное имъ ихъ господиномъ. Мой Сидъ Кампеадоръ былъ оттого преисполненъ радости.

Велико уничиженіе инфантовъ Карріона. Да приключится также или еще того хуже съ каждымъ, кто оскорбитъ благородную даму и покинетъ ее затѣмъ.

Перестанемъ заниматься инфантами Карріона и тѣмъ великимъ неудовольствіемъ, которое причиняетъ имъ то, что они получили. Будемъ говорить о томъ, кто въ добрый часъ родился.

Велико было въ Валенсіи великой ликованіе по поводу того, что столько славы добыли люди Кампеадора. Рюи-Діазъ, ихъ господинъ, взялъ себя за бороду: „Благодареніе Царю небесъ, дочери мои отомщены. Теперь онѣ могутъ покинуть вотчины Карріона: я выдамъ ихъ замужъ, не заботясь о томъ, какъ кому придется это по вкусу".

Инфанты Наваррскій и Арагонскій быстро подвинули дѣло, имѣли свиданіе съ Альфонсомъ Леонскимъ и заключили бракъ съ доньей Эльвирой и доньей Соль. Первый бракъ былъ хорошъ, а этотъ еще лучше: Сидъ выдалъ дочерей съ бо̀льшею честью, нежели въ первый разъ.

Посмотрите, какъ растетъ честь того, кто въ добрый часъ родился, потому что дочери его — королевы Наварры и Арагоніи. Теперь короли Испаніи—его родственники. Все ведетъ къ славѣ того, что въ добрый часъ родился.

Онъ отошелъ отъ здѣшняго міра въ Троицынъ день. Да помилуетъ его Христосъ, чего да сподобимся и мы всѣ, праведные и грѣшники.

Таково сказаніе о Моемъ Сидѣ Кампеадорѣ. На этомъ мѣстѣ конецъ сказанію.

Да сподобитъ Господь рая того, кто написалъ эту книгу. Аминь.

Перо аббатъ писалъ ее въ мѣсяцѣ маѣ года тысячу и СС.....XLV по нашему лѣтосчисленію.

(Перев. А. Ч.).

II. ИЗБРАННЫЕ РОМАНСЫ О СИДѢ.

А) Царствованіе короля Фердинанда.

I.

Мраченъ, грустенъ Донъ-Діэго...
Что сравнить съ его печалью?
День и ночь онъ помышляетъ
О безчестіи своемъ.
Посрамленъ навѣки древній,
Знаменитый домъ Ленесовъ;
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аваркп славой съ нимъ.
И болѣзнью и лѣтами
Изнуренный, старецъ видитъ
Близкій гробъ передъ собою;
Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
Торжествующій, гуляетъ,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напослѣдокъ, свергнувъ бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своихъ созвалъ онъ
И, ни слова не сказавши,
Повелѣлъ связать имъ крѣпко
Благородныя ихъ руки.
И, трепещущіе, робко
Вопрошаютъ сыновья:

„Что ты дѣлаешь, родитель?
„Умертвить ли насъ замыслилъ?“
Нѣтъ душѣ его надежды!
Но когда онъ обратился
Къ сыну младшему, Родригу,
Въ немъ опять она воскресла;
Засверкавъ очами тигра,
Возопилъ младой Родриго:
„Развяжи, отецъ, мнѣ руки!
„Развяжи! когда бъ ты не былъ
„Мой отецъ, я не словами
„Далъ себѣ тогда бъ управу:
„Я бы собственной рукою
„Внутренность твою исторгнулъ;
„Мнѣ мечемъ или кинжаломъ
„Были пальцы бы мои!“—
Сынъ души моей, Родриго!
Скорбь твоя—мнѣ исцѣленье;
Грозный гнѣвъ твой—мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь ее.—
И Родригу разсказалъ онъ
Про свою тогда обиду,
И его благословилъ.

II.

Удаляется Родриго,
Полонъ гнѣва, полонъ думы
О врагѣ своемъ могучемъ,
О младыхъ своихъ лѣтахъ.
Знаетъ онъ, что въ Астуріи
Донъ-Гормасъ богатъ друзьями,
Что въ совѣтѣ королевскомъ
И въ сраженьи первый онъ.

Но того онъ не страшится:
Сынъ Гидальга благородный,
Онъ, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И въ душѣ своей онъ молитъ
Отъ небесъ—одной управы,
Отъ земли—простора битвѣ,
А отъ чести—подкрѣпленья
Молодой своей рукѣ.
Со стѣны онъ мечъ снимаетъ,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауромъ печальнымъ
По давнишнемъ господинѣ.
„Знаю, добрый мечъ, сказалъ онъ,
„Что тебѣ еще постыдно
„Быть въ рукѣ незнаменитой;
„Но когда я поклянуся
„Не нанесть тебѣ обиды,
„Ни на шагъ въ минуту боя
„Не попятиться... пойдемъ!“

III.

Тамъ, на площади дворцовой,
Сидъ увидѣлъ донъ-Гормаса
Одного, безъ провожатыхъ,
И вступилъ съ нимъ въ разговоръ:
„Донъ-Гормасъ, отвѣтствуй, зналъ ли
„Ты о сынѣ Донъ-Діэга,
„Оскорбивъ рукою дерзкой
„Святость старцева лица?
„Зналъ ли ты, что Донъ-Діэго
„Есть потомокъ Лайна Калва,
„Что нѣтъ крови благороднѣй,
„Нѣтъ щита его честнѣй?
„Зналъ ли, что пока дышу я,

„Не дерзнетъ никто изъ смертныхъ—
„Развѣ Богъ одинъ Всевышній—
„Сдѣлать то безъ наказанья,
„Что дерзнулъ съ нимъ сдѣлать ты?“—
Самъ едва ли ты, младенецъ,
(Отвѣчалъ Гормасъ надменно)
Знаешь жизни половину.—
„Знаю твердо! половина
„Жизни: почесть благороднымъ
„Воздавать, какъ то прилично;
„А другая половина:
„Быть грозою горделивыхъ
„И послѣдней каплей крови
„Омывать обиду чести“.—
Что жъ? Чего, младенецъ, хочешь?—
„Головы твоей хочу я“.—
Хочешь розогъ, дерзкій мальчикъ;
Погоди, тебя накажутъ,
Какъ проказливаго пажа.—
Боже праведный, какъ вспыхнулъ
При такомъ отвѣтѣ Сидъ!

IV.

Слезы льются, тихо льются
По ланитамъ Донъ-Діэга:
За столомъ своимъ семейнымъ
Онъ сидитъ, все позабывъ;
О стыдѣ своемъ онъ мыслитъ,
О младыхъ лѣтахъ Родрига,
О ужасномъ поединкѣ,
О могуществѣ врага.
Оживительная радость
Убѣгаетъ посрамленныхъ;
Вслѣдъ за нею убѣгаютъ

И довѣренность съ надеждой;
Но цвѣтущія, младыя
Сестры чести, вмѣстѣ съ нею,
Возвращаются онѣ.
И въ унылость погруженный,
Донъ-Діэго не примѣтилъ
Подходящаго Родрига.
Онъ, съ мечемъ своимъ подъ мышкой,
Приложивъ ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданіемъ глубоко,
На отца глядѣлъ въ молчаньи;
Вдругъ подходитъ, и схвативши
Руку старца: „ѣшь, родитель!“
Говоритъ, придвинувъ пищу.
Но сильнѣе плачетъ старецъ.—
Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
Мнѣ даешь такой совѣтъ?—
„Я, родитель! смѣло можешь
„Ты поднять свое святое,
„Благородное лицо“.—
Спасена ли наша слава?—
„Мой родитель, онъ убитъ.“—
Сядь же, сынъ мой Донъ-Родриго,
Сядь за столъ со мною рядомъ!
Кто съ соперникомъ подобнымъ
Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
Дома нашего главой.—
Со слезами Донъ-Родриго,
Преклонивъ свои колѣна,
Лобызаетъ руки старца;
Со слезами Донъ-Діэго,
Умиленный, лобызаетъ
Сына въ очи и уста.

V.

На престолѣ королевскомъ
Возсѣдалъ король-владыка,
Внемля жалобамъ народа
И давая всѣмъ управу.
Твердый, кроткій, правосудный,
Награждалъ онъ добрыхъ щедро
И казнилъ виновныхъ строго:
Наказаніе и милость
Вѣрныхъ подданныхъ творятъ.
Въ черной траурной одеждѣ
Входитъ юная Химена,
Дочь Гормаса; вслѣдъ за нею
Триста пажей благородныхъ.
Дворъ въ безмолвномъ изумленьи.
Преклонивъ свои колѣна
На послѣднюю ступеню
Королевскаго престола,
Такъ Химена говоритъ:
„Государь, прошло полгода
„Съ той поры, какъ мой родитель
„Подъ ударами младого
„Сопротивника погибъ.
„И уже я приносила
„Передъ тронъ твой королевскій
„Умиленную молитву.
„Были мнѣ даны тобою
„Обѣщанья; но управы
„Не дано мнѣ и понынѣ.
„Между тѣмъ, надменный, дерзкій,
„Издѣвается Родриго
„Надъ законами твоими,
„И, его надменность видя,
„Ей потворствуешь ты самъ.

„Государь праволюбивый
„На землѣ есть образъ Бога;
„Государь неправосудный,
„Поощряющій строптивость,
„Сердцу добрыхъ не любезенъ,
„Не ужасенъ и для злыхъ.
„Государь, внемли безъ гнѣва
„Симъ словамъ моей печали:
„Въ сердцѣ женщины почтенье
„Превращается отъ скорби
„Часто въ горестный упрекъ".
И король на то Хименѣ
Такъ отвѣтствуетъ безъ гнѣва:
„Здѣсь твоя печаль не встрѣтитъ
Ни желѣза, ни гранита.
Если я сберегъ Родрига,
То сберегъ его, Химена,
Для души твоей прекрасной;
Будетъ время—будешь плакать
Ты отъ радости по немъ".

VI.

Въ часъ полуночи спокойной,
Тихій голосъ, нѣжный голосъ
Унывающей Хименѣ
Говорилъ: „Отри, Химена,
„Слезы грусти одинокой".—
Отвѣчай, откройся, кто ты?—
„Сирота, меня ты знаешь."—
Такъ! тебя, Родриго, знаю;
Ты жестокій, ты лишившій
Домъ мой твердыя подпоры...—
„Честь то сдѣлала, не я".

VII.

Въ храмѣ Божіемъ Родриго
Такъ сказалъ своей Хименѣ:
„Благородная Химена,
„Твой отецъ убитъ былъ мною
„Не по злобѣ, не измѣной,
„Но въ отмщенье за обиду,
„Грудь на грудь и мечъ на мечъ.
„Я тебѣ за мужа чести
„Мужа чести возвращаю;
„Я тебѣ въ живомъ супругѣ
„Все даю, что прежде въ мертвомъ
„Ты отцѣ своемъ имѣла:
„Друга, спутника, отца".
Такъ сказавъ, онъ обнажаетъ
Крѣпкій мечъ свой и, поднявши
Остріе къ святому небу,
Произноситъ громогласно:
„Пусть меня сей мечъ накажетъ,
„Если разъ нарушу въ жизни
„Мой обѣтъ: любить Химену,
„И за все моей любовью
„Ей воздать, какъ здѣсь предъ Богомъ
„Обѣщаюсь и клянуся!"
Такъ свершилъ свой бракъ съ Хименой
Донъ-Родриго, графъ Биварскій,
Славный Сидъ Кампеадóръ.

VIII.

Пятерыхъ царей невѣрныхъ
Донъ-Родриго побѣдилъ,
И его назвали Сидомъ
Побѣжденные цари.
Ихъ послы къ нему явились

И въ смиреніи подданства
Такъ привѣтствовали Сида:
„Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,
Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали“.—
„Ошибаетесь, друзья!
Донъ—Родриго отвѣчалъ имъ.
„Не ко мнѣ посольство ваше:
„Неприлично господиномъ
„Называть меня въ томъ мѣстѣ,
„Гдѣ господствуетъ великій
„Фердинандъ, мой повелитель;
„Все его здѣсь, не мое“.
И король, такимъ смиреньемъ
Сида храбраго довольный,
Говоритъ посламъ: „Скажите
„Вы царямъ своимъ, что если
„Господинъ ихъ Донъ-Родриго
„Не король, то здѣсь по праву
„Съ королемъ сидитъ онъ рядомъ,
„И что все, чѣмъ я владѣю,
„Завоевано мнѣ Сидомъ“.
Съ той поры не называли
Знаменитаго Родрига
Мавры иначе, какъ Сидомъ.

IX.

Полныхъ семь лѣтъ безъ успѣха
Неприступную Коимбру
Осаждалъ Донъ-Фердинандъ.
Никогда бъ не одолѣлъ онъ
Неприступныя Коимбры,
Крѣпкой башнями, стѣнами...
Но является Санъ-Яго,
Рыцарь Господа Христа:

На конѣ онъ скачетъ бѣломъ,
Съ головы до ногъ въ доспѣхахъ
Свѣжихъ, чистыхъ и блестящихъ.
„Симъ ключемъ, который блещетъ
„У меня въ рукахъ (сказалъ онъ),
„Завтра утромъ на разсвѣтѣ
„Отопру я Фердинанду
„Неприступную Коимбру".
И король вступилъ въ Коимбру;
И мечеть ея назвали
Церковью Маріи Дѣвы.
Тамъ былъ рыцаремъ поставленъ
Донъ-Родриго, графъ Биварскій.
Самъ король своей рукою
Мечъ къ бедру его привѣсилъ,
Далъ ему лобзанье мира,
Только не далъ акколады [1]),
Ибо то ужъ для другого
Было сдѣлано имъ прежде;
И, въ особенную почесть,
Конь въ блестящей сбруѣ Сиду
Подведенъ былъ королевой,
А инфанта золотыя
На него надѣла шпоры.

X.

Сидъ во всѣхъ за Фердинанда
Битвахъ былъ побѣдоносенъ.
Наконецъ для Фердинанда
Часъ послѣдній наступаетъ:
На своей постелѣ смертной
Онъ лежитъ лицомъ къ востоку;
Онъ въ рукахъ, уже холодныхъ,

[1]) Обрядъ поцѣлуя при пріемѣ въ рыцарскій орденъ.

Держитъ свѣчу гробовую;
Въ головахъ стоятъ прелаты,
Одесную сыновья.
И уже свои онъ земли
Раздѣлилъ межъ сыновьями,
Какъ вошла его меньшая
Дочь Урака въ черномъ платьѣ,
Проливающая слезы.
Такъ ему она сказала:
„Есть ли гдѣ законъ, родитель,
„Человѣческій иль Божій,
„Позволяющій наслѣдство,
„Дочерей позабывая,
„Сыновьямъ лишь оставлять?“
Фердинандъ ей отвѣчаетъ:
„Я даю тебѣ Замору,
„Крѣпость, твердую стѣнами,
„Съ нею вмѣстѣ и вассаловъ
„Для защиты и услуги.
„И да будетъ проклятъ мною,
„Кто когда-нибудь замыслитъ
„У тебя отнять Замору“.—
Предстоявшіе сказали
Всѣ: аминь. Одинъ Донъ-Санхо
Промолчалъ, нахмуря брови.

Перев. В. А. Жуковскаго.

Б) Царствованіе короля Донъ-Санхо Кастильскаго.

I.

Только что успѣлъ Донъ-Санхо
Вмѣстѣ съ братьями въ могилу
Опустить съ мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Какъ уже онъ на конѣ,

И гремитъ трубой военной,
И вассаловъ собираетъ,
И войной идетъ на братьевъ.
Первый, съ кѣмъ онъ началъ ссору,
Былъ Галисіи властитель,
Старшій братъ его Донъ-Гарсій;
Но сраженный въ первой битвѣ,
Съ малочисленной остался
Онъ дружиною кастильцевъ.
Вдругъ явился Донъ-Родриго.
„Въ добрый часъ, мой благородный
Сидъ! сказалъ ему Донъ-Санхо,
Во-время ко мнѣ поспѣлъ ты“.—
„Но ты самъ, король Донъ-Санхо,
„Здѣсь не во время (сурово
Отвѣчалъ ему Родриго);
„Лучше было-бы, съ молитвой
„Руки сжавъ, стоять смиренно
„У родителева гроба.
„Я исполню долгъ вассала;
„Стыдъ же примешь ты одинъ“.
И Донъ-Гарсій побѣжденный
Скоро въ плѣнъ попался Сиду.—
„Что ты дѣлаешь, достойный
„Сидъ,“ сказалъ съ упрекомъ плѣнникъ?—
„Если бъ я теперь вассаломъ
„Былъ твоимъ, я то же бъ сдѣлалъ,
„Государь, и для тебя“.
Заключенъ, по волѣ брата,
Въ башню крѣпкую Донъ-Гарсій.
За него король леонскій
Возстаетъ и посылаетъ
Вызовъ къ Сиду, къ мужу чести,
Подымающему руку
На безчестно-злое дѣло.

„Ополчись, мой благородный
„Сидъ, Донъ-Санхо восклицаетъ.
„Ополчись, мой Сидъ могучій,
„Перлъ имперіи священной,
„Цвѣтъ Испаніи, зерцало
„Чести рыцарской; леонцы
„Идутъ противъ насъ войною;
„Вѣютъ львы на ихъ знаменахъ:
„Но у насъ въ землѣ Кастильской
„Много замковъ укрѣпленныхъ:
„Будетъ, гдѣ ихъ запереть“.—
„Государь, святое право
„За Альфонса; лишь фортуной
„Онъ неправъ“. Такъ отвѣчаетъ
Королю Донъ-Санху Сидъ.
Донъ-Альфонсъ разбитъ и прогнанъ;
Онъ бѣжитъ къ Толедскимъ маврамъ.
Какъ свирѣпый ястребъ—алча
Новой пищи послѣ первой
Имъ отвѣданной добычи—
Когти острые вонзаетъ
Въ беззащитную голубку:
Такъ Донъ-Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Безпомощную насильно
Запираетъ въ монастырь.

II.

Мирно властвуетъ Урака
Въ крѣпкомъ городѣ Заморѣ.
Крѣпкимъ городомъ Заморой
Завладѣть Донъ-Санхо мыслитъ.
Онъ къ стѣнамъ его подходитъ.
Нѣтъ въ Испаніи другого:

Въ твердомъ выбитый утесѣ,
Имъ покрытый, какъ бронею,
Смѣлый рыцарь, окруженный
Свѣтло-влажными руками
Быстрошумнаго Дуэра,
Онъ стоитъ—и замки, башни
(Въ цѣлый день не перечесть ихъ),
Какъ вѣнецъ, его вѣнчаютъ.
И сказалъ Донъ-Санхо Сиду:
„Добрый Сидъ, совѣтникъ мудрый,
Дома нашего подпора,
Отъ меня къ сестрѣ Уракѣ
Ты посломъ иди въ Замору.
Предложи мѣну Уракѣ;
Пусть свою назначитъ цѣну;
Но скажи ей въ осторожность:
Если нынѣ отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра самъ возьму я силой
То, о чемъ теперь прошу“.—
„Что за стѣны!“ Донъ-Родриго
Мыслитъ, глядя на Замору.
„Чѣмъ на нихъ смотрю я долѣ,
„Тѣмъ грознѣй и неприступнѣй
„Мнѣ являются онѣ“.
„Что за стѣны!“ повторяетъ
Про себя король Донъ-Санхо.
„Это первыя, которыхъ
„Не заставилъ содрогнуться
„Приближающійся Сидъ“.
„Что за стѣны!“ размышляетъ
Конь могучій Бабіека,
Замедляя ходъ и гриву
Опуская до земли.

III.

Тихо въ городѣ Заморѣ:
Онъ печальный носитъ трауръ
По великомъ Фердинандѣ.
Церкви города Заморы
Въ ткани черныя одѣты,
И на нихъ печальный трауръ
По великомъ Фердинандѣ.
И Урака, затворившись
Въ замкѣ города Заморы,
О сестрахъ и братьяхъ плачетъ,
И печальный носитъ трауръ
По великомъ Фердинандѣ.
И она вздыхала тяжко
Въ ту минуту, какъ явился
Передъ городомъ Заморой
Донъ-Родриго, вождь Кастильскій.
Вдругъ всѣ улицы Заморы
Зашумѣли, взволновались;
Крикъ до замка достигаетъ,
И Урака, на ограду
Вышедъ, смотритъ.... Тамъ могучій
Сидъ стоитъ передъ стѣной.
Онъ свои подъемлетъ очи,
Онъ Ураку зритъ на башнѣ,
Ту, которая надѣла
На него златыя шпоры.
И ему шепнула совѣсть:
„Стой, Родриго, ты вступаешь
„На безславную дорогу;
„Благородный Сидъ, назадъ!“
И она ему на память
Привела тѣ дни, когда онъ
Государю Фердинанду

Обѣщался быть надежной
Дочерей его защитой,
Дни, когда они дѣлили
Ясной младости веселье
При дворѣ великолѣпномъ
Государя Фердинанда,
Дни прекрасныя Коимбры.
„Стой, Родриго, ты вступаешь
„На безславную дорогу;
„Благородный Сидъ, назадъ!“
Бодрый Сидъ остановился.
Онъ впервые Бабіеку
Обратилъ и, въ размышленьи
Прошептавъ: назадъ! поѣхалъ
Въ королевскій станъ обратно,
Чтобъ принесть отчетъ Донъ-Санху.
Но разгнѣванный Донъ-Санхо
Такъ отвѣтствуетъ Родригу:
„Безразсудны государи,
„Осыпающіе честью
„Неумѣренной вассаловъ—
„Лишь мятежниковъ надменныхъ
„Для себя они готовятъ.
„Ты съ Заморой непокорной
„Заодно теперь, Родриго;
„Нынѣ умъ твой дерзновенный
„Не въ ладу съ моимъ совѣтомъ;
„Съ глазъ моихъ пойди, Родриго;
„Изъ Кастильскихъ выйдь предѣловъ:
„Всѣ мои покинь владѣнья“.—
„Но которыя владѣнья,
„Государь, велишь покинуть?
„Завоеванныя ль мною,
„Сохраненныя ли мною
„Для тебя?“—Тѣ и другія.—

Сидъ минуту былъ задумчивъ;
Но потомъ онъ улыбнулся,
Вкругъ себя спокойный бросилъ
Взоръ и сѣлъ на Бабіеку.
Удалился Сидъ.... Молчанье
Въ станѣ царствуетъ, какъ въ гробѣ.

IV.

Длится трудная осада.
Много было поединковъ;
Много рыцарей Кастильскихъ,
Къ утѣшенью дамъ Заморы,
Было сброшено съ сѣдла.
Не возьмутъ они Заморы.
Тутъ являются къ Донъ-Санху
Графы, знатные вельможи.
„Государь, отдай намъ Сида“
(Говорятъ они); „безъ Сида
„Не бывать ни въ чемъ удачи“.
И король послалъ за Сидомъ;
Но съ домашними своими
Напередъ о томъ, что дѣлать,
Посовѣтовался Сидъ.
Возвратиться былъ совѣтъ ихъ,
Если самъ король Донъ-Санхо
Признаетъ себя виновнымъ.
Сидъ покорствуетъ призванью;
Самъ король къ нему на встрѣчу
Выѣзжаетъ; съ Бабіеки
Сходитъ Сидъ, его увидя,
И его цѣлуетъ руку.
Съ той поры на поединки
Вызывать гораздо рѣже
Стали рыцари Заморы
Смѣлыхъ рыцарей Кастильскихъ:

Каждый былъ готовъ сразиться
Хоть съ пятью одинъ, хоть съ чортомъ,
Лишь бы только не съ Родригомъ.
Вдругъ изъ города Заморы
Вышелъ витязь неизвѣстный.
Къ пышной ставкѣ королевской
Подошедши, такъ сказалъ онъ:
„За совѣтъ мой: покориться—
„Чуть меня не умертвили.
„Государь, я знаю вѣрный
„Способъ сдать тебѣ Замору".
Но съ высокія ограды
Въ то же время старый рыцарь
Прокричалъ: „Король Донъ-Санхо,
„Знай, и вы, кастильцы, знайте,
„Что изъ города Заморы
„Вышелъ къ вамъ предатель хитрый:
„Если сбудется злодѣйство,
„Насъ ни въ чемъ не обвиняйте".
Но съ предателемъ Донъ-Санхо
Ужъ пошелъ къ стѣнамъ Заморы.
Тамъ, предъ входомъ потаеннымъ
Неприступныя ограды,
Видя, что король Донъ-Санхо
Съ нимъ одинъ и безоруженъ,
Острый свой кинжалъ предатель
Весь вонзилъ въ него и скрылся.
И король смертельно раненъ.
Вкругъ него толпятся слуги;
И никто изъ нихъ не молвилъ
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, вѣрный рыцарь
Такъ сказалъ ему: „Помысли
„О душѣ своей и Богѣ;
„Остальное все забудь".

И уже король Донъ-Санхо
Предалъ въ руки Бога душу.
Много рыцарей кастильскихъ
Вкругъ него стоятъ и плачутъ;
Болѣ всѣхъ скорбитъ и плачетъ
Благородный Донъ-Родриго.
„О король мой, о Донъ-Санхо!
(Восклицаетъ онъ), „да будетъ
„Проклятъ день тотъ ненавистный,
„День, въ который ты замыслилъ
„Приступить къ стѣнамъ Заморы.
„Не боялся тотъ ни Бога,
„Ни людей, кто беззаконно
„Далъ тебѣ совѣтъ нарушить
„Честный рыцарства законъ".

Переводъ В. А. Жуковскаго.

B) Царствованіе короля донъ-Альфонсо.

I.

Король донъ-Санхо мертвъ, его убилъ Беллидо.

Его брату, донъ-Альфонсу, начальствовавшему въ Заморѣ, леонцы и кастильцы цѣлуютъ руку, какъ своему королю, астурійцы и галисіяне подносятъ корону, наваррцы тоже обѣщаютъ повиноваться. Когда Сидъ воспротивился тому, Альфонсъ сказалъ ему:

„Всѣ признаютъ меня синьоромъ и присягаютъ въ вассальной вѣрности: по какой таинственной причинѣ вы одни, о Сидъ, отказываете мнѣ въ томъ? Вѣдь я-же всегда вамъ дѣлалъ всѣмъ добро, какъ то обѣщалъ отцу моему, когда онъ умиралъ въ Калезонѣ и готовился покинуть этотъ свѣтъ. Дѣлайте то-же, что они сдѣлали, я вамъ буду благодаренъ".

Тогда Сидъ всталъ и отвѣтилъ:

„Всѣ, кого вы видите, сильно подозрѣваютъ, что король донъ-Санхо умеръ по вашему распоряженію; если вы не оправдаетесь, я вамъ не поцѣлую руки".

„Охотно, сказалъ король, ибо я ни въ чемъ не повиненъ. Я благосклонно принимаю ваше требованіе и считаю васъ весьма достойнымъ человѣкомъ. Здѣсь-же клянусь Богомъ и Дѣвой Маріей, что никогда я не приказывалъ и не совѣтовалъ даже совершить подобное убійство, а узнавъ объ этой смерти, не почувствовалъ ни малѣйшаго удовольствія, хотя донъ-Санхо изгналъ меня изъ своей земли и отнялъ у меня мое царство".

Тогда король попросилъ совѣта у присутствующихъ. Гранды и прелаты сказали, чтобы онъ пошелъ и присягнулъ въ церкви св. Агаты въ Бургосѣ, предлагая сопровождать его и обѣщая, что эта клятва сниметъ съ него всякое подозрѣніе.

Король благосклонно принялъ этотъ совѣтъ и отправился въ Бургосъ.

Сидъ взялъ книгу, именно евангеліе, положилъ на алтарь, а на книгу возложилъ руку донъ-Альфонсо. Затѣмъ, онъ потребовалъ отъ него клятвы, потребовалъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Король донъ-Альфонсъ, вамъ подобаетъ поклясться, что вы никоимъ образомъ не совѣтовали совершить убійства, отъ котораго погибъ король Санхо, вашъ братъ, а мой господинъ, котораго я очень любилъ. Если вы не скажете правды, а клятвенно подтвердите ложь, то да пошлетъ небо, чтобы какой-нибудь измѣнникъ отнялъ вашу жизнь; чтобы то былъ одинъ изъ вашихъ вассаловъ, какъ Беллидо былъ вассалъ вашего брата донъ-Санхо, котораго я тоже считалъ своимъ господиномъ".

Донъ-Альфонсъ отвѣтилъ: Аминь; но поблѣднѣлъ при этомъ, и когда его попросили поклясться вторично, онъ повторилъ клятву даже два раза.

Между тѣмъ, за то, что сдѣлалъ Сидъ, онъ возымѣлъ противъ него гнѣвъ, и когда тотъ подошелъ поцѣловать у него руки, онъ не далъ. Съ этого дня, возненавидѣлъ король Сида, хотя Сидъ былъ доблестенъ и необыкновенно храбръ.

II.

„Неужели вы ждете, чтобы эта рука подняла васъ,—это вѣдь тоже, какъ еслибы вы ждали, что руки мои перенесутъ васъ на небо. Вамъ очень удобно стоять на колѣняхъ—встаньте! на васъ страшно глядѣть; земля—мѣстечко достойное достойнѣйшихъ. Вамъ болѣе приличествуетъ стоять съ обнаженной головой съ тѣхъ поръ, какъ были обнажены плохо скрытыя крайности вашей подозрительности!

„По какимъ-такимъ причинамъ, съ прошлой зимы, васъ ни разу не видали среди кортесовъ, хотя кортесы собирались? Почему, будучи придворнымъ, вы носите всклокоченную бороду и волоса въ безпорядкѣ, точно отцы пустынники? Спрашивая васъ объ этомъ, я хорошо угадываю ваши отвѣты, знаю вашу хитрость, ваше лицемѣріе. Вы готовы, пожалуй, сказать, что озабочены всецѣло моимъ государствомъ, моей охраной, и потому некогда вамъ думать о прическѣ бороды и длинныхъ волосъ.

„На собраніи въ Алкалѣ вы отвергли мои мирныя предложенія, точно ваша воля совсѣмъ ужъ поработила меня.

„Вы разсказываете, что пограничные мавры подчинились вамъ до того, что готовы поклоняться вамъ, какъ богу: вы получили отъ нихъ немалыя богатства.

„Вы присутствовали при произнесеніи мною клятвы, послѣ печальнаго случая съ королемъ донъ-Санхо, моимъ братомъ, убитымъ измѣнникомъ Беллидо. Когда всѣ цѣловали мнѣ руку и признали своимъ господиномъ, вы одни пошли противъ меня и потребовали этой клятвы. Поэтому-то я и присягалъ у св. Агаты, на четырехъ евангеліяхъ, при золотомъ самострѣлѣ и дротикѣ, направленныхъ прямо мнѣ въ грудь.

„Будь вы похрабрѣе, вы могли-бы заколоть Беллидо, ибо многіе мнѣ говорили, что у васъ достаточно было времени, чтобы настичь его. Вы преслѣдовали его до самой стѣны, и на близкомъ разстояніи, при входѣ-же и внутри воротъ находился человѣкъ, передававшій, что страхъ удержалъ васъ тогда.

„Изъ числа моихъ никогда не было такихъ коварныхъ и прозорливыхъ, чтобы полагать, что донъ-Санхо умеръ по моему указанію. Онъ умеръ, потому что такъ суждено было Богомъ въ Его таинственныхъ предначертаніяхъ, быть можетъ, въ наказаніе за неповиновеніе родительской волѣ.

„За всѣ эти оскорбленія, за эти грѣхи, за злую враждебно ко мнѣ направленную волю, я изгоняю васъ изъ этой страны. Я удержу за собою ваши владѣнія, пока не узнаю доподлинно, могу-ли, съ согласія своихъ, конфисковать ихъ у васъ совсѣмъ.

„Не возражайте ни слова, ибо св. Петромъ и св. блаженнымъ Миланомъ клянусь, прикажу тотчасъ-же посадить васъ".

Такія рѣчи король донъ-Альфонсъ, шестой по имени, подстрекнутый коварными, держалъ къ Сиду, славѣ его царства.

III.

Сидъ вышелъ изъ дворца, оскорбленный словами короля: кого не волнуетъ неправда, нѣтъ у того чувства.

Въ бѣшенствѣ ломаетъ онъ руки, но и мысли нѣтъ у него о мщеніи—вѣдь только что едва не поднялись онѣ у него на голову донъ-Альфонса. Глаза его, подобно двумъ вулканамъ, мечутъ огонь и пламя, отражая въ себѣ, какъ на полотнѣ, волненія его души; волоса у него поднялись дыбомъ, вмигъ посѣдѣли: такъ отъ встрѣчи съ позоромъ сѣдѣетъ борода.

Шагаетъ онъ туда и сюда и говоритъ взволнованнымъ голосомъ—ибо легче бываетъ сердцу, когда выскажешь свое горе:

„Дурно говорили вы обо мнѣ, о король; въ рѣчахъ вашихъ было столько горечи, а я ни слова не отвѣтилъ вамъ, ибо за меня говорили дѣла мои; за честь мою и доброе имя заговорилъ бы мой Тизонъ, еслибы ваше положеніе относительно меня не заставило его онѣмѣть въ ножнахъ.

„Ваше слово, о король Альфонсъ, не уничтожитъ моей чести, ибо что бы ни сказалъ синьоръ своему вассалу, онъ не запятнаетъ его.

„Вы изгоняете меня изъ моей страны—я не питаю къ вамъ за то злобы, ибо доброму рыцарю будетъ отчизной и чужая земля.

„Возлѣ васъ много завистниковъ моимъ подвигамъ. Обыкновенно всякая доблесть сопровождается завистью. Среди своихъ шуточекъ, они пускаютъ скрытыя обвиненія, а такъ какъ васъ не стошнило при этомъ, то позолоченная пилюля идетъ себѣ своимъ путемъ. Множество льстивой лжи и отсутствіе правды—вотъ чѣмъ они вамъ служатъ: когда-нибудь придворные объявятъ истинѣ формальную войну.

„Вы не почувствуете моего отсутствія до перваго сраженія, ибо добро мы познаемъ лишь тогда, когда чувствуемъ въ немъ недостатокъ".

Такъ говорилъ Сидъ Рюи-Діазъ и, направившись къ Бабіекѣ, выѣхалъ на богатую и прелестную равнину Валенціи.

IV.

Король донъ-Альфонсъ выслушалъ сладкія рѣчи, съ которыми, на прощаніе, обратился къ нему Сидъ, отправляясь на войну, и сказалъ своимъ:

„Сегодня наши знамена покидаетъ доблестнѣйшій изъ воиновъ, проливавшихъ маврскую кровь.

„И хотя такія рѣчи могутъ вамъ показаться или, вѣрнѣе, если рѣчи эти кажутся вамъ преувеличенными,—знайте же, что это невѣрно. Чувства сердца, которое бьется въ царственной груди, одушевленной любовью къ родинѣ, изливаются совершенно свободно.

„Онъ покидаетъ насъ, отправляясь въ далекое изгнаніе, и когда я подумаю объ его отъѣздѣ, я вижу, что удаляется одинъ, но увлекаетъ за собою тысячу желаній. Ибо когда храбрый воинъ покидаетъ, такимъ образомъ, своего короля и, осыпаемый укоризнами всего двора, удаляется въ чужія земли, это, такъ сказать, точно камень, оторвавшійся отъ какого-нибудь большого зданія, и чаще всего, однимъ своимъ паденіемъ, увлекающій за собою все на землю.

„О! нѣтъ, нечего радоваться королямъ, нечего радоваться, если они думаютъ о благѣ отечества и принуждены издали вести войну. Когда рыцари сражаются мечемъ своимъ за своего государя,—это все равно, какъ еслибы въ томъ участвовалъ лично король, страдалъ вмѣстѣ съ ними, сражался своимъ мечемъ и сердцемъ.

„Сидъ великій воитель, человѣкъ достойный и благородный во всякомъ дѣлѣ. Но если онъ строптивъ противъ Бога и короля, чего ожидать ему?

„Сидъ долженъ быть удаленъ. Тогда, въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, скажутъ, что Альфонсъ правосуденъ и, карая виновныхъ, не щадитъ никого“.

Переводъ А. Ч.

V.

Сидъ въ Валенціи лежалъ
На одрѣ, больной и хилый,
Претерпѣвшій много бѣдствій
И трудами столькихъ боевъ
Утомленный. Вдругъ онъ слышитъ,
Возмущаяся душою,
Что Букаръ, владыка мавровъ,
Подъ Валенцію подходитъ
И ведетъ съ собою тридцать
Королей, могучихъ силой,
И безчисленное войско
Пѣшихъ ратниковъ и конныхъ.
На одрѣ своемъ Родриго
Приподнялся, размышляя
О толико важномъ дѣлѣ,
И молился Богу неба,
Чтобъ ему онъ былъ помощникъ
И чтобъ съ честію избавилъ
Отъ погибели такой.
Вдругъ нежданно предъ собою

Добрый [1]) Сидъ увидѣлъ мужа,
Съ ликомъ яснымъ и пресвѣтлымъ,
Озареннаго сіяньемъ
И въ одеждѣ бѣлоснѣжной.
Дивный мужъ, благоуханьемъ
На лежавшаго повѣявъ,
Такъ сказалъ: „Ты спишь, Родриго—
Пробудись и будь смѣлѣе!“
Сидъ спросилъ у мужа: „Кто вы?“
Мужъ на то: „Я Петръ апостолъ!
Возвѣстить тебѣ, Родриго,
Посланъ я, чтобы отнынѣ
О единой только смерти
Помышлялъ ты: въ жизнь иную
Богъ зоветъ тебя, Родриго,
Въ безконечный міръ блаженныхъ,
Гдѣ живутъ одни святые,
Въ лонѣ Божіемъ ликуя.
Черезъ тридцать дней, считая
Отъ того, въ который слышишь
Эту вѣсть—умрешь ты. Много
Богъ взыскалъ тебя, Родриго,
И за подвиги награду
Уготовалъ, что и мертвый
Для враговъ ты будешь страшенъ
И Букара одолѣешь.
Твой народъ съ его народомъ
Будетъ биться въ грозной битвѣ,
И святой апостолъ Яковъ
Вашимъ ратникамъ поможетъ.
Ты же нынѣ, передъ смертью,
Во грѣхахъ своихъ покайся,

[1]) Сидъ въ испанскихъ романсахъ постоянно называется: добрый Сидъ—buen Cid.

Чтобы въ рай душою чистой
Вознестись: Господь готовитъ
Въ небесахъ тебѣ жилище,
Потому что ты украсилъ
И почтилъ мой домъ въ Карденьи,
Отъ котораго Карденскимъ
Я въ народѣ называюсь".
Какъ услышалъ это Сидъ,
Превеликое веселье
Ощутилъ, и, одръ покинувъ,
На колѣни палъ и ноги
У апостола святого
Онъ хотѣлъ облобызать;
Но апостолъ: „Встань, Родриго,
И ко мнѣ не приближайся!
Это будетъ безполезно;
Но считай неотвратимымъ,
Что́ сказалъ тебѣ я нынѣ!"
И, вѣщавъ сіе, апостолъ
Въ небеса опять вознесся.
Добрый Сидъ одинъ остался,
Преисполненный веселья,
Возсылая къ Богу неба
Многократныя молитвы.

VI.

У апостола Петра,
Что́ Карденскимъ назывался,
Находился донъ-Родриго,
Грозный мавровъ побѣдитель,
Никогда не побѣжденный.
Повелѣвшему Альфонсу,
На скамью съ задкомъ узорнымъ
Посадили тѣло Сида
И одѣли въ новый панцырь.

Ликъ его сіялъ открыто,
Благородствомъ озаренный;
Борода вилась кудрями,
Бѣлизной подобна снѣгу;
У бедра его висѣла
Шпага добрая Тизонъ;
И не вѣрилось, что умеръ
Донъ-Родриго, а казалось,
Что живой сидѣлъ на стулѣ.
Такъ сидѣлъ онъ восемь лѣтъ,
И народъ усердно въ храмахъ
О душѣ его молился,
Что́ была въ раю у Бога,
И ходилъ смотрѣть на Сида
Въ храмъ Карденскаго Петра.
Праздникъ былъ неподалеку
Отъ того святого мѣста,
Гдѣ Родриго находился.
Весь народъ ушелъ на праздникъ,
И осталось тѣло Сида
Безъ присмотра; въ это время
Жидъ пришелъ взглянуть на Сида,
Подошелъ и самъ съ собою
Разсуждалъ: „Такъ вотъ какой онъ,
Этотъ Сидъ, вездѣ хвалимый!
Говорили, что при жизни
Не посмѣлъ бы самый смѣлый
Бороды его коснуться...
А теперь сидитъ онъ мертвый!
Дай-ка я ее рукою
Ухвачу! теперь помѣхи
Мнѣ не будетъ, и не страшенъ
Мертвый Сидъ, какъ былъ живой!“
И, приблизясь, потянулся
Къ бородѣ священной Сида

Жидъ нечистый; но лишь-только
Онъ хотѣлъ ея коснуться,—
Добрый Сидъ зашевелился
Безпокойно и на пядень
Обнажилъ свой мечъ Тизонъ.
Обуялъ жида великій
Страхъ, и онъ безъ чувствъ на землю
Повалился, точно мертвый.
Такъ нашли его поутру
И въ лицо ему водою
Стали брызгать, чтобъ очнулся,
И когда пришелъ онъ въ память,
Разсказать ему велѣли,
Что́ случилось съ нимъ во храмѣ
И за что́ онъ такъ избитъ.
Жидъ повѣдалъ все подробно,
И народъ, склонивъ колѣни,
Сталъ молиться Богу неба
За содѣянное чудо,
Что во храмѣ не дозволилъ
Тѣло воина Христова
Осквернить рукѣ нечистой.
Жидъ, съ которымъ было чудо,
Окрестился, Гиль-Діэгомъ
Нареченъ и сталъ молиться
И служить усердно Богу
У Карденскаго Санъ-Педро
И, какъ добрый христіанинъ,
Тамъ окончилъ дни свои.

Переводъ Н. В. Берга.

Объяснительныя статьи.

Сидъ, какъ историческое лицо.

(Изъ ст. Т. Н. Грановскаго).

Имя Родрига Діаца встрѣчается въ первый разъ въ грамотѣ Фердинанда I-го отъ 1064 года. Годъ его рожденія неизвѣстенъ. Отца онъ лишился еще въ дѣтствѣ своемъ. Когда, по смерти Фердинанда I-го, владѣнія его перешли къ дѣтямъ, Родригъ остался при дворѣ старшаго сына, Санхо кастильскаго, и повидимому, уже игралъ значительную роль. Междоусобія Санхо съ братьями и сестрами дали Родригу, которому король ввѣрилъ начальство надъ всѣмъ своимъ войскомъ, возможность обнаружить тѣ великія свойства, которыми онъ впослѣдствіи прославился. Въ 1071 году, Санхо и братъ его Альфонсъ, король Леонскій, условились кончить споръ свой судомъ Божіимъ, то-есть битвою. Побѣжденный былъ обязанъ уступить свои владѣнія побѣдителю. Сраженіе произошло у деревни Гольпехары. Кастильцы были разбиты. Альфонсъ, увѣренный въ точномъ исполненіи условій, запретилъ своимъ воинамъ преслѣдовать бѣглецовъ и не хотѣлъ проливать крови будущихъ подданныхъ. Но Родригъ уговорилъ Санхо нарушить условіе. „Враги наши отдыхаютъ послѣ побѣды (сказалъ онъ ему ночью): если мы на разсвѣтѣ нападемъ на нихъ снова, то одолѣемъ, въ свою очередь“. Санхо принялъ не совсѣмъ честный совѣтъ и съ остатками разбитаго войска напалъ рано утромъ на брата. Застигнутые врасплохъ леонцы разсѣялись; самъ Альфонсъ попался въ плѣнъ. Вскорѣ потомъ донъ Санхо погибъ при осадѣ города Заморы, который онъ хотѣлъ отнять у сестры своей Урраки. Всѣ его владѣнія перешли по наслѣдству къ брату его Альфонсу VI-му, который предварительно долженъ былъ подвергнуться унизительному обряду и присягнуть въ томъ, что онъ не принималъ участія въ смерти убитаго предательскимъ образомъ брата. Присягу эту принялъ Родригъ Діацъ. Понятно, что Альфонсъ не могъ

любить надменнаго вассала, который былъ причиной его плѣна и свидѣтелемъ его униженія. Это не помѣшало, впрочемъ, Родригу жениться на близкой родственницѣ короля, Хименѣ, дочери графа Овіедскаго. Около 1081 года, Родригъ былъ изгнанъ изъ владѣній Альфонса VI-го. Мы не знаемъ, что послужило поводомъ къ этому изгнанію, но съ него начинается та часть жизни Сида, въ-теченіе которой онъ сдѣлался любимцемъ испанскаго народа. Слѣдующіе за тѣмъ годы Сидъ провелъ большею частію въ службѣ князя Юсуфа-Аль-Мутамина Сарагосскаго, изъ рода Бени-худовъ. Вотъ почему названный нами выше арабскій писатель говоритъ о Сидѣ, что онъ обязанъ былъ своей славой Бени-худамъ. Родригъ нетолько принималъ участіе въ распряхъ мухаммеданскихъ династовъ, но онъ помогалъ имъ противъ христіанскихъ владѣтелей; именно противъ Санхо Рамирица, короля Аррагонскаго и Наварскаго, и противъ Раймунда Беренгара, графа Барцелонскаго. У Родрига была своя собственная дружина, въ родѣ итальянскихъ кондотъ. Самъ онъ былъ не что иное, какъ смѣлый кондотьеръ, мало заботившійся о соблюденіи уставовъ рыцарской чести. Не онъ одинъ жилъ такимъ образомъ въ тогдашней Испаніи: знаменитый родственникъ и сподвижникъ его Альваро Фанецъ служилъ съ наемною дружиною арабскому князю, которому принадлежала Валенція. Дружина эта состояла, по словамъ лѣтописи, изъ бродягъ всякаго рода. Альваро Фанецъ не обращалъ вниманія на различіе вѣръ; онъ принималъ въ ряды свои мухаммеданъ и христіанъ безъ разбора. За-то воины его пріобрѣли незавидную извѣстность. Они грабили, жгли селенія и убивали жителей несчастныхъ мѣстностей, черезъ которыя лежалъ ихъ путь. Плѣнниковъ своихъ они часто продавали въ рабство за одинъ хлѣбъ, кружку вина или фунтъ рыбы. Плѣнники, которыхъ нельзя было продать, подвергались несравненно худшей участи: имъ рѣзали языки, выкалывали глаза и травили ихъ пріученными къ этому дѣли собаками. Г. Дози нашелъ въ источникахъ подробности до того отвратительныя, что не рѣшился сооб-

щить ихъ своимъ читателямъ. Къ сожалѣнію, народный герой испанской поэзіи не отличался отъ современниковъ мягкостью нрава, и дружина его ни въ чемъ не уступала дружинѣ Альваро Фанеца. Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи находящееся въ лѣтописи о Сидѣ (Gesta) письмо Беренгара Барцелонскаго. Письмо это, въ которомъ Барцелонскій графъ обвиняетъ Сида въ томъ, что онъ поклоняется горамъ и хищнымъ птицамъ, а не истинному Богу, оканчивается слѣдующими словами: „Господь отмститъ вамъ за разрушенные вашимъ насиліемъ и поруганные храмы его“.

Счастіе измѣнило Беренгару въ войнѣ съ Сидомъ, который разбилъ и взялъ его въ плѣнъ. Мы переведемъ съ перевода г-на Дози то мѣсто поэмы о Сидѣ, въ которомъ описывается освобожденіе Барцелонскаго графа изъ плѣна. Оно даетъ поразительно вѣрное понятіе о грубой и оригинальной эпохѣ, къ которой принадлежатъ эти событія.

„У Сида моего, дона Родрига, идетъ большая стряпня. Графу донъ Реймонду (Беренгару) нѣтъ до этого дѣла; ему приносятъ яства и готовятъ ихъ передъ нимъ, а онъ не хочетъ ѣсть. Онъ смѣется надъ всѣми кушаньями. „Я не съѣмъ ни одного куска за всѣ богатства цѣлой Испаніи. Пусть погибнетъ тѣло мое и пропадетъ душа моя, когда такіе оборванцы (mal carlados) побѣдили меня въ битвѣ“. Послушайте, что говоритъ теперь мой Сидъ Рюи Діацъ: „Отвѣдайте, графъ, этого хлѣба, выпейте вина; если вы сдѣлаете то, о чемъ я прошу, вы не будете болѣе плѣнникомъ; если нѣтъ, вамъ не видать никогда земли христіанской“. Графъ донъ Реймондъ отвѣчаетъ: „Ѣшьте, Родригъ, и предавайтесь радости, а я уморю себя, потому-что я не хочу ѣсть“. До третьяго дня они не могли уговорить его; пока они дѣлили богатую добычу, они не могли убѣдить его проглотить кусокъ хлѣба. Мой Сидъ сказалъ: „Съѣшьте что-нибудь, графъ; если вы не станете ѣсть, вамъ не видать болѣе христіанъ; но если вы съѣдите вдоволь для меня, я освобожу васъ и еще двухъ рыцарей и отпущу васъ домой“. Когда графъ услыхалъ это,

онъ сталъ повеселѣе. „Сидъ, если вы сдѣлаете, что обѣщаете, я буду удивляться вамъ до конца жизни“.—Ѣшьте же, графъ, а послѣ обѣда я отпущу васъ и двухъ другихъ. Но знайте, что изъ всего того, что́ вы потеряли, а я добылъ на полѣ битвы, я не отдамъ вамъ ни одной фальшивой денежки; я ничего не отдамъ вамъ изъ всего потеряннаго вами, потому что оно мнѣ нужно для моихъ вассаловъ, которые служатъ при мнѣ и терпятъ нужду; я ничего не дамъ вамъ. Я беру у васъ и у другихъ и плачу вассаламъ“. Графъ радуется; онъ требуетъ воды, чтобы умыть себѣ руки, и ему подаютъ воды, подаютъ тотчасъ. Графъ собирается кушать вмѣстѣ съ рыцарями, которыхъ Сидъ отпускаетъ съ нимъ. Боже мой, съ какою охотою принимается онъ за это дѣло! Напротивъ его сидитъ тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. „Если вы мало станете ѣсть, графъ, не вдоволь для меня, мы останемся здѣсь, мы не покинемъ другъ друга“. Тогда графъ сказалъ: „отъ всей души и съ большой охотой“. Онъ обѣдаетъ проворно съ двумя рыцарями; мой Сидъ на него смотритъ и радуется тому, что графъ донъ Реймондъ такъ хорошо дѣйствуетъ руками. „Если позволите, мой Сидъ, мы готовы въ дорогу. Прикажите, чтобы намъ подали коней, и мы поѣдемъ тотчасъ. Съ того дня, какъ я сталъ графомъ, я не ѣлъ съ такой охотой. Не забуду удовольствія, которое испыталъ теперь“. Имъ подали трехъ отлично осѣдланныхъ коней, хорошее платье, шубы и плащи. Графъ донъ Реймондъ скачетъ среди двухъ другихъ рыцарей. Кастильянецъ провожаетъ ихъ до крайней черты стана. „Вы ѣдете, графъ, на полную свободу. Благодарю васъ за то, что́ вы мнѣ оставляете; когда вамъ захочется отмстить мнѣ и вы станете искать меня, вы меня легко найдете; если же вы не прикажете меня искать и оставите меня въ покоѣ, у васъ будетъ въ барышахъ кое-что изъ вашего или изъ моего добра“. — „Веселитесь, мой Сидъ, будьте здравы и невредимы; я расплатился съ вами за этотъ годъ, никому не придетъ въ голову искать васъ“. Графъ пришпорилъ коня и пустился въ путь: дорогой

онъ поворачивалъ голову и посматривалъ назадъ: онъ боялся, чтобы Сидъ не раскаялся. За всѣ сокровища міра не поступилъ бы такъ безукоризненный рыцарь: онъ никогда не совершилъ безчестнаго дѣла".

Видно, графъ Барцелонскій былъ другого мнѣнія. Есть причины думать, что характеръ его побѣдителя былъ ему извѣстенъ лучше, чѣмъ жившему цѣлымъ столѣтіемъ позже поэту. Суровая простота и драматическое движеніе, составляющія принадлежность приведеннаго нами отрывка изъ поэмы о Сидѣ, по справедливости, обратили на себя вниманіе г-на Дози. Намъ однако кажется, что онъ не замѣтилъ весьма характеристической черты. Родригъ готовъ выпустить на волю плѣннаго графа, но изъ взятой въ битвѣ добычи онъ не уступитъ ничего, ни даже фальшивой денежки. Съ особенною энергіею и нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти слова. Таковы были феодальные герои XI столѣтія не въ одной Испаніи, но во всей западной Европѣ. Рыцарскія понятія только-что начали развиваться и еще не успѣли сгладить предшествовавшей грубости феодальныхъ нравовъ. Сидъ не скрываетъ своей любви къ чужому добру. Онъ совершаетъ часть своихъ подвиговъ ради добычи и денежныхъ выгодъ. Онъ ведетъ настоящую торговлю съ мухаммеданскими князьями: одни покупаютъ у него его услуги, другіе — просто миръ. Владѣлецъ альбарацинскій платилъ Сиду ежегодно 10,000 динаровъ; столько же получалъ онъ изъ Алькуенты, 6,000 изъ Мурвіедро, 6,000 изъ Сегорбіи, 4,000 изъ Херики, 3,000 изъ Альменары, 12,000 изъ Валенціи, пока не овладѣлъ совсѣмъ послѣднимъ городомъ. Это исчисленіе еще неполно. Въ книгѣ г-на Дози можно найти много подробностей, показывающихъ, какіе огромные доходы бралъ Родригъ съ меча своего.

Въ промежуткахъ между безпрерывными войнами, въ которыхъ принималъ корыстное участіе, изгнанный Сидъ служилъ и королю своему, Альфонсу VI кастильскому; но ему долго не удавалось смягчить гнѣвъ короля. Въ 1092 году Сидъ ходилъ вмѣстѣ съ Альфонсомъ на Альморавидовъ, въ

южную Испанію. Въ виду непріятеля, превосходнаго числомъ, Альфонсъ разбилъ укрѣпленный лагерь на горѣ: Сидъ сталъ передъ нимъ внизу, на равнинѣ, выражая такимъ образомъ намѣреніе прикрыть своей дружиной королевское войско. Альфонсъ былъ глубоко оскорбленъ высокомѣріемъ вассала и осыпалъ его упреками. Для избѣжанія еще худшихъ послѣдствій, Сидъ поспѣшилъ удалиться и ушелъ ночью къ Валенціи, давно составлявшей цѣль его желаній.

Ослабленная внутренними смутами Валенція со всѣхъ сторонъ была окружена врагами. Сосѣдніе князья, христіане и мухаммедане, равно старались овладѣть богатымъ городомъ. По смерти послѣдняго государя, царствовавшаго въ Валенціи, городомъ правилъ совѣтъ, составленный изъ самыхъ значительныхъ по положенію своему жителей. Это было нѣчто въ родѣ аристократической республики. Во главѣ совѣта стоялъ Ибн-Джахафъ, человѣкъ безъ дарованій, но властолюбивый, искавшій себѣ опоры извнѣ. Онъ сносился съ Альморавидами и съ Сидомъ, въ надеждѣ современемъ противопоставить ихъ другъ другу. Г-нъ Дози очень обстоятельно излагаетъ исторію Валенціи во второй половинѣ XI столѣтія. Мы заимствуемъ изъ его изслѣдованій только тѣ факты, которые относятся непосредственно къ Сиду. Лѣтомъ 1093 года Сидъ обложилъ Валенцію. Осада, подробности которой сохранены намъ арабскими писателями, продолжалась около года. Жители, напрасно разсчитывавшіе на помощь своихъ единовѣрцевъ, были доведены до послѣдней крайности. Они толпами выходили изъ города и предавали себя произволу Сидовыхъ наемниковъ, дабы избѣжать голодной смерти. Желая ускорить паденіе Валенціи, Родригъ запретилъ пускать въ лагерь свой этихъ выходцевъ; захваченныхъ имъ въ плѣнъ мавровъ онъ жегъ на кострахъ и травилъ живыхъ собаками. 15-го іюня 1094 года городъ сдался. Сначала Сидъ очень благосклонно обходился съ побѣжденными и заслужилъ ихъ признательность. По его приказанію, были задѣланы всѣ обращенныя къ городу окна крѣпостныхъ башенъ, дабы нескромные взгляды

не могли проникать во внутренность мухаммеданскихъ домовъ. Онъ также приказалъ христіанамъ кланяться маврамъ и уступать послѣднимъ дорогу при встрѣчѣ съ ними на улицѣ. Но кротость эта продолжалась недолго. При описаніи жестокостей, совершенныхъ Сидомъ въ Валенціи, авторъ разбираемаго нами сочиненія, слишкомъ полагается на пристрастныя свидѣтельства арабскихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, Родригъ былъ суровый властелинъ. Желая овладѣть богатствами Ибн-Джахафа, онъ предалъ его пыткѣ и потомъ казнилъ за утайку нѣкоторыхъ драгоцѣнностей. Ибн-Джахафъ былъ сожженъ живой вмѣстѣ съ семнадцатью другими почетными маврами. Въ числѣ ихъ погибъ, по предположенію г-на Дози, Абу-Джафаръ-аль-Бати, замѣчательный писатель, сочиненіемъ котораго объ осадѣ Валенціи Сидомъ воспользовался для своей хроники Альфонсъ X. Родригъ умеръ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ въ 1098 году. Черезъ четыре года послѣ его смерти, христіане принуждены были снова покинуть Валенцію и уступили ее Альморавидамъ. У Сида осталось трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери. Сынъ былъ убитъ въ войнѣ съ маврами. Потомки его существовали еще въ XIV столѣтіи и жили въ городѣ Валенціи. Старшая дочь Сида, Христина, вышла за мужъ за дона Рамиро, инфанта Наварскаго; вторая, Марія, была супругой Раймонда III, графа Барцелонскаго.

Изъ этого краткаго, но по достовѣрнымъ источникамъ составленнаго очерка можно видѣть, что историческій Сидъ во многомъ отличается отъ того Сида, о которомъ поютъ испанскіе романсы. Г. Дози показалъ, впрочемъ, что въ поэтическихъ памятникахъ средневѣковой Испаніи образъ кастильскаго героя подвергся послѣдовательнымъ измѣненіямъ, соотвѣтствующимъ перемѣнамъ, которыя произошли въ политическомъ бытѣ и образѣ мыслей испанскаго народа. Ослушникъ, наказанный гнѣвомъ Альфонса VI, нарушитель договоровъ, наемный слуга арабскихъ князей, жестокій властитель Валенціи, обращается постепенно въ томнаго любовника Химены и

представителя самыхъ утонченныхъ понятій рыцарской чести и вѣрности. Приступая къ вопросу о древности отдѣльныхъ поэтическихъ памятниковъ, которыхъ героемъ является Сидъ, г. Дози отрицаетъ совершенно вліяніе арабовъ на испанскую поэзію, о которомъ такъ много толковали другіе ученые. Извѣстно, что Конде приписывалъ арабамъ самую форму романса; Гаммеръ нашелъ у нихъ первыя ottave rime; Форіэль посвятилъ цѣлую главу своего знаменитаго сочиненія о провансальской поэзіи изслѣдованію отношеній, существовавшихъ между арабскою и провансальскою литературами. Ученый знатокъ романскихъ литературъ, Фердинандъ Вольфъ, давно выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности арабскихъ вліяній на поэзію южныхъ народовъ Европы. Къ сожалѣнію, превосходные труды Вольфа не пользуются должною извѣстностью и не всѣмъ доступны, потому что онъ печаталъ ихъ статьями въ періодическомъ изданіи (Вѣнскихъ Лѣтописяхъ) и не издавалъ отдѣльно. Вотъ что говоритъ г. Дози:

„Арабо-испанская поэзія — классическая, потому-что она подражала древнимъ образцамъ, была исполнена образовъ, заимствованныхъ изъ жизни въ пустынѣ, непонятныхъ для массы народа и еще въ бо̀льшей степени для иностранцевъ. Языкъ поэтическій былъ языкъ мертвый; сами арабы понимали его и писали на немъ только вслѣдствіе долгаго и основательнаго изученія древнихъ поэмъ, какъ напримѣръ Моаллакъ, Гамазы, Дивана шести поэтовъ, комментаторовъ и старыхъ лексикографовъ. Иногда даже поэты ошибались въ употребленіи нѣкоторыхъ устарѣвшихъ словъ. Эта родившаяся во дворцахъ поэзія обращалась не къ народу, а къ людямъ образованнымъ, вельможамъ и князьямъ. Могла ли поэзія, столь ученая, доставлять образцы смиреннымъ и невѣжественнымъ кастильскимъ жонглерамъ? Что касается до благородныхъ трубадуровъ Прованса, то прекрасныя дамы, пиры, турниры и война не оставляли имъ досуга, необходимаго для многолѣтняго изученія арабскихъ стихотвореній. Я сказалъ: многолѣтняго, и не беру назадъ своего выраженія. Даже въ

настоящее время можно найти много оріенталистовъ, вполнѣ понимающихъ обыкновенный арабскій языкъ историковъ, но ошибающихся почти на каждомъ шагу, когда дѣло идетъ о переводѣ стихотвореній. Языкъ поэтовъ требуетъ особаго изученія. Тотъ, кто хочетъ свободно читать арабскихъ поэтовъ, долженъ посвятить на это цѣлые годы. Языкъ поэзіи отличается, конечно, у всѣхъ народовъ отъ языка прозы; но нигдѣ это различіе не обозначилось такъ рѣзко, какъ у арабовъ.

Къ подтвержденію мнѣнія г. Дози служитъ отсутствіе повѣствовательныхъ произведеній у испанскихъ арабовъ, у которыхъ почти исключительно процвѣтала лирика. Нашему автору извѣстны только два стихотворенія такого рода, не имѣющія, впрочемъ, ничего общаго съ романсами. У арабовъ нѣтъ вовсе романсовъ, и предположеніе, что мавританскіе романсы, „Romans moriscos“, переведены на испанскій съ арабскаго, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Эти вычурныя произведенія принадлежатъ XVI-му и XVII-му столѣтіямъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу „Исторіи Испанской Литературы“ Тикнора находятся любопытныя указанія на существованіе у испанскихъ мавровъ чего-то въ родѣ народной поэзіи. До сихъ поръ, на сѣверномъ берегу Африки, тангерскіе и тетуанскіе мавры поютъ пѣсни, содержащія въ себѣ брань на жителей Кордовы и Гранады и другіе намеки изъ временъ мухаммеданскаго владычества надъ Пиринейскимъ полуостровомъ. Лейденскому профессору были также, повидимому, неизвѣстны многіе образцы повѣствовательной поэзіи у арабовъ, о которыхъ говорится въ вышеупомянутыхъ примѣчаніяхъ. (Томъ II, стр. 680).

Пороки Сида были принадлежностью цѣлой касты, а не одного лица; въ глазахъ современниковъ они были великими качествами. Непокорный вассалъ высказывалъ громко и заявлялъ дѣлами образъ мыслей всего феодальнаго сословія. Надобно, сверхъ-того, сказать, что кастильское дворянство, далеко уступавшее въ силѣ и значеніи аррагонскому и фран-

цузскому, постоянно стремилось къ такому же положенію въ государствѣ. Тѣмъ бо́льшее сочувствіе внушалъ ему строптивый Родригъ, котораго вся жизнь прошла въ распряхъ съ Альфонсомъ VI. Стихотворная хроника и древнѣйшіе романсы съ особенною любовью указываютъ на эту сторону въ характерѣ Сида. Не заботясь объ исторической точности, они приписываютъ ему всѣ великія дѣла Фердинанда I, хотя настоящая дѣятельность Сида начинается ужъ при сыновьяхъ этого короля. Когда (говоритъ стихотворная хроника) императоръ германскій потребовалъ отъ Фердинанда присяги въ вѣрности, послѣдній не зналъ, что́ дѣлать, и горько жаловался на судьбу свою. Жалобъ этихъ никто не слушалъ. Наконецъ онъ рѣшился послать за Родригомъ, который отвѣчалъ должнымъ образомъ на требованія германскаго императора и потомъ разбилъ соединенныя силы всѣхъ европейскихъ народовъ, грозившія его королю. Во время переговоровъ о мирѣ, Фердинандъ отправился съ Родригомъ, по словамъ той же хроники, въ непріятельскій лагерь, гдѣ никто не могъ отличить короля отъ вассала. Фердинандъ предлагаетъ наконецъ Сиду престолъ свой, отъ котораго послѣдній отказывается.

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного истиннаго событія; тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ занимательности. Изъ него можно, съ одной стороны, видѣть древнѣйшее воззрѣніе на Сида, съ другой—особенное, можно сказать, ей исключительно-принадлежащее свойство древней испанской поэзіи. Въ ней мало лирическихъ элементовъ; нѣтъ ничего мечтательнаго; она заимствуетъ свое содержаніе изъ сферы дѣйствительной, изъ исторіи. Но здѣсь воображеніе поэтовъ создаетъ, въ угоду народной гордости, небывалыя событія и не полагаетъ никакихъ границъ своимъ правамъ. Оно по-своему передѣлываетъ исторію. Черезъ столѣтіе послѣ смерти Фердинанда I, его эпоха уже была совершенно преображена народными поэтами. Ему была предоставлена отчасти та же роль, какую Карлъ Великій играетъ въ романсахъ каролингскаго цикла. Сидъ замѣняетъ Роланда и Оливьера.

Мы видѣли отношенія Сида къ королю. Старинный романсъ поетъ также объ его поступкахъ съ папою.

Разсказъ, содержащійся въ этомъ романсѣ, принадлежитъ къ той же сферѣ, къ которой относятся баснословныя войны Фердинанда I, его побѣда надъ германскимъ императоромъ и взятіе кастильцами Парижа. Сидъ никогда не былъ въ Римѣ. Свиданіе его съ папою—дѣло народнаго воображенія, которое приводило своего любимца въ соприкосновеніе со всѣми властями того времени. Замѣтимъ, впрочемъ, что Сидъ не былъ исключительно представителемъ одного феодальнаго сословія: низшіе классы народа также присвоивали его себѣ. По нѣкоторымъ преданіямъ, мать Сида была простая поселянка; по другимъ, отецъ его былъ мельникъ. Зятья его, инфанты каріонскіе, жаловались, по свидѣтельству романса, на то, что имъ, сыновьямъ королей, родственникамъ императоровъ, пришлось жениться на дочеряхъ пахаря. Такимъ образомъ, Сидъ принадлежитъ по рожденію двумъ сословіямъ, къ которымъ преимущественно обращалась народная поэзія. Поэты того времени, по вѣрному замѣчанію Дози, жонглеры, переходили изъ замка въ замокъ, изъ деревни въ деревню и пѣли тамъ свои произведенія. Повидимому, они мало посѣщали города, потому-что горожане, вѣроятно, слишкомъ занятые матеріальными интересами, рѣдко являются въ поэмахъ и романсахъ. Жонглеры говорятъ только о дворянахъ, да о крестьянствѣ—сословіяхъ, которыя, по положенію своему въ Кастиліи, были тѣсно между собою связаны и за одно поддерживали феодальныя начала. Отношенія кастильскихъ городовъ были совсѣмъ другія: пользуясь значительными муниципальными льготами, они очень рѣдко вступали въ споръ съ монархической властью и доставили ей, въ эпоху Фердинанда и Изабеллы, своими ополченіями, или Германдадой, рѣшительный перевѣсъ надъ феодальнымъ дворянствомъ. Возьмемъ теперь другую сторону Сида, также смягченную впослѣдствіи. Всякому образованному читателю извѣстно, какимъ страстнымъ и почтительнымъ любовникомъ является Сидъ въ романсахъ позднѣйшаго про-

исхожденія. Стихотворная хроника представляетъ его отношенія къ Хименѣ совершенно въ другомъ видѣ. Родригъ женился на ней противъ собственной воли, въ угоду королю, желавшему положить конецъ междоусобіямъ, которыхъ театромъ была Кастилія. Бракъ былъ, слѣдовательно, чисто политическій. Характеръ самой Химены не отличается вначалѣ особенною женственностью. Она отправляется ко двору короля Фердинанда съ жалобою на Родрига, убившаго ея отца и державшаго въ плѣну ея братьевъ. Король объясняетъ ей смутное положеніе государства и трудность наказать ея обидчика. Когда Химена Гомецъ услышала эти слова: „Ради Бога, государь", сказала она, „не сердитесь на меня за то, что́ я предложу вамъ. Я вамъ покажу, какъ можно успокоить Кастилію и другія государства ваши. Выдайте меня замужъ за Родрига, за того, кто убилъ отца моего".

Мы совершенно согласны съ слѣдующими замѣчаніями г-на Дози. Химена предлагаетъ свою руку Родригу не вслѣдствіе пламенной страсти, а изъ чувства долга. Она не любитъ Родрига, но жертвуетъ собою, ибо надѣется отвратить такимъ образомъ бѣдствія, угрожающія Кастиліи. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ романсовъ проглядываетъ, впрочемъ, личное чувство женщины, неясная надежда на счастіе. „Тотъ, кто надѣлалъ мнѣ такъ много зла, окажетъ мнѣ, быть можетъ, и добро", говоритъ она. Родригъ сначала отвѣчаетъ отрицательно на предложеніе Фердинанда вступить въ бракъ съ Хименою, но потомъ женится и живетъ съ нею счастливо. Чувство рыцарской любви къ женщинѣ и почтительное обращеніе съ нею принадлежатъ, на равнѣ съ чувствомъ рыцарской вѣрности государю, къ позднѣйшимъ явленіямъ средневѣковой испанской жизни. XI вѣку они были почти неизвѣстны. Женщина въ тогдашней Испаніи была вѣрною подругою и отголоскомъ мнѣній мужа, а не идоломъ, принимающимъ поклоненіе обожателей. Въ извѣстномъ сочиненіи принца донъ Хуана-Эммануила, въ „Графѣ Луканорѣ", находится весьма любопытный разсказъ объ Альварѣ Фанецъ и его

супругѣ. Одинъ изъ родственниковъ Альвара замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ подчиняется своей женѣ доннѣ Васкуньянѣ. Донъ Альваръ обѣщалъ ему скорый отвѣтъ и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ съ нимъ и женою на прогулку. Рыцари ѣхали впереди, дама слѣдовала за ними. На дорогѣ встрѣтилось имъ стадо коровъ, и донъ Альваръ сказалъ своему родственнику: „Посмотрите, братъ мой, какія у насъ здѣсь прекрасныя лошади". — „Какъ, лошади? вѣдь это коровы!"—„Я боюсь, не сошли ли вы съ ума, братъ мой. Это настоящія лошади". Рѣшеніе спора предоставлено было подъѣхавшей къ тому времени доннѣ Васкуньянѣ. Сначала ей самой показалось, что она видитъ коровъ, но узнавъ мнѣніе мужа, тотчасъ съ нимъ согласилась, ибо была увѣрена, что онъ никогда не ошибается. Нѣсколько разъ во время прогулки повторилъ донъ Альваръ свой опытъ съ однимъ и тѣмъ же успѣхомъ, и тѣмъ доказалъ бѣдному родственнику, который начиналъ сомнѣваться въ свидѣтельствѣ собственныхъ глазъ, неосновательность его предположеній. Отсюда произошла испанская поговорка: когда мужъ говоритъ, что ручей течетъ обратно къ источнику, добрая жена должна ему вѣрить и съ нимъ соглашаться. Въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи, Химена походитъ на донну Васкуньяну. Особенно въ поэмѣ о Сидѣ хорошо обрисованы ея покорность и безграничная преданность волѣ супруга. Отъ нея вѣетъ нравственной чистотой, удаляющей возможность всякаго сравненія съ героинями бретонскаго цикла, которыя безъ зазрѣнія совѣсти отдаютъ руку убійцѣ отца или супруга, уступая голосу любви. Для нихъ не существуетъ понятій о долгѣ и нравственныхъ приличій. Г. Дози полагаетъ, что романсы бретонскаго цикла не имѣли успѣха въ Испаніи по причинѣ господствующаго въ нихъ воззрѣнія на женщинъ.

Къ числу самыхъ характеристическихъ эпизодовъ поэтической біографіи Сида принадлежитъ сватовство и женитьба инфантовъ каріонскихъ на его дочеряхъ. Сватомъ былъ самъ король Альфонсъ VI-й. Нехотя согласился Сидъ исполнить

волю короля и выдалъ дочерей за инфантовъ. „Сидъ мой жилъ въ Валенціи со всѣми вассалами своими; при немъ находились оба зятя его, инфанты каріонскіе. Онъ лежалъ на одрѣ покоя; Кампеадоръ спалъ. Тогда, знайте это, случилось очень нехорошее происшествіе. Левъ сорвался съ цѣпи, которою онъ былъ прикованъ, и вышелъ изъ клѣтки. Тѣ, которые стоятъ на дворѣ, исполнены страха; спутники Кампеадора обернули руки, вмѣсто щитовъ, плащами: они окружаютъ кровать и не хотятъ покинуть своего господина. Фердинандъ Гонзалецъ [1]) не зналъ, куда спрятаться. Онъ не нашелъ двери ни въ комнату, ни въ башню; страхъ его былъ такъ великъ, что онъ забился подъ кровать. Діэго Гонзалецъ выскочилъ въ дверь, крича: „Никогда не видать мнѣ болѣе Каріона!“ Испуганный, онъ спрятался за давильную (винограда) и вымаралъ свой плащъ и панцырь. Тогда проснулся тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. Онъ видитъ своихъ храбрыхъ воиновъ около кровати своей: „Что́ случилось съ вами, товарищи, чего хотите вы?“—„Ахъ, многоуважаемый господинъ, левъ насъ засталъ врасплохъ“. Но Сидъ оперся на локоть и всталъ. Накинувъ плащъ на плечи, онъ прямо пошелъ ко льву. Когда левъ завидѣлъ его, ему стало стыдно предъ Сидомъ: онъ склонилъ голову. Мой Сидъ, донъ Родригъ, взялъ его за гриву, отвелъ въ клѣтку и заперъ. Всѣ бывшіе тамъ удивлялись; оставивъ дворъ, они возвратились потомъ въ палаты. Сидъ позвалъ зятьевъ своихъ, но ихъ не могли отыскать; ихъ зовутъ, но они не откликаются; наконецъ ихъ нашли, и они явились. Оба были очень блѣдны. Никогда не прійдется вамъ слышать такихъ насмѣшекъ, какія говорились въ то время. Мой Сидъ Кампеадоръ не позволилъ болѣе смѣяться надъ зятьями, но инфанты каріонскіе считали себя жестоко оскорбленными; они пришли въ бѣшенство отъ того, что́ съ ними случилось“.

---

[1]) Одинъ изъ инфантовъ. Его не должно смѣшивать съ Фернандомъ Гонзалецомъ, который сдѣлался героемъ отдѣльнаго цикла романсовъ.

Вскорѣ послѣ приключенія со львомъ, Родригъ одержалъ большую побѣду надъ маврами. Инфанты не показали особеннаго мужества въ битвѣ, однако они получили на свою долю хорошую часть добычи. Тогда они рѣшились воротиться домой съ супругами своими. Родригъ согласился ихъ отпустить и далъ имъ въ провожатые племянника своего Фелеца Муніоса. При самомъ началѣ путешествія, каріонскіе инфанты обнаружили вполнѣ свое коварство: они хотѣли убить и ограбить богатаго мавра, Сидова друга, у котораго нашли гостепріимный пріемъ. Но у нихъ были еще худшіе замыслы, которые они намѣрены были привести въ исполненіе въ дремучемъ лѣсу. Здѣсь остановились на ночлегъ инфанты. На разсвѣтѣ они отправили впередъ свою свиту и остались наединѣ съ своими супругами. Въ надеждѣ на безнаказанность, вѣроломные рыцари высказали дочерямъ Сида свою ненависть и желаніе отомстить за обиды, нанесенныя имъ въ Валенціи. Бѣдныя жены умоляютъ инфантовъ отрубить имъ головы знаменитыми мечами Коладою и Тизономъ, которые Сидъ далъ зятьямъ, снаряжая ихъ въ дорогу. Предатели не слушаютъ моленій и до изнеможенія бьютъ женъ своихъ шпорами и ремнями. Когда жертвы ихъ жестокости перестали уже кричать отъ боли, инфанты оставили ихъ лѣснымъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, а сами пустились въ дальнѣйшій путь. Но вѣрный Фелецъ Муніосъ видѣлъ издали поступокъ инфантовъ и явился во-время на помощь двоюроднымъ сестрамъ. Онъ привелъ ихъ въ чувство, напоилъ холодной водой и, посадивъ на своего коня, вывелъ изъ лѣса. Когда Сидъ узналъ о томъ, что случилось, „онъ долго думалъ и молчалъ. Потомъ онъ поднялъ руку и коснулся ею бороды своей. Хвала Христу, владыкѣ міра! Инфанты каріонскіе оказали мнѣ большую честь. Клянусь этою бородою, до которой никто не дотрогивался, инфанты недолго будутъ радоваться своему дѣлу. Я сумѣю выдать дочерей моихъ замужъ“.

Сидъ дѣйствительно отомстилъ зятьямъ своимъ; они принуждены были отдать назадъ богатое приданое, мечи Коладу

и Тизона, и всенародно сознаться въ безчестномъ поступкѣ. Дочери Сида вышли вторично замужъ за инфантовъ Наварскаго и Аррагонскаго. Г. Дози полагаетъ, что жонглеръ, которому мы обязаны поэмою о Сидѣ, руководился въ этомъ эпизодѣ личною ненавистью къ двумъ знатнымъ фамиліямъ Гомесъ и каріонскихъ инфантовъ. Трудно доказать вѣрность этого предположенія. Для насъ важнѣе всего черты жестокихъ феодальныхъ нравовъ, которыхъ представителями явились каріонскіе инфанты. Прибавимъ, сверхъ того, что въ поэмѣ о Сидѣ нравы и обычаи настоящіе выставлены не такъ рѣзко и сурово, какъ въ стихотворной хроникѣ, которая, очевидно, ближе къ народному преданію.

Мы привели выше нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что Родригъ не всегда строго держалъ данное слово. Конечно, въ этомъ отношеніи онъ такъ же отступаетъ, какъ и во многихъ другихъ, отъ правилъ рыцарской чести. Но современники едва-ли ставили ему въ укоръ эту черту, о которой не безъ удовольствія упоминаютъ поэтическіе памятники. Когда изгнанный Сидъ выѣзжалъ изъ Бургоса (разсказываетъ поэма о немъ), ему понадобились деньги. Онъ велѣлъ набить пескомъ два большіе сундука и обманулъ двухъ бургосскихъ евреевъ, которымъ заложилъ эти ящики за 600 марокъ. Евреи повѣрили ему на-слово, приняли песокъ вмѣсто обѣщанныхъ драгоцѣнностей и обязались не открывать сундуковъ въ теченіе цѣлаго года. Позднѣйшій поэтъ, излагая этотъ случай, прибавляетъ, что въ этихъ ящикахъ хранилось „злато Сидова слова“. У жонглера XIII столѣтія вовсе нѣтъ такихъ понятій. Онъ просто разсказываетъ происшествіе, въ которомъ, по его мнѣнію, обнаруживались умъ и хитрость кастильскаго героя. Вообще честность и правдолюбіе не считались на Пиринейскомъ полуостровѣ, въ эпоху Сида, необходимыми принадлежностями феодальнаго воина. Здѣсь видно вліяніе мухаммеданскихъ нравовъ. „Воевать значитъ обманывать“, сказалъ Мухаммедъ. Когда Родригъ жилъ въ Валенціи, онъ, по словамъ Ибн-Бассана, за-

ставлялъ себѣ читать сказанія о подвигахъ арабовъ. Никто изъ мухаммеданскихъ вождей не возбуждалъ въ немъ такого восторга и не внушалъ къ себѣ такого участія, какъ Аль-Мохалабъ, прозванный лжецомъ. Къ этому Мохалабу обратился современный арабскій поэтъ съ слѣдующимъ стихомъ: „Ты былъ бы благороднѣйшій изъ витязей, если бъ ты имѣлъ привычку говорить правду“. Упрекъ поэта не помрачилъ, повидимому, чести арабскаго героя. Г. Дози приводитъ о немъ другое, болѣе положительное и согласное съ идеями той эпохи свидѣтельство: „Аль-Мохалабъ былъ ученый знатокъ Корана; ему извѣстны были слова пророка, сказавшаго, что всякая ложь будетъ сочтена за таковую, за исключеніемъ трехъ случаевъ: лжи, сказанной для примиренія двухъ ссорящихся; лжи мужа, обѣщающаго что-нибудь женѣ своей, и лжи воина, произносящаго угрозы предъ битвою“.

Во всеобщей хроникѣ Альфонса X-го характеръ Сида является намъ уже нѣсколько смягченнымъ. Король-лѣтописецъ не могъ питать сочувствія къ мятежному вассалу и охотно приводитъ заимствованныя имъ изъ арабскихъ источниковъ показанія о жестокости Сида. Зато онъ изображаетъ его отношенія къ Альфонсу VI-му въ лучшемъ и болѣе приличномъ настоящему рыцарству видѣ, чѣмъ стихотворная хроника и даже поэма.

По мѣрѣ укрѣпленія въ Испаніи монархическихъ понятій и рыцарскихъ идей, составители романсовъ болѣе и болѣе стираютъ суровыя черты настоящаго Сида и приближаютъ его къ своей эпохѣ. Эти романсы вытѣснили изъ народнаго употребленія другіе, болѣе древніе памятники поэзіи, въ которыхъ дѣйствительность отразилась чище и вѣрнѣе. Можно сказать, что исторія и поэзія дѣйствовали въ этомъ случаѣ за-одно. Историческія компиляціи XVI и XVII столѣтій, упоминающія о Сидѣ, возникли подъ вліяніемъ идей, совершенно чуждыхъ XI-му вѣку. Даже Филиппъ II увлекся общимъ направленіемъ и питалъ глубокое уваженіе къ памяти предста-

вителя строптивой аристократіи, которая такъ долго задерживала въ Испаніи прочное укрѣпленіе монархическаго начала.

Оканчивая обзоръ прекрасной книги г. Дози, мы подѣлимся съ нашими читателями пріятнымъ извѣстіемъ о его намѣреніи издать полную исторію средневѣковой Испаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ современныхъ ученыхъ никто не можетъ выполнить эту задачу съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ. Да будетъ намъ позволено выразить еще одно желаніе. Русская литература крайне бѣдна переводами произведеній средневѣковой поэзіи. Поэма о Сидѣ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ памятниковъ этой поэзіи и способна возбудить участіе всякаго образованнаго читателя. Простотою формы, занимательностью содержанія она несравненно выше рыцарскихъ романовъ XII и XIII столѣтій, написанныхъ въ остальной Европѣ: это чисто эпическое произведеніе. Неужели никто изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и ученыхъ не возьметъ на себя труда подарить насъ переводомъ замѣчательнаго памятника, изъ котораго лучше, чѣмъ изъ многотомныхъ разсужденій, можно понять жизнь Пиринейскаго полуострова въ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ его исторіи?

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе I

I. ПОЭМА О СИДѢ, *пер. А. Ч.*

1) Пѣснь первая. 1
2) Пѣснь вторая 68

II. ИЗБРАННЫЕ РОМАНСЫ О СИДѢ.

А) Царствованіе Фердинанда I, I—X, *пер. В. А. Жуковскаго* . 112
Б) Царствованіе донъ-Санхо, I—V, *пер. В. А. Жуковскаго* . . 122
В) Царствованіе донъ-Альфонса, I—IV, *пер. А. Ч.* и V—VI, *пер. Н. В. Берга* 130

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Сидъ, какъ историческое лицо, изъ ст. *Т. Н. Грановскаго* . . . 140

Вып. XXIII. **Е. А. Баратынскій.** (1800—1844). Избранныя сочиненія. Лирическія стихотвор.—Поэмы.—Прозаич. статьи.—Матеріалы для изученія поэта. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Вып. XXIV. **Житье и хоженье Данила** Русьскыя земли игумена. (1106 — 1108). Текстъ воспроизведенъ по древнѣйшему списку XV вѣка, изданному Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. Текстъ памятника.—Объяснительныя статьи, съ приложеніемъ 2-хъ картъ. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Вып. XXV. **Н. И. Новиковъ.** (1744—1778). Живописецъ. (1772 — 1773). Избранныя статьи изъ „Живописца". — Извлеченіе изъ „Трутня".—Матеріалы для изученія писателя. Спб. 1896. Ц. 35 к.

Вып. XXVI. **Древне-русскія драматическія произведенія.** Зачатки драмы въ произведеніяхъ народной поэзіи.—Пещное дѣйство и вертепъ.—Мистерія Симеона Полоцкаго о царѣ Навуходоносорѣ. — „Владиміръ", трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Вып. XXVII. **В. Г. Бѣлинскій.** (1810 — 1848). Критическіе этюды. Часть первая. „Ревизоръ" Гоголя. — „Горе отъ ума" Грибоѣдова. — „Борисъ Годуновъ" Пушкина. Спб. 1898. Ц. 30 к.

Вып. XXVIII. **Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.** Избранныя сочиненія. Исторія Іоанна Грознаго, кн. Курбскаго. Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь. Спб. 1902. Ц. 55 к.

Вып. XXIX. **А. В. Кольцовъ.** (1802 — 1842). Стихотворенія. 87 стихотвореній. — Этюдъ В. Г. Бѣлинскаго и В. Н. Майкова.—Объяснительныя статьи. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Вып. XXX. **И. И. Козловъ.** (1779 — 1840). Стихотворенія. Лирическія стихотворенія, оригинальныя и переводныя.—Поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1906. Ц. 55 к.

Вып. XXXI. **К. Н. Батюшковъ.** (1787 — 1855). Стихотворенія. LXXIII Лирическихъ стихотвореній.—XVIII Сатирическихъ пьесъ.—Объяснит. статьи. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Вып. XXXII. **А. Н. Радищевъ.** Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Текстъ произведенія.—Объяснительныя статьи. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Вып. XXXIII. **В. А. Озеровъ.** (1769 — 1816). Трагедіи. Эдипъ въ Аѳинахъ. — Фингалъ.—Димитрій Донской.—Объяснительныя статьи. Спб. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXIV. **И. Ф. Богдановичъ.** (1743 — 1802). Избранныя сочиненія. Душенька.—Радость Душеньки.—Объяснительныя статьи. Спб. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXV. **В. В. Капнистъ.** (1757—1824). Избранныя сочиненія. Ябеда, ком.— Оды.—Гораціанскія и анакреонтическія оды.—Посланія.—Сатиры.—Эпиграммы и надписи.— Объяснительныя статьи. Спб. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXVI. **И. А. Крыловъ.** (1768 — 1844). Басни. Текстъ 201 басни съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1908. Ц. 60 к.

Вып. XXXVII. **И. С. Тургеневъ.** (1818—1883). Рудинъ. Романъ въ XII главахъ съ эпилогомъ. Полный текстъ романа.—Объяснительныя статьи. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Вып. XXXIX. **А. С. Хомяковъ.** (1804—1860). Стихотворенія. 75 лирическихъ стихотвореній.—Объяснительныя статьи. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Тоже. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей.

Вып. I. **Пѣснь о Роландѣ.** Французскій народный эпосъ. Переводъ Чудинова. Текстъ памятника, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Вып. II. **Пѣснь о Нибелунгахъ.** Нѣмецкій народный эпосъ, переводъ Кудряшева. Текстъ авентюръ: I, II, XV — XVII, XXXVI — XXXIX и изложеніе содержанія остальныхъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 45 к.

Вып. III. **Поэмы Оссіана** Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. Фингалъ, поэма въ VI пѣсняхъ. — Смерть Кухулина, поэма и ирландское сказаніе.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 35 к.

Вып. IV. **Старшая Эдда** (Семунда мудраго). Сборникъ миѳологическихъ, гномической и эпическихъ пѣсенъ, въ переводахъ русскихъ писателей. Древне-Скандинавскій народный эпосъ. I—II миѳологическія пѣсни.—I гномическая. — I—XV эпическихъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Вып. V. **Поэма и избранные романсы о Сидѣ,** въ переводахъ русскихъ писателей. Испанскій народный эпосъ. Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романсы о Сидѣ.— Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Вып. VI. **Луисъ Камоэнсъ.** Лузіады. Поэма въ десяти пѣсняхъ. Текстъ поэмы.—

Вып. VII. **Данте Алигіери.** (1265 — 1321). Божественная комедія. Часть I. Адъ. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIV пѣсенъ. — Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 55 к.

Вып. VIII. **Данте Алигіери.** (1265 — 1321). Божественная комедія. Часть II. Чистилище. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ. Примѣчанія. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Вып. IX. **Данте Алигіери.** (1265—1321). Божественная комедія. Часть III. Рай. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ. — Примѣчанія. Спб. 1897. Ц. 55 к.

Вып. X. **Людовико Аріосто.** (1474 — 1533). Неистовый Роландъ. Поэма въ сорока шести пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Содержаніе поэмы Боярдо „Влюбленный Роландъ".—Текстъ 17-ти пѣсенъ Аріосто и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ отрывковъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Вып. XI. **Франческо Петрарка.** (1304—1374). Избранные сонеты и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. I—XXV сонетовъ. — I—III канцоны. — Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Вып. XII. **П. Бомарше.** Избранныя сочиненія. Пер. Чудинова. Спб. 1898. Ц. 55 к.

Вып. XIII. **Торквато Тассо.** (1544—1595). Освобожденный Іерусалимъ. Поэма въ двадцати пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Переводъ I — IV, XII, XIII, XV, XVI и XX строфъ и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ мѣстъ.— Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Вып. XIV. **А. Шамиссо де-Бонкуръ.** (1781 — 1838). Избранныя произведенія въ переводахъ русскихъ писателей. Чудесная исторія Петра Шлемиля. — Избранныя стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 35 к.

Вып. XV. **Г. Х. Андерсенъ.** (1805 — 1875). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Часть I-я. Сказка моей жизни. — Книга картинъ безъ картинъ.— Избранныя стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Вып. XVI. **Г. Х. Андерсенъ.** (1805 — 1875). Импровизаторъ или молодость и мечты итальянскаго поэта Романъ. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Вып. XVII. **Джьованни Боккаччьо.** (1313 — 1375). Декамеронъ. Собраніе избранныхъ новеллъ въ переводахъ русскихъ писателей. Вступленіе. Текстъ XX новеллъ:— Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Вып. XVIII. **Д. Дидро.** (1712 — 1784). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Племянникъ Рамо.—Біографическій очеркъ. Спб. 1900. Ц. 40 к.

Вып. XIX. **В. Гёте.** (1749 — 1832). Фаустъ. Драматическая поэма въ 2-хъ частяхъ. Переводъ М. В. Вронченко. Текстъ I-й части.—Изложеніе II-й части. — Объяснительныя статьи. Спб. 1900. Ц. 55 к.

Вып. XX. **А. де-Мюссе.** (1810—1857). Избранныя сочиненія, переводъ Чешихина и другихъ. Лирика, поэмы: Ива, Порція.—Комедіи: Луизонъ, Дѣвичьи грезы, Капризъ.— Объяснительныя статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Вып. XXI. **Дж. Г. Байронъ.** (1788 — 1824). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Лирическія стихотворенія.—Поэмы: Шильонскій узникъ.—Абидосская Невѣста.—Отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда и Донъ-Жуана.—Объяснит. статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Вып. XXII. **В. Шекспиръ.** (1554 — 1616). Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ М. В. Вронченко. Текстъ трагедіи.—Объяснит. статьи. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Вып. XXIII. **І. Уландъ.** (1787 — 1862). Избранныя стихотворенія въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Пѣсни.—Баллады и романсы.—Объяснит. статьи. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Вып. XXIV. **Калевала.** Финская народная эпопея. Переводъ Л. П. Бѣлскаго. Императорской Академіей Наукъ удостоенный Пушкинской преміи. Руны: 1 — 3, 10, 21, 23, 41 и 42.—Объяснительныя статьи. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Вып. XXV. **Древне-сѣверныя саги и пѣсни скальдовъ** въ переводахъ русскихъ писателей. I—IV саги.—Пѣсни скальдовъ.—Скандинавскія народныя пѣсни.—Объяснительныя статьи. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Вып. XXVI. **Ж. Расинъ.** (1639 — 1699). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Федра.—Гофолія.—Объяснительныя статьи. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Вып. XXVII. **Избранныя юнацкія пѣсни сербскаго народа** въ переводахъ русскихъ писателей. Пѣсни о Коссовской битвѣ.—Пѣсни о Маркѣ королевичѣ.—Эпическія пѣсни разнаго содержанія.—Лирическія пѣсни.—Объяснительныя статьи. Спб. 1904. Ц. 50 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
И. ГЛАЗУНОВА.

С.-Петербургъ, Садовая № 20.

Въ магазинѣ имѣются всѣ находящіяся въ продажѣ книги и учебныя пособія. Требованія какъ гг. иногородныхъ, такъ и городскихъ покупателей исполняются въ возможно короткій срокъ.

Книги собираются немедленно по полученіи заказа и высылаются тотчасъ же; если и можетъ произойти нѣкоторое промедленіе, то только тогда, когда требуемыя изданія приходится выписывать изъ другихъ городовъ, за неотысканіемъ ихъ въ С.-Петербургѣ.

Книги высылаются при полученіи наличныхъ денегъ, а также и наложеннымъ платежомъ; во избѣжаніе недоразумѣній магазинъ покорнѣйше проситъ точнѣе выписывать заглавія книгъ, адресъ требователя, а также означать какимъ способомъ желательна пересылка, почтою, по желѣзной дорогѣ или чрезъ транспортную контору.

УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ ДѢЛАЕТСЯ ИЗВѢСТНАЯ УСТУПКА.

Въ чертѣ города, по требованію, всѣ изданія доставляются и на домъ.

Телефонъ № 1061.

Въ Москвѣ *отдѣленіе магазина помѣщается на Петровкѣ, въ домѣ Хомяковыхъ, № 20.*

2018554563